

Евгений МОРОЗ

ЕВРЕИ И РИМ

ИСТОРИЯ ЗА СТеноЙ ПЛАЧА

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХІІ

Евгений МОРОЗ

ЕВРЕИ И РИМ

ИСТОРИЯ ЗА СТЕНОЙ ПЛАЧА

Издание подготовила

И. А. Левинская

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХII

ББК 63.3(0)3

М 80

Марка издательства работы

С. Семёнова

ISBN 978-5-89803-220-3

© Е. Мороз (наследники), 2012

© И. А. Левинская, подготовка текста, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. А. Левинская. Предисловие</i>	6
Введение	
Наследие Иерусалима	7
Глава первая	
Как относились римляне к евреям?.....	19
Глава вторая	
Мятежная провинция великой империи	49
Глава третья	
Религиозная война	81
Глава четвертая	
Драма диаспоры. Греки и иудеи	119
Глава пятая	
Бар-Кохба — герой или безумец?	149
Глава шестая	
Мирная Иудея.....	167
Глава седьмая	
От Рима ко Второму Риму.....	177
В качестве послесловия	
Из Иерусалима в Иерусалим.	
Путь в две тысячи лет	191

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда мне передали просьбу Евгения Львовича Мороза поработать вместе с ним (в качестве редактора) над вторым изданием его книги «Евреи в конфликте цивилизаций», я согласилась с особым удовольствием. Мне приходилось работать с Е. Л. Морозом в бытность редактором журнала «Барьер», и сотрудничество с ним оставило у меня самое приятное воспоминание. Он был, что называется, легким автором — не держался с маниакальным упорством за свой текст и внимательно относился к критическим замечаниям, не отказываясь при этом от своих идей, которые после обсуждений формулировал с большей ясностью и точностью. Тема книги Евгения Львовича была мне интересна, а учитывая, что наши позиции по многим затронутым вопросам не совпадали, я предвкушала продуктивную для обеих сторон дискуссию, результат которой, как мне представлялось, принесет пользу его труду.

Я читала рукопись книги, когда получила от нашего общего друга сообщение по электронной почте о его безвременной кончине, оплаканной всеми его друзьями и почитателями его замечательного таланта.

Учитывая, что возможность диалога отпала, я оказалась в затруднительном положении. После долгих размышлений я пришла к выводу, что мое вмешательство в текст Евгения Львовича будет минимальным. Я позволила себе исправить некоторые неточности, уточнить библиографические ссылки (в частности, ради удобства читателей, которые захотят обратиться к греческому оригиналу или современным переводам на иностранные языки, я добавила в ссылках на Иосифа Флавия параграфы Низе — предложенная им система членения текста историка давно стала стандартной и несопоставимо более удобна, чем по старинке использующееся в русских переводах членение текста на главы и большие параграфы) и добавить несколько примечаний.

Я искренне надеюсь, что Е. Л. Мороз одобрил бы получившийся результат.

И. А. Левинская

Введение

НАСЛЕДИЕ ИЕРУСАЛИМА

Религиозные евреи убеждены в том, что центр земли расположен в святой святых Иерусалимского Храма. Хотя это помещение в действительности оставалось пустым, позднейшее талмудическое предание поместило туда ковчег Завета и некий камень, с которым связывалось благополучие вселенной: *«Святая Земля была центром мира; центром Святой Земли был Иерусалим, центром Иерусалима — храм, центром храма — Святилище, центром Святилища — ковчег, а перед Святилищем находился «эвен-шетиа» — камень, заложенный как фундамент для всего мироздания»*¹.

Эту еврейскую традицию переняли мусульмане, построившие на месте Храма мечеть Омара (Мечеть Скалы). Христиане, проигравшие мусульманам в соперничестве за Святую Землю, удовлетворились тем, что перенесли центр мироздания немного в сторону — в иерусалимскую церковь Гроба Господня. Однако представление о том, что центр земли находится в Иерусалиме, — общее для всех авраамических верований, претендующих на то, что именно оно наследует тому завету с Господом, который заключил некогда праотец еврейского народа Авраам. Городу Иерусалиму, в котором обрели свой дом потомки Авраама, суждено было сыграть совершенно особую роль в истории человечества. Само имя этого города используется часто в качестве общего символа, определяющего источник и направление развития западной цивилизации. Авторы, описывающие ее становление, говорят о том, что Запад объединил наследие Иерусалима и Афин. Афины — это символ греко-римского мира, породившего

¹ Танхума Гакодум (Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей. Библиотека Алия. 1989. С. 225).

научную и философскую мысль и классические формы европейского искусства, а Иерусалим — символ иудаизма, давшего человечеству уникальный опыт религиозного откровения, символ авраамической традиции, за право представлять которую спорят иудеи, христиане и мусульмане.

Древний Иерусалим был всего лишь одним из многих культурных центров, процветавших в разное время на просторах земли. Для гордых своим могуществом правителей Вавилона, Ниневии, Персеполя, для египетских фараонов государство евреев представлялось малозначительным периферийным образованием, просто несопоставимым по мощи с их блистательными империями. И в наши дни поражают своим величием египетские пирамиды, остатки Вавилона, храмы хеттов, персов... Этого нельзя повторить об Иерусалимском Храме, от которого сохранилась только Стена Плача, представляющая собой лишь фрагмент тех сооружений, которые защищали собственно Храм. Однако Стена Плача значима не своими архитектурными достоинствами. Стена — символ, для оценки которого видимая внешность так же второстепенна, как второстепенно все внешнее для иудаистских представлений о Боге.

Никак не оспаривая исключительные достижения и творческое обаяние культур, созданных древними государствами Египта и Месопотамии, можно все же сказать, что, даже принеся свои великолепные плоды, эти ростки цивилизации не дали живого творческого наследия. То же можно повторить и о множестве других древних культур. Если дать волю воображению и представить, что какая-то из этих традиций никогда не существовала, для наших современников это означало бы главным образом исчезновение соответствующих артефактов. «Вычитая» из истории человечества блистательные культуры ацтеков, майя, инков, «убирая в небытие» африканское королевство Конго или, например, государство Мвене Мутапа, чьи каменные сооружения часто упоминают под именем «Великого Зимбабве», мы отказываемся главным образом от археологических памятников и описывающей их литературы.

В последние годы в моду стали входить сочинения в области так называемой альтернативной истории. Их авторы описывают пути развития общества, которые могли бы реализоваться в том случае, если те или иные ключевые исторические события имели другой исход. Можно, например,

сконструировать реальность, исходя из предположения, что в битве при Саламине персы сломили сопротивление греческого флота и удержали под своим владычеством Афины, а в конечном итоге и всю Грецию. Что в битве при Пуатье победил не Карл Мартел, но конница мусульман, и арабский халифат поглотил государство франков, подарив Европе религию ислама. Можно, как это делают сейчас страстные апологеты ислама, перестроить историю Руси, исходя из предположения, что Владимир Киевский, выбирая для своего народа веру, принял мусульманство. А если иудаизм? При всей занимательности подобных построений их результат определяется главным образом воображением авторов. С большей уверенностью можно, однако, говорить о том, чего *не случилось бы*. Чего *не произошло бы* в истории при альтернативном разрешении ее ключевых ситуаций. Это не *альтернативная* история, но скорее своеобразное *историческое вычитание*, которое не создает воображаемых исторических конструкций, но позволяет оценить значимость вычитаемых исторических событий, определить, какие последствия они за собой повлекли.

Современная наука родилась в Греции, и не надо слишком большого воображения, чтобы осознать, какие потери ожидали бы нас без наследия Афин. Не будем даже останавливаться на таких «мелочах», как родившийся в древней Греции феномен собственно литературы, сменивший в исторических реалиях ближневосточную словесность² или философскую рефлексию, пришедшую на смену восточной мудрости. Можно сказать, что наследие Афин принесло, в конечном итоге, все материальные достояния современной западной цивилизации — от авиации и космических аппаратов до того компьютера, на котором я набираю сейчас этот текст.

Сложнее с наследием Иерусалима. Не буду говорить о столь деликатной теме, как то, в какой мере современная Западная цивилизация сохраняет или не сохраняет верность этому наследию. Однако обратимся к истории. Дабы оценить, что значил для человечества этот город, попытаемся представить, чего не случилось бы, если бы евреи там не оказались. Предположим, что легендарный исход из Егип-

² С. Аверинцев. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» // Типология и взаимосвязь литератур древнего мира. М., 1971.

та — не важно по какой причине — не привел народ Моисея в землю Израиля. То ли Красное море не расступилось, то ли войска фараона оказались мобильнее, то ли с манной небесной что-то не сработало. Историей евреев дело не ограничивается, ибо наследие Иерусалима определило судьбы множества различных народов. Оно распространилось во всех регионах, где восторжествовали христианство и ислам, то есть на большей части планеты. Возвращаясь к истории России, можно сказать, что при утрате этого исторического достояния киевскому князю Владимиру пришлось бы выбирать не между христианством, исламом и иудаизмом, но между буддизмом, зороастризмом и конфуцианством. (Интересно, что бы он выбрал?)

Если бы царь Соломон не построил в свое время Иерусалимский Храм, не появились бы на свет константинопольская София, одноименные храмы Киева и Новгорода, находящаяся рядом с константинопольской Софией Голубая мечеть. Вслед за Иерусалимским Храмом исчезают из истории римский собор Святого Петра и прочие храмы Рима, комплекс Мекки, Нотр-Дам де Пари, Альгамбра, Кельнский собор, индийский Тадж Махал, храмы Толедо, Московского Кремля... Перечислять можно бесконечно — территории от Архангельска до Тимбукту, от Лиссабона до Сомали, Индонезии и Австралии, а заодно и большая часть Западного полушария.

Впрочем, самая блистательная религиозная архитектура обладает в данном случае второстепенной значимостью, ибо авраамическое наследие — это прежде всего наследие Слова, которое заменило для евреев разрушенный Храм.

Феномен авраамической традиции, чье историческое становление связано с Иерусалимом, обычно рассматривается в качестве некоего общего исторического символа. Различные наследники Авраама в течение веков столь яростно спорят за право обладания этим наследством, что кажется просто невозможным говорить о какой-то общности исповедуемых ими религиозных доктрин. Общее в них — только религиозная страстность, с которой они борются между собой. Различные человеческие сообщества соперничали друг с другом во все времена и во всех частях света, однако только в авраамической традиции они делали это по такому поводу и, я бы сказал, с таким чувством. История Рима и Греции полна множества разнообразных социальных столкновений,

но она не знала чего-либо подобного ревнивому сосуществованию разных толков общей религиозной традиции, тогда как уже во втором веке до нашей эры иудейское общество разделилось на соперничающие группы — саддукеев, фарисеев, ессеев-кумранитов. Подобные идеологические конфликты бесконечно повторялись позднее в судьбах христианства и ислама с той, конечно, существенной особенностью, что евреи разных толков, при всей враждебности между собой, ограничивались, главным образом, полемикой и религиозных войн на уничтожение не вели, хотя временами и были очень к этому близки.

Однако авраамическое достояние не сводится только к Ненависти, направляющей людей против носителей другого образа Бога. Эта страсть представляет собой обратную сторону другой страсти — Любви к Богу. Для определения подобного комплекса чувств замечательно подходит слово Ревность, органично объединяющее в одно целое Любовь и Ненависть. Нашим современникам Ревность о Господе кажется неким самоочевидным, естественным проявлением искреннего религиозного чувства. Однако это мнимая естественность. Как писал о древних месопотамских верованиях исследователь А. Л. Оппенхейм, лежащая в их основе религиозная концепция *«не предъявляла сколько-нибудь серьезных притязаний ни на тело, ни на время, ни на богатство индивидуума. Отсюда отсутствие конфликтов с религией, которые могли бы смутить или потрясти человека... Человек жил в чрезвычайно умеренном религиозном климате, определявшемся скорее социальными и экономическими, чем культовыми координатами... Проявление его религиозных чувств сводилось к формальным церемониям, не было интенсивным и не носило личного характера»*³.

С некоторыми уточнениями эту общую характеристику можно было бы отнести к религиям древней Греция, Месопотамии, Египта, Китая, к шаманизму Сибири, древнейшим — языческим верованиям индоариев... При всем разнообразии указанных традиций все они имели своей целью определить место человека в окружающем его природном мире, и только наследники Авраама обратили свои религиозные страсти в мир высший, мир иной. Ни одна из упомянутых религий не знала такой пылкой и ревливой любви

³ А. Оппенхейм. Древняя Месопотамия. М., 1990. С. 139, 144.

к Богу, которая запечатлелась в псалмах царя Давида. Только в Иерусалиме могли прозвучать такие восхваления высшего мира: *«Как вожделенны жилища Твои, Господи сил! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и плоть моя восторгаются к Богу живому (Пс 84 (83): 1–3).*

Проблема, однако, в том, что культурная традиция, к которой мы принадлежим, сформировалась на фоне именно авраамических религиозных чувствований, тогда как верования иного типа остаются для нас малоизвестными и, что существеннее, малопонятными. По замечанию того же Оппенгейма: *«Человек Запада, по-видимому, не способен, а в глубине души и не желает понимать подобные религии, рассматривая их под искаженным углом антикварного интереса и апологетических претензий. В течение почти целого века он старается подогнать эти чужие измерения под свои привычные мерки»⁴.*

Именно потому, что мы не осознаем сопутствующего исторического фона, нам сложно осознать своеобразие, а стало быть, и значимость наследия Иерусалима. В действительности наследие Иерусалима определило не только общее направление и внешние формы авраамических культур, но повлияло на их сущность, вплоть до способности чувствовать. Можно проследить линии преемственности, ведущие от псалмов Давида, возможно даже в большей степени, нежели от Песни Песней, к истории Ромео и Джульетты. Конечно, романтические отношения между молодыми людьми противоположного пола — это общее достояние всех народов, но характер подобного романтизма культурно обусловлен. В действительности культурная составляющая определяет множество, казалось бы, сугубо природных вещей, включая обонятельные, цветовые или гастрономические предпочтения, даже расположение эrogenных зон на женском теле. Чувства — тем более. Любовная экзальтация в такой же мере продукт культуры, как экзальтация религиозная, и феномен куртуазной любви не случайно возник в рамках авраамической традиции. В конечном итоге он обязан своим возникновением своеобразной секуляризации того страстного религиозного чувства, которое вдохновляло некогда царя Давида на создание псалмов о Господе.

⁴ Там же. С. 145.

Именно в Иерусалиме впервые любовь была выражена словами, которые два тысячелетия эхом отражались на огромных пространствах земли, определяя судьбы множества народов. Отсюда и появление «Новых Иерусалимов» — претендующих на историческую преемственность сакральных центров, которые воздвигали честолюбивые наследники Авраама — от Подмосковья до Эфиопии и Соломоновых островов, где Педро Фернандес Кирос (португалец на испанской службе), в 1600–1606 годах возглавивший экспедицию, которая отправилась на поиски «Южной земли», и открывший остров Эспириту-Санто в архипелаге Новые Гебриды, заложил свой «Новый Иерусалим».

Однако это стремление к обретению Нового (в других случаях — старого, собственно Иерусалима) сочеталась с самой пылкой ненавистью к евреям. Евангелие утвердило за ними репутацию врагов Христовых. Проблема, однако, не сводится к религиозному фактору, ибо ненависть к евреям пережила эпоху религиозной экзальтации. Отвращение к христианству не помешало Вольтеру испытывать еще большее отвращение к иудаизму. На смену традиционного христианского антииудаизма, направленного против иудаистских верований, в Европе Нового времени пришла ненависть к евреям как народу. Если для средневековых ненавистников евреев, чье мировоззрение оставалось в рамках религиозных убеждений, важнейшим грехом еврейского народа представлялось его вероучение, то в эпоху становления европейского национализма, который отодвинул религиозный фактор на второй план, в центре внимания оказалась уже физическая природа. Слово «антисемитизм» впервые прозвучало в конце 70-х годов XIX столетия, когда его ввел в оборот немецкий публицист Вильгельм Марр. В отличие от христианских борцов против иудаизма, веками пытавшихся окрестить евреев, Марр утверждал, что обличаемые им пороки еврейского народа не могут быть смыты крещением, так как коренятся в самом еврейском естестве. Это не помешало ему раз за разом жениться на еврейках и в конце жизни отречься от прежних воззрений, заклеив их приверженцев как «банду антисемитов»⁵, однако и независимо от эволюции убеждений Марра феномен антисемитизма прочно укоренился в западной культуре конца XIX — начала XX столетий.

⁵ В. Шнирельман. Лица ненависти (антисемиты и расисты на марше). М., Academia, 2004. С. 36.

Не случайно указанный термин прозвучал вскоре после появления термина «арийство». С этими терминами связаны сходные формы вульгаризации реальности. В обоих случаях изначально лингвистическому понятию было придано расовое значение. «Семитизм» такая же произвольная абстракция, как «арийство», и не случайно, что в идеологии национал-социализма эти два фантастических образования были сближены и противопоставлены, как обозначения двух непримиримо враждебных расовых начал.

В случае «семитизма» ситуация усугубляется тем, что на языках семитской группы помимо евреев и множества народов древности говорят также и арабы. И если в конце XIX — начале XX столетий ненавистники евреев с гордостью называли себя антисемитами⁶, их идейные продолжатели, подвергшиеся общему осуждению после Холокоста и разгрома нацизма, предпочитают лукавить, утверждая свою непричастность антисемитизму в силу пылкой любви к арабам, которые относятся к евреям вполне по-антисемитски — от распространения уже «классического» кровавого навета до объяснения происками израильских спецслужб появления в конце 2010 года акул-людоедов рядом с египетскими курортами⁷.

Проблема не только в таких казусных ситуациях нашего времени. Попытки придать термину «антисемитизм»

⁶ Например, в предисловии в книге Т. Фритша (T. Fritsch. *Handbuch der Judenfrage*. Leipzig, 1934) автор, желая подчеркнуть особые заслуги Фритша, указывает на его связь с выдающимися антисемитами и приводит их список. (См. С. Лурье. *Антисемитизм в древнем мире. Попытки объяснения его в науке и его причины / Подготовка текста, предисловие, комментарии И. Левинской; издание 2-е, исправленное и дополненное автором. М., Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2009. С.15. Прим. 24.)*

⁷ «Акулы, напавшие на туристов в водах курортных районов Египта, могли появиться в Красном море по вине израильской разведслужбы “Моссад”, — сообщает ИТАР-ТАСС. — Такое предположение высказал губернатор египетской провинции Южный Синай Абдель Фадиль Шуша. «Такой сценарий не исключен, нужно лишь время, чтобы убедиться в этом», — заявил Шуша. На каком основании он сделал вывод о возможной причастности Израиля к нападениям акул в Красном море, губернатор не пояснил» // Египет увидел в нападениях акул руку «Моссада», 06.12.2010 (<http://lenta.ru/news/2010/12/06/mossad>).

максимально широкое значение приводят к тому, то указанный феномен обнаруживается в глубокой древности и приобретает некое вневременное значение, становясь тем самым главным содержанием еврейской истории. Эта точка зрения, прозвучавшая даже в некоторых научных работах⁸, необычайно радует ненавистников евреев, утверждающих, что во всех выпавших на их долю бедствиях виноваты сами евреи.

Тем не менее у термина «антисемитизм» есть одно существенное достоинство — емкость и однозначность. Все попытки найти ему адекватную замену оказались неудачными. Полагаю, что в каких-то ситуациях расширительное использование данного термина допустимо, надо только ясно сознавать его условность.

Поводом для поисков антисемитизма в давние времена явилось то, что бедствия еврейского народа начались уже в глубокой древности. Даже у самых непредвзятых людей, включая и самих евреев, зачастую создается впечатление, что ненависть соседей и окружающих — это некая тень еврейской истории.

В рамках настоящей работы я хотел бы проследить начальный этап еврейской исторической драмы. Впрочем, вопрос о том, что можно считать здесь началом, не очевиден. Столь неудачно завершивший свою политическую карьеру иракский диктатор Саддам Хусейн утверждал, что в своей ненависти к государству Израиль он является продолжателем дела вавилонского царя Навуходоносора, который разрушил в VI веке до нашей эры так называемый первый Иерусалимский Храм, возведенный царем Соломоном. Его еще более отдаленным предшественником могли бы считаться воевавшие с Иудеей ассирийские цари.

Тут, впрочем, есть с чем поспорить. Самые жестокие завоевания, сопровождавшиеся массовыми убийствами, являлись общим достоянием многих тысячелетий человеческой истории и не требовали для своего обоснования какой-то особой ненависти или даже враждебности. Все воевали со всеми. Чудовищная жестокость ассирийских властителей не выделяла евреев среди прочих своих врагов. Когда ученые прочли надписи, которые оставили после себя правившие в древней Ниневии ассирийские цари, выяснилось, что предметом их особой гордости были воспоминания о горах

⁸ См., например: С. Лурье. Антисемитизм в древнем мире.

трупов, оставшихся после походов ассирийских армий. Составители этих победных манифестов с торжеством рассказывали о том, как их воины отрубали у врагов конечности, выкалывали им глаза, убивали детей, вспарывали животы беременным женщинам, скармливали трупы свиньям и собакам. Сдирание кожи с живых людей, продевание канатов через просверленные губы и подбородки и тому подобные казни считались естественным способом запугивания покоренных народов. На барельефах, украшавших дворцы царей Ассирии, можно увидеть, как они пировали, любуясь отрубленными головами своих жертв. Не удивительно, что множество племен и народов, оказавшихся на пути ассирийских армий, просто исчезли с лица земли. В их числе были и десять из двенадцати израильских колен, покинувших историю после осуществлявшихся между 734 и 720 годами до н. э. походов Тиглатпаласара III, Салманазара V и Саргона II, которые разрушили северное еврейское государство Израиль. Только в южной части Палестины осталось еврейское государство Иудея со столицей в Иерусалиме, благодаря которому еврейский народ сохранил свое существование.

Нельзя обвинить в какой-либо особой ненависти к евреям и повелителя Нововавилонского государства Навуходоносора, на преемственность с которым претендовал Саддам Хусейн. Навуходоносор покорил Иудею и, разрушив в 586 году до н. э. древнее иерусалимское святилище, построенное царем Соломоном (так называемый Первый Храм), переселил евреев в свою страну, однако он поступал подобным образом и с множеством других народов. К тому же вавилоняне были существенно милосерднее ассирийцев, и, судя по всему, их пленникам жилось сравнительно неплохо. Когда персы, победившие вавилонян, позволили евреям вернуться на родину и возродить святилище в Иерусалиме (Второй Храм), многие предпочли остаться. Вавилон превратился в важнейший духовный центр еврейского мира, и жившие там мудрецы пользовались не меньшим уважением, чем мудрецы самого Израиля. В V в. н. э. ими была создана наиболее полная и авторитетная версия Талмуда — Вавилонский Талмуд.

Что касается длившихся столетиями стычек евреев с соседними племенами и народностями, их характер лучше всего определяет Корнелий Тацит. В своем рассказе об

Иудейской войне Тацит, евреев откровенно недолюбливавший, однако стремившийся описывать реальность *sine ira et studio* (без гнева и пристрастия), упоминает «войско арабов, пылавшее против иудеев обычной между соседями ненавистью» (*solito inter accolas odio infensa Iudaeis Arabum manus*)⁹. Заимствуя это понятие у Тацита, причины бедствий ранней истории еврейского народа можно определить понятием *обычная ненависть*.

Впервые евреи испытали на себе *ненависть необычную* во время правления повелевавшего Иудеей царя из династии Селевкидов — Антиоха IV Эпифана. Он запретил в 179 году до н. э. ритуалы иудаизма и карал самыми жестокими казнями тех, кто не подчинился царскому указу. Историки до сих пор спорят о том, чем руководствовался Антиох — преобладали в его политике идеологические или материальные мотивы, сам ли он решился на эту акцию или его спровоцировали сторонники эллинистических преобразований в самом Иерусалиме. Остается, однако, фактом, что попытка Антиоха насильственно эллинизировать жителей Иудеи явилась наиболее ранним проявлением той агрессивной недоброжелательности, которую в течение длительного времени проявляли греки по отношению к иудейской традиции. Это отношение явилось ответной реакцией на стойкое нежеланием жителей Иудеи последовать примеру большинства других народов Востока, которые с энтузиазмом воспользовались плодами греческого образования и культуры, забывая ради них свои древние обычаи.

Впрочем, греко-иудейское противостояние имело весьма длительную историю и достигло непримиримо враждебного уровня только в то время, когда носители эллинистической цивилизации оказались под властью Рима. Пока на Ближнем Востоке существовали независимые эллинистические государства, инициатива Антиоха Эпифана не была подхвачена их властителями. Еврейская политика этого монарха опередила свое время. Его ближайшие наследники с уважением относились к своим еврейским подданным и даже передали им сосуды, захваченные Антиохом IV в Иерусалимском Храме¹⁰.

⁹ Тацит. История, 5.1.

¹⁰ Флавий. Иудейская война (далее ИВ), 7.3.3. Здесь и далее перевод с древнегреческого М. Финкельберга и А. Вдовиченко под редакцией А. Ковельмана.

Благожелательное отношение к евреям было характерно и для соперников сирийских Селевкидов — египетских Птолемеев. Некоторые исследователи усматривают антисемитскую составляющую в истории династических конфликтов времен Клеопатры II и Клеопатры III, однако остается фактом, что до настоящего еврейского погрома в египетской столице Александрии (38 г. н. э.) дело дошло только тогда, когда Египет стал римской провинцией. Этим событием началась череда катастрофических потрясений, которыми ознаменовалась для евреев эпоха римского владычества в восточном Средиземноморье. Задачей настоящей работы является попытка найти адекватную характеристику данного исторического феномена.

Глава первая

КАК ОТНОСИЛИСЬ РИМЛЯНЕ К ЕВРЕЯМ

При всех бедствиях, веками сопутствовавших истории еврейского народа, эпоха столкновения с Римом остается одним из самых катастрофических ее периодов, который завершился истреблением большей части еврейского народа и изгнанием его с территории своей исторической родины. Менее чем за семь десятилетий — с 66-го по 135 год нашей эры — на земле Иудеи и в населенных евреями восточных римских провинциях трижды вспыхивали яростные еврейские восстания, потрясшие империю. В борьбе с первым из них войска Рима, которыми предводительствовал будущий император Тит, захватили в 70 году Иерусалим и разрушили еврейскую святыню — Иерусалимский Храм.

Как рассказывал о поре процветания Иудеи знаменитый еврейский мыслитель древности Филон Александрийский: «...десятки тысяч людей, кто по суше, кто по морю, с востока и с запада, с юга и севера собираются в Храм на каждый праздник»¹. Во время трех главных празднеств еврейского календаря сюда приходили жители Иудеи и паломники из всех стран еврейского рассеяния — в Иерусалиме могли встретиться евреи Рима и граждане парфянского Ктесифона, жители южных провинций Египта и малоазийских городов. Иосиф Флавий, которому было суждено пережить гибель Храма, вспоминал о том зрелище, которое открыва-

¹ Филон. Об особых законах, 1.69. Цит. по: Греческие авторы о евреях и иудаизме. Введения и комментарии Менахема Штерна. Русское издание под научной и литературной обработкой Н. В. Брагинской. Т. II. Часть 2. М., Иерусалим, 2002. С. 84. Прим. к № 446. (Далее — Штерн, с указанием тома и для второго тома — части.)

лось взорам паломников в священной столице Иудеи: «*Что же касается наружного вида святилища, то он являл все, что может поразить взор и душу. Святилище было обложено со всех сторон толстыми золотыми пластинами, и блеск, излучаемый им при восходе солнца, казался столь нестерпимым, что тот, кто пытался взглянуть, отворачивался как от солнечных лучей. Приблизившимся же к Иерусалиму чужестранцам Храм представлялся издали горой под снежным покровом, потому что в тех местах, где не было позолоты, он был ослепительно белого цвета. На верхушке святилища находились острые золотые спицы, предназначенные для того, чтоб птицы не могли садиться на Храм*» (ИВ 5.222[5.6]).

Холм, на вершине которого находилось здание, был во многом рукотворным, так как при Ироде Великом строители существенно увеличили природную возвышенность. Храм был окружен рядами стен и галерей-колоннад. Поднявшись по широким лестницам и минуя ворота, украшенные драгоценными пластинами, паломники оказывались на вершине холма. Там они могли увидеть огражденный решеткой гигантский каменный жертвенник, на котором совершались всесожжения, и само здание Храма. Его огромные ворота, украшенные золотым орнаментом в виде лозы, были лишены дверей, символизируя тем самым бесконечность неба. Лишь священнослужители имели право пройти через верхнее помещение Храма и приблизиться к следующему дверному проему, огражденному занавесом, который сверкал переливами шарлаха, виссона, пурпура и гиацинта. Эта красно-голубая-пурпурно-фиолетовая гамма пронизывалась на просвет искрами золотой вышивки. За покрывалом находилось нижнее помещение, освещенное золотым семисвечным светильником. Как полагают некоторые исследователи, отсветы этого огня через специально устроенные окна были видны всем жителям Иерусалима. Здесь же находился огромный золотой стол и дымилась курильница, чьи тринадцать благовоний «*взятые из моря и земли, как необитаемой, так и обитаемой, знаменовали, что все существует от Бога и для Бога*» (ИВ 5.218[5.5]). Еще один драгоценный занавес отделял особое пространство — Святая Святых, которая оставалась запретной для всех людей, исключая лишь первосвященника. Раз в году в Йом Кипур (День Покаяния) первосвященник надевал использовавшиеся

только в этой церемонии роскошные одеяния, украшенные драгоценными камнями, которые символизировали двенадцать колен Израилевых. В этих одеждах он заходил в священную комнату для совершения специальных ритуалов и молитв.

Сотни священнослужителей, облаченные в одежды из тех же драгоценных тканей, что и занавес, ежедневно совершали в Храме предписанные ритуалы. Они не прервались даже тогда, когда захватившие в 63 году до н. э. Иерусалим войска римского полководца Помпея вторглись в Храм. *«Находясь под самым жестоким градом камней, они продолжали совершать все свои обряды, как если бы в городе царил полный мир, они неукоснительно совершали и ежедневные жертвоприношения и заупокойные жертвы и всякое иное служение Богу. И даже во время взятия Храма, падая мертвыми вокруг алтаря, они не прекращали предписанных для этого дня обрядов... Многие из священнослужителей, хотя и видели, как враг приближается с мечом в руке, спокойно продолжали совершать священные обряды, и их сражали в то время, как они, поставив служение Богу выше собственной жизни, совершали возлияния или воскуряли благовоние»* (ИВ 1.148[7.4], 150[7.5]).

И во времена последнего сражения за Иерусалим, в 70 г. н. э., когда воины Тита уже штурмовали храмовые укрепления, иудеи не могли поверить, что это святое место подвергнется разрушению. Некий пророк повелел им подняться в Храм, чтобы увидеть там знамения спасения. Многие его послушались, и около шести тысяч человек, среди которых преобладали женщины и дети, погибли под развалинами колоннады, рухнувшей в результате пожара (ИВ 6.283–285[5.2]).

После похода Тита Храм и его священнослужители исчезли навеки. В еврейской традиции этот сюжет запечатлелся как исторический аналог изгнания из Рая. Религиозные евреи переживают произошедшую уже почти что два тысячелетия тому назад историю гибели иерусалимского святилища как актуальное жизненное событие. Остатки сооружений, которые окружали храмовый комплекс — сохранившаяся до наших дней Стена Плача, остаются величайшей еврейской святыней, а некоторые еврейские духовные лидеры даже в наши дни готовы разыскивать в Риме священные реликвии, захваченные в 70 году римлянами.

Уже в 2004 году два главных раввина Израиля, лидеры ашкеназской и сефардской общин страны, получив аудиенцию у главы римско-католической церкви Иоанна Павла II, просили вернуть в Иерусалим золотую менору (семи-свечник), вывезенную римлянами в 70 г. н. э. *«Поскольку менора — один из важнейших символов как Израиля, так и иудаизма, раввины мечтают вернуть ее в Святой город. Главные раввины не отважились задавать связанные с семисвечником вопросы самому Папе, но расспросили о нем священнослужителей из папской канцелярии, которые поспешили заверить первосвященников в том, что золотая менора давно утеряна. Главный сефардский раввин Шломо Амар грустно прокомментировал эти заверения: “Мое сердце подсказывает мне, что это неправда”»*².

Впрочем, еврейский народ потерял в ходе той войны не только Храм и его священное убранство. Волею судьбы осада Иерусалима началась во время празднования Пасхи, когда в городе находились паломники, приехавшие со всех концов света, так что *«целый народ оказался заключенным в общую для всех темницу и... война окружила город, до отказа наполненный людьми»* (ИВ 6.428[9.4]). Иосиф уверяет, что при осаде города погибли миллион сто тысяч человек, Корнелий Тацит говорит о шестистах тысячах. Цифры бесспорно преувеличены, несомненно, однако, что потери были огромными³.

Через сорок с небольшим лет после гибели Храма, в царствование Траяна, грянуло великое восстание евреев Северной Африки и Кипра (115–117 гг.), в ходе которого была уничтожена большая часть весьма значительного прежде еврейского населения этих территорий. Бедствие распространилось и на еврейские общины Парфии, территорию которой контролировали при Траяне римские войска.

Еще через неполных два десятилетия, в правление императора Адриана, Иудею потрясло восстание Бар-Кохбы (132–135 гг.). После его поражения потери были таковы, что страна евреев обезлюдела, и на некоторое время ев-

² Международная еврейская газета. Январь 2004, № 450–451. С. 2.

³ В комментариях Штерна (Том II. Часть 1. С. 61–62. Прим. к № 281) приводится обзор мнений разных авторов относительно численности жителей Иудеи и возможного количества людей, погибших в Иерусалиме.

реям было запрещено совершать обрезание (запрет касался не только евреев, но был особенно значим для них), праздновать субботу, изучать Закон. Считается, что разрушение Первого Храма, разгромленного Навуходоносором, и Второго Храма, уничтоженного солдатами Тита, произошло в один и тот же день — 9 Ава еврейского календаря. Традиция приурочила к этой дате и падение последнего оплота Бар-Кохбы города Бетар, символически уравнивая данные события. Хотя сам Бетар являлся только небольшим городком, его гибель означала окончательное крушение всех надежд на возрождение Храма и еврейской государственности. Неумолимые победители запретили евреям даже посещение Иерусалима, на месте которого был построен новый римский город Элия Капитолина. Исключением являлся только 9 Ава — день скорби, когда евреям разрешалось подойти к развалинам Храма, чтобы оплакать свою судьбу.

Память об этих бедствиях сохранилась в позднейших еврейских сочинениях. В них Римская империя представляется своего рода «империей зла», чьи кровожадные властители в силу своей, так сказать, органической испорченности неизменно злоумышляли против евреев. Авторы Талмуда, движимые своей фантазией, рассказывают, как нечестивец Тит издевался над храмовой святыней и терзал своим мечом ее драгоценные покрывала, за что Всевышний сурово покарал его. В мозгу Тита поселился комар, который семь лет мучил преступника и довел его до смерти. Имя этого императора стало восприниматься в еврейском народном сознании как нарицательное обозначение ненавистника народа Израиля. Даже в середине XIX столетия лишь случайное созвучие с ним фамилии высокопоставленного российского чиновника побуждало народную фантазию к созданию легенды о наследнике Тита, который, следуя старой традиции, непримиримо враждебен евреям⁴.

⁴ В записанной в конце XIX столетия легенде о бедствии, постигшем евреев города Мстислав во времена правления Николая I (в 1844 г.), появляется персонаж, который заявляет: *«Знай, что я злейший враг евреев. Недаром зовут меня Татищев, я происхожу от Тита!»* (С. А. Анский. Из легенд о Мстиславском деле // Пережитое. Сборник, посвященный общественной и культурной жизни России. СПб., 1910. Т. 2. С. 257).

Мстительным ненавистником евреев агадические предания Талмуда изображают и Траяна⁵. Их составители на свой манер постарались отомстить этому врагу, «убив» его руками другого императора сразу же после расправы над евреями. Что же касается Адриана, то после описания множества убийств и мучений, которым подвергали его воины еврейских мудрецов, имя этого императора обычно сопровождается в Талмуде пожеланием: «*Да сгниют его кости*». «Хехалот раббати» — труд, принадлежащий древнейшей еврейской мистической традиции II–IV веков, рассказывает о том, как во время правления Адриана «*злодейский Рим держал совет о том, чтобы погубить могучих Израиля*»⁶.

Римская империя знала немало императоров, оставивших о себе память как о безумцах и садистах. Но из числа недоброжелателей евреев к этой категории можно отнести только Калигулу, который был готов на самые жестокие меры ради того, чтобы установить свою статую в Иерусалимском Храме. Впрочем, планы Калигулы остались только планами. Им помешали сначала — колебания легата Сирии Петрония, который не мог решиться на массовые убийства выступивших против этого плана мирных жителей, потом — заступничество иудейского царя Агриппы Первого, которому Калигула был обязан поддержкой в трудные для него дни правления Тиберия. И, наконец, смерть императора, погибшего от рук начальника своей охраны. Весь Рим ликовал, узнав об окончании кровавого правления Калигулы, однако сравнить римский и еврейский взгляды на его правление невозможно: еврейская историческая память, сконцентрированная в рассказах Талмуда, образ этого императора не запечатлела.

Зато другие правления предоставляют возможность сравнения. Так «*нечестивца*» Тита, чьи войска истребили огромное количество жителей Иудеи и разрушили Храм, римляне называли «*любовью и отрадой рода человеческого*» и считали, что «*от природы он отличался редкостной*

⁵ Подборка талмудических преданий, посвященных столкновению с Римом (Эха Раба, Трактат Таанит, 4 и Трактат Гитин, 57 и др.), приводится в русском переводе в сборнике «Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей». С. 246–256 и сл.

⁶ *Й. Дан.* Раскрытие «Тайны мира»: Зарождение тайной еврейской мистики // Вестник Еврейского университета. 2000. № 3 (21). С. 226.

добротой»⁷. Находясь в Риме, этот император не только воздерживался от жестокостей в стиле Нерона или Калигулы, но проявлял уникальное по римским понятиям великодушие — несколько раз Тит прощал врагов, чьи замыслы против него были изобличены. Светоний писал о Тите, как однажды за обедом, вспомнив, что за целый день никому не сделал ничего хорошего, он воскликнул: «*Друзья мои, я потерял день!*»

Прославился своим великодушием и Траян, о котором говорили, что ему особо присущи «*милость, скромность и кротость*»⁸. Плиний Младший утверждал, что своими действиями этот император заслужил благодарность человеческого рода, что на его существовании основываются покой и благополучие всего мира⁹.

Когда римляне, помнившие о деспотическом правлении Домициана и императоров династии Юлиев-Клавдиев, наградили Траяна титулом «*наилучшего*»¹⁰, они были вполне искренними и, более того, предсказали будущее, ибо более впечатляющего и удачного царствования в римской истории уже не было. Если в еврейском предании Траян остался капризным и жестоким тираном, то в римской традиции он запечатлелся как великий полководец и мудрый правитель, приведший империю к расцвету ее величия.

Траян покорил казавшихся неукротимыми даков и разгромил многовековую соперницу Рима Парфию. Его царствование отмечено исключительного размаха проектами, которые потребовали усилий всех римских архитекторов его времени¹¹. Достаточно вспомнить лишь форум, получивший имя этого императора. Здесь находились триумфальная арка, конная статуя, двумя полукругами расположенная

⁷ Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Тит. 1.8. (Здесь и далее перевод М. Л. Гаспарова.)

⁸ Плиний Младший. Панегирик императору Траяну, 2. (Здесь и далее переводы из сочинений Плиния Младшего приводятся по изданию, подготовленному М. Е. Сергеевко и А. И. Доватуром. М., 1983, серия «Литературные памятники».)

⁹ Плиний Младший. Письма, 10.17В, 52, 102.

¹⁰ Плиний Младший. Панегирик императору Траяну, 2.

¹¹ На просьбы Плиния, желавшего, чтобы в Вифинию прислали архитектора из столицы, Траян отвечал: «*Архитекторов мне едва хватает в Риме для работ, производимых в Риме и поблизости от него*» (Плиний Младший. Письма 10.18.3; ср. также 10.40.3).

базилика, библиотека Ульпия и сохранившаяся до наших дней монументальная 28-метровой высоты колонна, выполненная из 20 блоков каррарского мрамора и украшенная 190-метровой лентой с рельефами, изображающими эпизоды войны Рима и Дакии, а также храм императора. Посетивший Рим через два с половиной столетия византийский император Констанций и его свита воспринимали этот комплекс сооружений как чудо света, сказочное творение титанов прошлого, бесконечно превосходившее возможности их времени. Последнее относилось как к великолепию творческого решения, так и к масштабу осуществленных работ. Для сооружения форума в самом центре Рима была скрыта часть небольшого горного хребта, разделявшего ранее город, — судя по дошедшим документам, в ходе этих работ было вынуто 680 тысяч кубических метров земли¹².

Преемник Траяна, Адриан, не уступал ему размахом строительных проектов, осуществлявшихся не только в Риме, но и в многочисленных провинциальных городах империи. Особо известна вилла этого императора, расположенная в Тибуре (ныне Тиволи). Вилла занимала огромную территорию, на которой были возведены архитектурные группы, воспроизводившие прославленные духовные центры Средиземноморья. Как воспоминание об Афинах, здесь были свои Лицей, Пританей, Академия и Пестрая стоя. Рядом с ними располагалась Темпейская долина, напоминающая о греческой Ахайе, святилище Сераписа, которое было создано по образцу храмового комплекса в египетском городе Каноп, и даже модель загробного царства. Построенный в Риме мавзолей Адриана представлял собой столь значительное сооружение, что римские папы, ставшие средневековыми властителями этого города, перестроили усыпальницу императора в крепость Сант-Анджело. Еще во времена Александра Борджиа — то есть через тринадцать столетий после смерти Адриана — она служила в качестве форпоста, прикрывавшего подступы к Ватикану. В этой метаморфозе можно усмотреть своеобразную иронию судьбы: император, чей мавзолей был превращен в военный объект, обладал в римской традиции репутацией исключительно мирного правителя. Адриан предпочел отказаться от политики завоеваний ради того, чтобы посвятить себя только созидательной деятельности. И если иудеи обвиняли его в «злодействе»,

¹² П. Гиро. Быт и нравы древних римлян. Смоленск, 2002. С. 24.

то в надписи, которая была обнаружена в кипрском Саламине, этот император прославляется как «*благодетель и спаситель вселенной*»¹³.

Во времена Адриана пропагандировалась идея торжества «вечного Рима». Имелось в виду что-то подобное золотому веку, эпохе всеобщего счастья. «Вечность» понималась как вечное обновление, и считалось, что эта эпоха уже наступила¹⁴. При всей фантастичности этой претензии, несомненно, что правления Траяна и Адриана и в самом деле оказались золотым веком империи. Однако золотой век Рима для Иудеи стал временем скорби.

* * *

Решительное несовпадение оценок римлян и евреев понятно — эти оценки принадлежат врагам. Рассказам Талмуда о преступлениях римских злодеев можно противопоставить самые уничижительные отзывы о евреях, которые оставили римские авторы. Достаточно сказать, что Сенека называл евреев «*преступнейшим народом*» (*sceleratissima gens*), о чьей религии он упоминал в сочинении с говорящим названием: «О суеверии».

Римляне внесли свой вклад в дело распространения антиеврейской идеологии древности. В этом отношении они не были оригинальны и лишь следовали более ранней греческой традиции. Это — частный аспект более общего исторического процесса. Подчинив Грецию, римляне прониклись обаянием культуры побежденных и переняли ее. Процесс эллинизации Рима был весьма длителен, у него находились не только сторонники, но и убежденные противники, однако, как бы там ни было, римская культура развивалась, опираясь на греческие образцы. Наряду с литературой, философией и изобразительным искусством римляне переняли и недоброжелательное отношение к евреям. Показательно, что первый знаменитый римский автор, от которого сохранились обвинения в адрес евреев, Марк Туллий Цицерон

¹³ Штерн. Т. II. Часть 2. С. 60. Прим. к № 437.

¹⁴ Е. Штаерман. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 213.

во время пребывания на Кипре слушал лекции греческого философа Аполлония Молона, известного своими антиеврейскими убеждениями.

Вообще, трудно различить в культуре Римской империи собственно римское и греческое отношение к евреям. Какое из них выражает, скажем, сочинение Филострата «Жизнь Аполлония Тианского»? Сам Филострат был греческим писателем, однако его опубликованный в 217 году труд был посвящен Юлии Домне, жене римского императора Септимия Севера. Нечто подобное и в содержании романа, одним из героев которого является грек по имени Евфрат, обращающийся к полководцу и будущему императору Веспасиану с призывом не заниматься усмирением Иудеи, но начать войну против Нерона. По словам Евфрата, иудеи просто не достойны вражды, ибо они *«издревле отложились не только от римлян, но и от всего человечества, жизнь они себе избрали особую и с прочими людьми не делают ни застолий, ни возлияний, ни молитв, ни жертвоприношений, так что отстоят от нас дальше, чем Сусы и Бактры, и даже дальше, чем Индия, — нет смысла громить их, мешая отложиться тем, кого и присоединять-то не стоило»*¹⁵.

Филострат не сомневался в том, что подобные представления являются общим достоянием всех представителей греко-римской цивилизации, и для этой убежденности были несомненные основания. В качестве примера можно указать на Тацита, чей обширный антиеврейский пассаж в пятой книге «Истории» (5. 1–13), приуроченный к описанию осады Иерусалима, свидетельствует, как хорошо усвоили римляне уроки греческих учителей, в свою очередь выступавших в качестве преемников египтян, которые отличались как первые ненавистники евреев. Египетский пласт отчетливо различим и у Тацита. Еще к «Египетской истории» Манефона восходит рассказ о происхождении жителей Иудеи от прокаженных или преступников, которые пошли за Моисеем. Того же происхождения сообщения, что евреи приносят в жертву барана для поношения египетского бога Амона и быка — для поношения бога Аписа. Очевидно, египетские истоки имеет также легенда о поклонении в Иерусалимском Храме золотому изображению осла, однако особую популярность она получила благодаря творчеству

¹⁵ Штерн. Т. II. Часть 2. С 16, № 403.

греческого автора — Мнасея Патарского. Общий для анти-семитской литературы древности характер имеют указания Тацита на человеконенавистничество евреев, их эгоизм, тайное распутство и прочие грехи.

Собственно римские сочинения на фоне греческих анти-еврейских сочинений выделяются лишь сюжетами, связанными с обстоятельствами римской жизни. Это, прежде всего, сетования на распространение симпатий к иудаизму, который привлекал значительную часть римской аристократии. Знатные римляне усвоили празднование субботы и некоторые другие иудейские обычаи. Об особом статусе субботы знал и Овидий¹⁶.

Среди симпатизирующих иудаизму была даже жена Нерона Пoppея. Когда иудейские священники и царь Агриппа Второй, который пользовался правом патроната над Иерусалимским Храмом, спорили с римским правителем Иудеи прокуратором Порцием Фестом о дополнительных сооружениях в Храме, Пoppея помогла иерусалимским священникам победить в этом споре.

Исключительная популярность иудаизма послужила в правление Домициана поводом для ложных обвинений, связанных с практикой установленного после разгрома восстания 66–73 гг. налога на евреев. Нерва, пришедший к власти после убийства Домициана, приказал выпустить особую монету, на которой торжественно сообщал о прекращении таких преследований¹⁷.

Переживший правление Нервы и Траяна Ювенал продолжал сетовать на иудейскую моду.

В истории Рима упоминаются три еврейских изгнания. Первое, реальность которого, однако, под вопросом, относят еще ко временам республики (139 г. до н. э.). Инициатива второго принадлежала императору Тиберию (19 г.), инициатива третьего — Клавдию (разные авторы относят это событие к 41 или 49 годам). Именно в период римского владычества — в 38 году — в крупнейшем эллинистическом центре Восточного Средиземноморья Александрии произошел первый в мировой истории еврейский погром. В его организации принял самое деятельное участие римский наместник Египта Авиллий Флакк.

¹⁶ Наука любви. I.75–80 = Штерн. Т. I. С. 349, № 141.

¹⁷ См.: *И. Левинская*. Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000. С. 25–37.

Во время еврейского восстания 66–73 годов обитатели ряда ближневосточных городов, не дожидаясь каких-либо указаний из Рима, напали на своих еврейских сограждан. Война 115–117 годов началась как противостояние евреев диаспоры с их греческими и египетскими соседями, и местное ополчение помогало потом римским легионам. Может показаться, что, так же как и антисемитская идеология, отношение империи к евреям является прямым продолжением греческой традиции. Однако при ближайшем рассмотрении ситуация оказывается не столь однозначной. Некоторые обстоятельства парадоксально противоречат, казалось бы, очевидной, общей линии.

Сталкиваясь с греческими погромами, римляне во многих случаях стремились их остановить и наказывали зачинщиков. Принципиальное исключение — только Калигула, который самым благосклонным образом принимал делегацию александрийцев, после того как они устроили избиение своих еврейских сограждан. Однако у самих римлян Калигула справедливо пользовался репутацией жестокого безумца, страдающего патологической манией величия. Но он был безумцем не только по отношению к евреям. Иосиф Флавий с полным основанием объединял римскую и иудейскую политику этого императора: *«Он лишил свою родину ее благороднейших мужей. И на Иудею распространилось его нечестие»* (ИВ 2.184[10.1]).

Правители Рима, оставившие о себе более достойную память, действовали совсем по-другому. Преемник Калигулы Клавдий специальным указом подтвердил права евреев Александрии и наказал инициаторов погрома, подобным же образом поступал и знаменитый враг евреев — Траян, который даже приказал казнить несколько греческих возмутителей спокойствия. Что касается Тита, то разрушитель Иерусалимского Храма вошел в историю и как защитник многочисленной еврейской общины Антиохии. Напрасно антиохийские греки просили Тита позволить им изгнать евреев или хотя бы лишить их прежде установленных прав, грекам было отказано. То же повторилось в Александрии.

Реакция греков на такие действия известна нам благодаря сохранившимся оксиринфским папирусам. В них содержится своеобразный мартиролог александрийских антисемитов, пострадавших от строгих римских правителей. Греческие подданные решительно не могли понять логику

поведения римских властей и полагали, что стали жертвами еврейских интриг. Один из организаторов александрийского погрома 38 года Исидор заявлял, что наказавший его император Клавдий является сыном еврейки Саломеи. Осужденный Траяном Гермаиск был убежден, что его осуждение является следствием интриг евреев, будто бы наполнивших римский сенат¹⁸. Можно констатировать, что наряду с противопоставленными друг другу римской и еврейской историческими оценками событий существовала и особая — греческая — позиция.

Содержание этих папирусов очень похоже на заявления нынешних российских «патриотов», утверждающих, что Россия находится под еврейской властью. Напомню, что Траян, чье поведение Гермаиск объясняет происками евреев, будто бы ставших римскими сенаторами, в оценке Талмуда предстает нечестивым злодеем, истребляющим еврейский народ. О Клавдии, объявленном александрийскими греками сыном еврейки, Талмуд умалчивает, однако нетрудно догадаться, какими эпитетами награждали этого императора евреи, изгнанные им из Рима.

Очевидно, что и повторяя антисемитские обвинения греков, римляне относились к евреям довольно терпимо. Судьба еврейской общины в Риме является лучшим тому доказательством. Если в истории Римской империи было немало акций, направленных против евреев, то в истории города Рима не было ни одного еврейского погрома. Что касается изгнаний, то они не были продолжительными, а после Клавдия больше не повторялись. Сам Клавдий, как уже говорилось, сочетал изгнание евреев из Рима с заботой о евреях Александрии. К тому же он восстановил в прежнем объеме Иудейское царство (большая его часть вскоре после смерти Ирода Великого решением императора Августа была превращена в римскую провинцию). Таким способом Клавдий выразил свою благодарность иудейскому царю Агриппе Первому, который помог ему благополучно взойти на римский престол. Клавдия не устраивало появление в Риме значительного числа евреев, однако в Иудее и Александрии он желал им благополучия. Нечто подобное имело место и при Тиберии. Согласно рассказу Филона, этот император, изгнавший евреев из Рима, был внимателен к пожеланиям жителей Иудеи. Когда наместник этой

¹⁸ С. Лурье. Антисемитизм в древнем мире. С. 322 сл.

провинции знаменитый Понтий Пилат посвятил в иерусалимский дворец Ирода позолоченные щиты с надписями в честь императора, иудеи усмотрели в данном поступке нарушение их древних обычаев, и Тиберий, откликаясь на жалобы иудеев, приказал Пилату отправить щиты в приморскую Кесарию¹⁹.

Изгоняя евреев из Рима, Тиберий и Клавдий не руководствовались какой-то особой к ним ненавистью. Подобное происходило и с представителями других верований. Согласно Титу Ливию, первое изгнание из Рима чужеземных культов осуществлялось еще в 30-х годах пятого столетия до н. э.²⁰ Это была, ставшая позднее обычной, административная акция, предполагавшая борьбу за чистоту традиционных нравов. В эпоху поздней республики, в особенности во времена гражданских войн, римским политикам было некогда заниматься чем-то подобным. Но уже Август начал кампанию, целью которой было возрождение давних римских добродетелей. Этот император оставался благосклонным к евреям, его жена Ливия пожертвовала Храму золотые сосуды и чаши для возлияний²¹, а ближайший помощник императора Агриппа посетил Храм и устроил в нем самые пышные жертвоприношения (в 15 г. до н. э.). И тем не менее Август похвалил своего будущего наследника Тиберия, когда узнал, что, проезжая через Иудею, тот пренебрег возможностью совершить молебствие в Иерусалиме²², Когда ставший императором Тиберий решил оградить граждан Рима от иноземных соблазнов, он продолжал, тем самым, начатую Августом политику покровительства старым римским культам. Показательно, что данная акция затронула не только евреев, но и сторонников других восточных верований. Светоний говорит об изгнании представителей множества иноземных религий, из которых он особо выделяет иудаизм и египетские культы²³.

¹⁹ Филон. О посольстве к Гаю, 299–305 (38). Здесь и далее перевод О. Л. Левинской.

²⁰ Ливий. 4.30. 9–11.

²¹ Филон. О посольстве к Гаю, 319 (40).

²² Светоний. Божественный Август, 93.

²³ «Чужеземные священнодействия и в особенности египетские и иудейские обряды он запретил, тех, кто был предан этим суевериям, он заставил сжечь свои священные одежды со всей утварью» (Божественный Тиберий, 36).

Тацит также свидетельствует о том, что накануне изгнания в сенате обсуждался вопрос о египетских и иудейских обрядах²⁴. Согласно Тациту, судьба евреев несколько выделялась — еврейская молодежь была отправлена из Рима проходить военную службу в Сардинии, так как в римские времена эта курортная зона современной Европы считалась местностью с очень плохим климатом, вредным для здоровья. Не сообщается чего-либо подобного о египтянах, однако в Риме той эпохи египетская диаспора была не столь многочисленна. Предполагают, что молодые евреи, направленные в Сардинию, являлись римскими гражданами, которых по закону нельзя было изгнать из Рима, зато мобилизовать в армию можно.

Особенности политики по отношению к евреям объяснимы многочисленностью евреев в столице империи. В любом случае, это часть более общей кампании, направленной против приверженцев иноземных культов восточного происхождения. Ее жертвами оказались тогда в Риме и астрологи, ибо, в отличие от уважаемых римлянами обычаев гадания по полету птиц и внутренностям животных (особо популярным было заимствованное в глубокой древности от этрусков гадание по печени), принесенная с Востока наука чтения звезд представлялась римлянам явлением чужеродным и подозрительным. Согласно воспоминаниям Сенеки, в это время «изгонялись обряды инородцев», так что даже «неупотребление в пищу некоторых животных признавалось уликou суеверия» и подозрительным казалось вегетарианство²⁵. Похожая ситуация и в рассказе об изгнании республиканской эпохи, где евреи упоминаются после халдеев, имевших в Риме репутацию опытных гадателей²⁶. Вопрос стоял,

²⁴ Тацит. *Анналы*, 2.85.4. Для полноты картины следует отметить, что Иосиф Флавий объясняет эти события гневом Тиберия на происки обманщиков, присвоивших дары в Иерусалимский Храм, а Филон (О посольстве к Гаю, 159–160[24]) связывает изгнание при Тиберии с происками временщика Сеяна. Дион Кассий (155–235гг.) объясняет изгнание при Тиберии реакцией на успехи прозелитизма, что, очевидно, отражает реалии его времени, когда обращение язычников в иудаизм было объявлено государственным преступлением.

²⁵ Нравственные письма. 108.22 = *Штерн*. Т. I. С. 434–435, № 189.

²⁶ Об этом рассказывается автором начала первого века н. э. Валерием Максимом, который, возможно, черпал свои сведения из Ливия. Сочинение Валерия Максима сохранилось в двух эпитомах

таким образом, о принципиальной враждебности римских правителей к чужеземным верованиям, которые находили приверженцев в Риме.

Нечто подобное можно заметить и в римской литературе — лучший пример творчество Ювенала. Этот поэт оставил целую серию пренебрежительных высказываний о еврейских нравах, наиболее известное из которых относится к римлянам, усвоившим иудейский обычай соблюдения субботы:

*Выпал по жребью иным отец — почитатель субботы:
Лишь к облакам идут их молитвы и к небесному своду;
Так же запретна свинина для них, как и мясо людское,
Ради завета отцов; они крайнюю плоть обрезают
С детства, они презирать научились обычаи римлян,
Учат, и чтут, и хранят лишь одно иудейское право, —
Что бы им там не дано в Моисеевом тайном писанье, —
Право указывать путь лишь поклоннику той же святыни
Иль отводить к роднику лишь обрезанных, но не неверных.
Здесь виноват их отец, для которого каждый субботний
День — без забот, огражденный от всяких
житейских занятий²⁷.*

Стихи Ювенала часто оценивают как бесспорное свидетельство римского «антисемитизма». Однако первоначальное впечатление меняется, если рассмотреть данные строки в контексте всего творчества римского поэта. В своих сатирах Ювенал с уважением отзывался только о благородной римской древности и решительно противопоставлял ее своему

византийского времени. В одной из них, составленной Януарием Непоцианом (IV–V вв.?), сообщается, что «Корнелий Гиспал изгнал халдеев из Рима и приказал им в течение десяти дней покинуть Италию, чтобы они не распространяли чужеземное знание. Также же иудеев, которые пытались передать римлянам свои таинства, тот же Гиспал изгнал из города и выбросил их алтари из общественных мест». Согласно автору второй, Юлию Париду (IV в.?), евреи были изгнаны за то, что пытались заразить римские нравы культом Юпитера Сабазия. О том, каким образом у Юлия Париды мог появиться явно невозможный в данном контексте Юпитер Сабазий, см.: *И. Левинская. Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры*. С. 63–66.

²⁷ Ювенал. Сатиры, 14.96–106 (перевод Д. Недовича и Ф. Петровского).

развращенному веку, где повсеместно торжествуют ложь, предательство, подлость и прочие отвратительные пороки. Достаточно вспомнить только описание чудовищной оргии, которой предаются на празднествах Доброй Богини похотливые дамы римского света, или указание на их готовность отравить пасынка ради получения наследства (6-я сатира).

Приехавшие в Рим провинциалы вполне органично вписываются в эту картину, например, галлов, каппадокийцев и вифинцев Ювенал упоминает как обычных лжесвидетелей (7.15–16). В той же, 6-й сатире, где так решительно осуждаются женщины, приводится обширный список различных — преимущественно восточных — суеверий, представители которых предлагают свои услуги доверчивым римским дамам. Среди них упоминается и старуха еврейка, «толмач иерусалимских законов», готовая прошептать на ухо своей клиентке некие тайны, возведенные ей высшим знанием (6.542–547). Ювенал особо оговаривает, что это сравнительно дешевая услуга: «...торгуют евреи / бреднями всякого рода за самую низкую плату». Много большим почетом пользовались гадатели из Армении или Комагены, готовые прорицать даже по внутренностям младенца, и халдеи-астрологи, особо ценимые, если им случилось ранее быть изгнанными из Рима. Знатная римлянка могла прибегнуть также к услугам фригийского авгура, гадающего по звездам индуса, жреца этруска, кастратов из свиты Кибелы или одетых в маски Анубиса почитателей египетской Изиды.

В 15-й сатире особо достается «глупому Египту», обитатели которого почитают нелепых богов, подобных крокодилу и павиану, запрещают есть козленка, однако грешат людоедством. Но если кто и раздражает Ювенала всерьез, так это хваленые греки. Ювенал убежден, что все беды Рима происходят от того, что в город просочился «яд Сибариса, Родоса, Милета, отравы Тарента» (6.296). Он смеется над глупцами, которые верят живым греческим басням (8.174–175), и возмущается по поводу женской манеры, забывая родную латынь, болтать по-гречески о своих любовных приключениях (6.185–199).

Наконец, Ювенал просто кипит от негодования, вспоминая о ловких греческих *параситах*, которые занимают места на пиршествах богатых римлян, оставляя голодными римских клиентов (3.60–83). Один из друзей поэта так раздосадован на пренебрежение к своей особе, так недоволен

дороговизной римских квартир и еды — бедному человеку трудно даже рабов прокормить! — что решает покинуть Рим и отправляется жить поближе к курортам Кампании. Для римлянина это очень серьезный шаг, нечто вроде добровольного изгнания. Верный Ювенал провожает друга до ворот города, где расположена роща, в которой легендарный царь Нума встречался, по преданию, с нимфой Эгерией. Оказывается, что роща сдана на откуп каким-то бедным евреям! Таково начало 3-й сатиры. Усевшись рядом с опозоренной евреями рощей, Ювенал и его друг обстоятельно обсуждают бедствия честных клиентов, главными врагами которых являются проходимцы греки.

Был ли Ювенал «антисемитом»? С таким же основанием можно назвать его анти-галлом, анти-вифинцем, анти-халдеем, анти-армянином, анти-каппадокийцем, анти-лидийцем и прочее, прочее. Безусловно также, что анти-египтянином и анти-греком он был существенно в большей степени. Однако самое пылкое недоброжелательство Ювенал испытывал и к своим римским согражданам. В 14-й сатире главная тяжесть обвинения относится не к евреям, которые сами по себе поэту не так уж и интересны, но к римским поклонникам иудейских обычаев, которые могут превратить своих сыновей в евреев. Эта, к слову сказать, весьма сомнительная перспектива кажется Ювеналу ужасной и позорной, однако собственно евреев он не любит как и всех прочих провинциальных подданных империи.

Нечто подобное и у Сенеки. Его отвращение к евреям, заявленное с характерной риторической пафосностью, было вызвано неприязнью к моде на соблюдение еврейских обычаев. Главным образом, речь шла о праздновании субботы. Сенека отмечал, что побежденные евреи дали, таким образом, законы своим победителям римлянам, и это его возмущало. Однако основным объектом критики Сенеки являются иудействующие римляне, сами евреи такого негодования не вызывали, так как: *«Им известно, по крайней мере, откуда произошли их обряды, а большинство людей, совершая обряды, не знает, зачем это делает»*²⁸.

Не менее показателен пример Горация, который отвечает приятелю, считающему создание сатир недостойным занятием:

²⁸ Штерн. Т. I. С. 432, № 186.

*Это — тоже один из моих недостатков; но если
Ты мне его не простишь, то нагрянет
толпа стихотворцев,
Вступятся все за меня; а нас ведь, право, немало!
Как иудеи, тебя мы затащим в ватагу²⁹.*

Некоторые исследователи усматривают в этих строках указание на обращение в иудаизм жителей Рима. Однако «если согласиться с тем, что сравнение с евреями указывает на их миссионерскую деятельность, то тогда в контексте заключительной части сатиры эта деятельность должна носить силовой характер — а ведь при самом пылком воображении как-то трудно представить себе толпу евреев, насильно ведущую сопротивляющегося римлянина обрезать свою крайнюю плоть»³⁰. Единственное, что следует из данного стихотворения, — римские евреи были известны своей сплоченностью. Возможно, Горация это раздражало.

Неочевидно и то, как следует понимать заявление Цицерона о еврейском засилии в Риме. Он жаловался на это в своей речи в защиту Флакка, а в речи «О консульских провинциях» утверждал, что евреи — народ, рожденный для рабства³¹. Если кипрский наставник Цицерона Аполлоний Молон посвятил еврейской теме много внимания, по некоторым сведениям, написал даже целую книгу, то римский оратор обходит большинство распространенных антисемитских сюжетов своего времени. Он упоминает евреев лишь в силу профессиональной необходимости — в речах, которые должны защищать интересы клиентов. Можно сказать, что упомянутые обвинения находили отклик в сердцах каких-то римлян — Цицерон к ним и обращался. Однако известно, что сам он часто не разделял тех идей, которые провозглашал в качестве защитника. И даже если предположить, что Цицерон говорил о евреях самым искренним образом, можно заметить, что о галлах и жителях Сардинии он отзывался ничуть не лучше. В любом случае понятно, что еврейский вопрос занимал великого оратора мало.

Другой римский автор, чье упоминание о евреях звучит, как кажется, с предельной жесткостью, это знаменитый

²⁹ Гораций. Сатиры, 1.4.138–143 (перевод М. Дмитриева).

³⁰ И. Левинская. Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры. С. 60.

³¹ Штерн. Т. I. С. 196–201, 202–204, № 68, 70.

оратор Квинтилиан. Он говорит о римской ненависти к еврейскому народу и «изобретателю» иудаизма — судя по этим словам, Квинтилиан считал Моисея также основателем Иерусалима: «Ненависть наша обращается и на тех, кто породил зло: так, позором покрыты основатели городов, затем что создали там некое племя, ставшее погубелью для других; таков первый изобретатель иудейского суеверия»³².

Однако декларируемая ненависть к «изобретателю еврейского суеверия» не мешала Квинтилиану с гордостью вспоминать о том, что один раз ему довелось выступать в суде в качестве защитника иудейской царицы Береники³³.

Далее в ряду объектов ненависти упомянуты Гракхи с их законами, спровоцировавшими в свое время гражданскую смуту в Риме. Известно, однако, что в Риме было немало людей, относившихся к Гракхам с величайшим почтением. В биографических сочинениях, написанных младшим современником Квинтилиана — Плутархом, Гракхи изображены как национальные герои. О несерьезности общего замечания свидетельствует и то, что третьим в списке особо ненавистных грехов упоминается некое сексуальное извращение, изобретенное каким-то персом, который, как известно Квинтилиану, использовал его по отношению к какой-то жительнице острова Самос (очевидно, аудитория Квинтилиана понимала, о чем идет речь).

Как видно, свидетельства римского отношения к евреям немногочисленны и противоречивы, такое впечатление, что евреи просто очень мало занимали граждан Рима и уж всяко какой-то особой ненависти римляне к этому народу не испытывали. Главное, что раздражало ревнителей нравов, подобных Сенеке, было то, что в Риме многие проявляли интерес к иудаизму.

Впрочем, решающим аргументом являются не те или иные высказывания, но сама политика Рима. Чтобы оценить отношение императорской администрации к евреям, лучше всего сравнить его с отношением той же администрации к христианам. Вспоминая о начальном этапе существования христианства, Тертулиан говорил, что оно находилось тогда под защитой иудаизма — «словно под

³² Штерн. Т. I. С. 512, № 230.

³³ Штерн. Т. I. С. 512, № 231.

прикрытием религии знаменитейшей или, по крайней мере, дозволенной (*quasi sub umbraculo... religionis, certe licitae*)»³⁴. Пока Павел, совершавший свое миссионерское путешествие по просторам империи, ограничивался проповедями в синагогах, римские власти считали происходящее внутренним еврейским делом и не обращали на это серьезного внимания. Любопытно свидетельство Светония, согласно которому Клавдий решил изгнать иудеев, так как они беспрестанно волновались из-за некоего Христа³⁵. Поскольку имя «Хрестос» скорее всего представляет собой искаженное «Христос» (ошибка Светония типична для его времени), есть основания рассматривать рассказ из биографии Клавдия как первое упоминание о проповедниках христианства, которые вступили в полемику с иудеями ортодоксами. Похоже, что римская администрация, не разобравшись тогда в сущности иудео-христианских споров, сочла их какой-то внутренней еврейской смутой и решила, что надо успокоить разгоревшиеся страсти изгнанием из Рима (по некоторым свидетельствам — запрещением синагогальных собраний). Однако, когда при Нероне римская администрация осознала, что христиане отличаются от иудеев, реакция была совсем другой.

По древнецерковному преданию, при Нероне в Риме пострадали апостолы Павел и Петр. Достоверность этой информации под вопросом. Как минимум, обращает внимание, что апокрифическое предание о казни Павла, из которого заимствовали многое отцы церкви, содержит несомненно фантастические детали. Достаточно сказать, что, согласно преданию, уже после того, как палач отрубил голову Павлу, отрубленная голова этого «апостола язычников» по-еврейски звучным голосом восславила имя Иисуса Христа, и сразу же после этого из тела казненного потекла струя молока, а с неба хлынул свет, все присутствовавшие ощутили невероятно сладкое благоухание и т. п.³⁶

³⁴ Апологетик 21.1. Это определение никогда не использовалось самими римлянами, однако характеристика Тертулиана оказалась столь удачной, что термин *religio licita* употребляется в очень многих научных работах, посвященных данному вопросу.

³⁵ Божественный Клавдий, 25. 4.

³⁶ И. Левинская Деяния Апостолов. Главы 9–28. Историко-филологический комментарий. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 42.

С полным доверием можно, однако, отнести к сообщению Тацита о том, что христиан объявили виновниками охватившего Рим страшного пожара и подвергли жесточайшему наказанию (64 г.): «...Сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащим к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, избличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому. Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения...»³⁷

В описанном событии проявился нрав Нерона, уже не раз явленный. Посмотрим, как отнесся к расправе над христианами прославленный своей уравновешенностью и беспристрастностью Тацит. Очевидно, что римский историк был недоброжелателен не только к евреям, но христиан не любил особо. Хотя Тацит осуждал патологическую жестокость императора, однако и он не сомневался, что «...на христианах лежала вина и они заслуживали самой глубокой кары...», что вера их — «зловредное суеверие», «пагуба», которая оказалась «в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев».

У Тацита вызывало сожаление только то, что из-за изуверских казней участь христиан вызвала у свидетелей страдание, ибо «казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона». Тацит предпочел бы, чтобы характер казни был более цивилизованным, дабы это исключало возможность сочувствия. Он допускал непричастность христиан к поджогу, но их общая «ненависть к роду людскому» казалась историку очевидной.

Похожие события происходили и при благородном Траяне. Современник и хороший знакомый Тацита (однажды они даже сотрудничали в общем уголовном процессе) Плиний Младший в письме императору сообщает, что в управляемой им Вифинии он специально исследовал слухи о христианском изуверстве, для чего допрашивал двух рабынь, являвшихся диакониссами в христианской общине, однако «не обнаружил ничего, кроме безмерно уродливого

³⁷ Тацит. *Анналы*, 15.44 (перевод А. С. Бобовича).

суеверия»³⁸. Открытие это не помешало Плинию самым энергичным образом преследовать христиан, побуждая их к отречению, и безжалостно отправлять на казнь тех, кто упорствовал в своей вере.

Добавлю, что в обычной своей жизни этот гонитель христиан отличался примерной вежливостью и подчеркнутой деликатностью, чему органически соответствовала болезненная хрупкость его сложения. Правитель Вифинии власти не любил, он тяготился своими гражданскими обязанностями и мечтал о жизни уединенной, посвященной литературным трудам. В общем: *«Как человек он был очень хорош, хорош своей широкой милой добротой. Для него было потребностью видеть вокруг себя счастливые спокойные лица...»*³⁹. Последнее, однако, явно не относилось к приверженцам христианского учения, которые, конечно же, имели иное мнение о душевных качествах правителя Вифинии. Впрочем, одно не исключает другого. Плиний бесконечно кого-то с кем-то мирил, кому-то что-то дарил, советовал, побуждал к правильным действиям, поощрял в благородных начинаниях, посылал любимого раба для поправки здоровья сначала в далекий Египет, а потом в южную Галлию. Однако как ответственный правитель провинции он действовал в соответствии с пониманием своего долга. Следуя рекомендациям Траяна, Плиний обрекал на смерть неисправимых христиан, потому что воспринимал их верование как заразное заболевание, которое подлежало искоренению. Казни осуществлялись, так сказать, в профилактических целях, ради сохранения общественного здоровья. Согласно христианской традиции, именно при Траяне (20 декабря 107 г.) был растерзан зверьми подле языческого храма в Риме святой Игнатий Богоносец и обезглавлен мученик Ромил. И если составители Талмуда отомстили этому императору фантазией о его насильственной смерти, то христианские составители легенд о святых мучениках также постарались ему отомстить, причем более изощренным способом. Они объявили христианкой и таким образом отправили на мученическую казнь дочь самого Траяна, превратив жестокого императора еще и в дочереубийцу (память дочери Траяна мученицы Дросиды,

³⁸ Плиний Младший. Письма, 10.96.8.

³⁹ М. Сергеевко. О Плинии Младшем // Письма Плиния Младшего. Изд. подг. М. Е. Сергеевко, А. И. Доватур. М., 1982. С. 281.

которая, согласно преданию, добровольно бросилась в раскаленную печь, празднуется 4 апреля).

«*Ненависть к роду людскому*» (*odium humani generis*), которую приписывал христианам Тацит, — старое обвинение, выдвигавшееся различными авторами и против иудеев.⁴⁰ Судьбы христиан и иудеев сближает также ложное обвинение в устройстве пожара. Через два года после описанной истории с римскими христианами нечто подобное грозило всем евреям, обитавшим в одном из крупнейших городов восточного Средиземноморья — Антиохии. Сын лидера местной еврейской общины по имени Антиох, находясь в театре, публично обвинил своих соплеменников в намерении поджечь город. Антиохийцы были столь возбуждены, что схватили нескольких предполагаемых преступников и немедленно сожгли их на костре, разведенном в том же театре (66 г.).

Когда вскоре после этого в городе действительно случился пожар, тот же Самый Антиох обвинил евреев в поджоге и горожане собирались подвергнуть наказанию уже всю еврейскую общину. Есть, однако, несколько очень важных особенностей, отличающих данное происшествие от римской истории с христианами. Прежде всего, гонения на евреев были обусловлены не только словами Антиоха, но общей ситуацией того времени. Началась война Рима с восставшими жителями Иудеи, и евреев стали преследовать во всех городах Сирии — как пишет Иосиф Флавий: «*ненависть к евреям доходила до предела*» (ИВ 7.47[3.3]). Речь идет о регионе, где в отличие от Рима ненависть к евреям безусловно существовала, и война ее необычайно подхлестнула. Участие же римских властей свелось к тому, что прибывший в город легат Гней Коллега тщательно разобрался в происшествии и защитил ложно обвиненных, обнаружив истинных виновников пожара. Оказалось, это были люди, которые пытались уклониться от уплаты долгов, для чего решили сжечь здание совета и общественный архив (ИВ 7.61[3.4]).

С евреями, проживавшими в Риме, ничего подобного антиохийскому инциденту не случалось. Сдержанность по отношению к евреям, с которыми империи пришлось вести

⁴⁰ Диодор, 34.1.2; Апион у Иосифа Флавия (Против Апиона 2.121[11]), Тацит. История, 5.5 (*Штерн*. Т. II. Часть 1. С. 91. Прим. к № 294).

кровавые войны, решительно контрастирует с жестокостью той же империи по отношению к отделившемуся от иудаизма мирному христианству. В отличие от иудаизма, являвшегося *«дозволенной религией»*, христианство было религией *недозволенной* — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Исходя из позднейшего исторического опыта, христиан можно было бы назвать своего рода «евреями» римского мира. Они находились, так сказать, в «еврейской позиции», точнее говоря, в той позиции, в которой находились евреи христианской Средневековой Европы. Если Нерон обвинил в поджоге Рима христиан, то христиане эпохи Средневековья казнили как поджигателей евреев, которые объявлялись устроителями пожаров в самых разных европейских городах⁴¹. Это было одно из самых типичных антиеврейских обвинений. То же можно повторить об ответственности за разного рода стихийные бедствия, включая голод. Как писал по этому поводу Тертуллиан: *«Выйдет ли Нил из берегов, погубит ли засуха урожай, случится ли землетрясение, разразится ли эпидемия в Африке... — тотчас же крик “Христиан на растерзание львам!”»*. Это можно сравнить, например, с ситуацией XIV века в средневековой Европе. В период великого голода 1315–1318 годов во Франции преследовались евреи. Во время страшной эпидемии черной чумы, опустошившей в 1348 году большинство европейских стран, евреев обвинили в отравлении и заражении чумой колодцев⁴². Еще более показательен так называемый кровавый навет — обвинение евреев в ритуальном детоубийстве. Впервые в 1144 году в английском городе Нориче крещеный еврей Теобальд из Кэнтербери заявил, что его соплеменники совершают такие страшные церемонии ежегодно во время празднования Пасхи⁴³. Однако за тысячу лет до Теобальда подобные обвинения звучали в Риме по отношению к христианам. Тацит говорил о том, что христиане *«своими мерзостями навлекли на себя всеобщую ненависть»*. Имелись в виду

⁴¹ Д. Трахтенберг. Дьявол и евреи. Средневековые представления о евреях и связь их с современным антисемитизмом. М., Иерусалим; Гешарим, 1998. С. 81 сл.

⁴² Ж. Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 298–293.

⁴³ Там же. С. 117 сл.

каннибализм и кровосмешительство. Тертуллиан в «Апологетике» с негодованием говорит, что христианам приписываются сотни убитых и съеденных ими детей. (*«Нас называют величайшими преступниками за таинство убийства детей, за едение их потом и за кровосмешение после пира, о чем заботятся собаки, опрокидывая светильники и устроая чрез это своднический мрак для стыдливости, вызываемой преступнейшими похотями»*⁴⁴.) Согласно рассказу другого христианского писателя — Минуция Феликса (начало III в. н. э.), типичные обвинения в адрес христиан звучали следующим образом: *«Говорят, что посвящаемому... предлагается младенец, который, чтоб обмануть неосторожных, покрыт мукою: и тот обманутый видом муки, по приглашению сделать будто невинные удары, наносит глубокие раны, которые умерщвляют младенца, и тогда — о, нечестие! — присутствующие с жадностью пьют его кровь и разделяют между собою его члены. Вот какую жертвою скрепляется их союз друг с другом, и сознание такого злодеяния обязывает их к взаимному молчанию»*⁴⁵.

Совпадают даже аргументы, которыми евреи Средневековья и христиане античности пытались оправдаться в глазах своих преследователей. Во время преследования христиан в Лионе, которое происходило в правление Марка Аврелия, одна из христианок в ответ на требование признаться в том, что ее единоверцы предавались ритуальному изуверству, отвечала: *«Как могут эти люди есть детей, если им запрещено есть кровь даже неразумных животных?»*⁴⁶. Из этого замечания следует, что христиане лионской общины придерживались диетических предписаний, до настоящего времени принятых у религиозных евреев, которые также использовали такие аргументы для своего оправдания. Однако язычники античной эпохи верили христианам не более, чем христиане эпохи Средневековья верили в подобных ситуациях евреям. В ответ на слова оправдания обычно следовали чудовищные пытки. Тем же занимались и римляне. Как рассказывает автор «Церковной истории» Евсевий, христиан оскорбляли, бросали диким зверям, побивали камнями, жгли огнем и раскаленным железом. Когда же лионский

⁴⁴ Тертуллиан. Апологетик, 7.1 (перевод Н. Щеглова).

⁴⁵ Минуций Феликс. Октавий, 9.5 (перевод П. Преображенского).

⁴⁶ Евсевий. Церковная история, 5.1 (перевод М. Сергеевко).

легат, встревоженный ежедневно увеличивавшимся числом жертв, обратился за советом к известному своим великодушием Марку Аврелию, император-философ велел ему продолжать эту кампанию.

* * *

Однако если христиане были, образно говоря, «евреями» римского мира, какое же место занимали в этом мире собственно евреи? Не было никаких юридических оснований для того, чтобы выделить евреев среди прочих подданных империи. Большинство евреев обладало обычными правами провинциалов, часть удостоилась римского гражданства. Единственное, что их отличало, это наличие некоторых привилегий, которые Цезарь и Август даровали своим еврейским подданным, дабы они могли беспрепятственно исполнять все положения своего закона. В этом вопросе римские императоры наследовали эллинистическим монархам из дома Селевкидов и Птолемеев. Повсеместно евреям было разрешено отправлять золото и серебро в Иерусалимский Храм, в различных городах существовали также свои еврейские законы. Например, в Антиохии евреи пользовались правом на денежную компенсацию за неиспользование бесплатного оливкового масла во время спортивных занятий. Евреи умащали себя кошерным маслом, которое приобретали сами, и эта трата возмещалась им из городской казны.

Оказавшись под властью Рима, жители эллинистических полисов Восточного Средиземноморья пытались изменить старую традицию и обращались с просьбами об отмене еврейских привилегий. Однако римские администраторы неизменно им в этом отказывали. Так ближайший помощник Августа Агриппа во время своего путешествия на восток не только посетил Иерусалимский Храм, но и защитил евреев, обитавших в городах Ионии от подобных посягательств (ИД 12.125–126[3.2]). Такая же история произошла в то время и в Кирене.

Оставив неприкосновенными еврейские привилегии в городах Восточного Средиземноморья, Август перенес эту практику и в столицу империи, приспособив ее к римским обычаям. Когда осуществлявшиеся в Риме общественные

раздачи приходились на субботу, их организаторы должны были до следующего дня сохранять долю евреев, ставших римскими гражданами. Это делалось для того, чтобы те могли без каких-либо препятствий и сожалений соблюдать святость своего праздника⁴⁷.

Филон объясняет такую заботливость особой лояльностью евреев по отношению к императорам⁴⁸. Евреи умели быть благодарными. Светоний отмечает исключительную скорбь, проявленную римскими евреями во время погребения Гая Юлия Цезаря⁴⁹. Теплые чувства евреев к Цезарю были ответными на его благосклонность. Именно Цезарь издал серию декретов, гарантировавших евреям важные привилегии в ряде городов Малой Азии. Евреи безусловно не любили Помпея, который оскорбил их тем, что посмел вторгнуться в Святой Святынь Храма. Уже одно это обусловило их симпатии к сопернику Помпея — Цезарю. Фактический правитель Иудеи Антипатр с помощью первосвященника Гиркана обеспечил Цезарю помощь египетских евреев, открывших римскому полководцу дорогу на Александрию. В знак благодарности Цезарь установил в столице Египта колонну, на которой были записаны права еврейских граждан этого города.

Лояльность евреев диаспоры по отношению к правителям стран, в которых они обитали, являлась скорее общим правилом. В истории Египта известны два случая, когда местные евреи оставались последней опорой непопулярных правителей, которым противостояли узурпаторы, поддержанные большинством народа. Я еще вернусь к этой теме в главе, посвященной восстанию 115–117 годов. Пока же отметим, что традиция покровительства евреям достигла апогея во времена Августа, который особо благоволил не только римским евреям, но и правителю вассальной Иудеи — Ироду. Евреи, проживавшие в столице империи, построили тогда в знак своей благодарности особую «синагогу Августа». Потребовались три иудейских восстания, чтобы император Адриан издал законы, направленные против

⁴⁷ Филон. О посольстве к Гаю, 158 (23).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *«Среди этой безмерной всеобщей скорби множество иноземцев то тут то там оплакивали убитого каждый на свой лад, особенно иудеи, которые и потом еще много ночей собирались на пелище»* (Божественный Юлий, 84.5).

иудаизма. Впрочем, столь необычная для Римской империи мера действовала не более трех лет и была отменена уже при наследнике Адриана — Антонине Пие.

Итак, как относились римляне к евреям? Как видно из приведенных выше примеров, неоднозначно. Наряду с недоброжелательством можно указать и на лояльность, примеры даже особой симпатии, что относится как к убеждениям отдельных лиц, так и к официальной имперской политике. Несомненно, что администрация империи никогда не руководствовалась в своем отношении к евреям какими-либо предубеждениями. Для этого она была слишком прагматичной. Закономерен вопрос — что же привело к столь тяжелым последствиям римско-еврейского сосуществования? Чтобы ответить на него, попробуем рассмотреть обстоятельства этой исторической драмы более подробно.

Глава вторая

МЯТЕЖНАЯ ПРОВИНЦИЯ ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ. ИСТОРИЯ ВОССТАНИЯ

Римская империя вошла в историю человечества как идеальный образец имперской державности. Римский идеал веками пытались воспроизвести наиболее могущественные государства последующих эпох. Существовавшая около тысячелетия после падения Рима Византийская империя претендовала на то, что и без Рима она представляет собой государство ромеев, то есть римлян. На Западе те же идеалы возродились в империи Карла Великого, которой наследовала Римская империя германской нации. Она существовала около восьми веков и была ниспровергнута лишь Наполеоном, стремившимся реализовать собственный имперский проект. Однако исходный образец остался непревзойденным. Как с позиций уже Нового времени вспоминал о Римской империи французский ученый: *«Никогда еще не была так близка к осуществлению мечта философов о всемирной империи, обнимающей все человечество»*¹.

Современники жили ощущением, что Римская империя охватила весь цивилизованный мир, оставив за своими пределами только так называемых варваров (о Китае и о более близкой Индии обитатели Средиземноморья имели очень смутные представления). Общее мнение выражают слова Филона Александрийского, согласно которому римскому императору досталась власть *«...и не только над большей и лучшей частью мира (она-то по праву и зовется «миром»), границы коей идут по Рейну и Евфрату, и струи Рейна*

¹ Г. Буассье. Оппозиция при цезарях. Собр. соч. в 10 тт. Т. 2. СПб., 1993. С. 35.

отделяют нас от германцев и прочих племен, весьма звереподобных, Евфрат же — от парфян, сарматов, скифов, кои ничуть не менее дики, — в удел ему досталась власть, границы коей проходят там, где солнце всходит, и там, где оно ложится, в глубинах океана и в небесных высях»².

Такого величия нельзя было достичь без совершенного военного искусства, превосходство которого над военными традициями других народов древности римляне доказали на полях сражений. И броня восточных боевых колесниц, и чудовищная мощь слонов, и берсерская одержимость германцев, считавших самой завидной судьбой смерть в бою, — все это разбивалось о несокрушимый строй легионов, в течение многих веков побеждавших врагов римского государства. О поведении римлян во время войны с восторгом писали уже древние авторы, включая Тита Ливия, Цезаря, Тацита, Полибия, Гигина... В Новое время опубликовано множество специальных научных исследований, посвященных этому вопросу. В рамках настоящей работы достаточно будет, я полагаю, повторить замечание сражавшегося некогда с римлянами Иосифа Флавия: *«Они всегда легки на победу и тяжелы на поражение и никогда не были побеждаемы ни численным превосходством, ни искусством, ни неблагоприятными условиями, ни даже судьбой»* (ИВ 3.106[5.7]).

В центре Рима находился храм Януса, воздвигнутый, по преданию, царем Нумой, легендарным вторым правителем римского государства³. В храме Януса были ворота войны, открытое положение которых означало, что государство воюет. Закрывались они во время мира. «Последнее случилось весьма редко, ибо империя постоянно вела войны — писал Плутарх, — в силу огромных своих размеров непрерывно обороняясь от варварских племен, ее окружающих». За всю многовековую историю римской государственности ворота войны закрывались считанное число раз, причем ненадолго⁴. Однако, хотя создавало империю воинское искусство, ее многовековое существование было бы не-

² Филон. О посольстве к Гаю, 10 (2).

³ Ливий. История Рима от основания города, 1.19.2.

⁴ Плутарх. Сравнительные биографии: Нума, 20. См. помимо указанных мест из Ливия и Плутарха также: Светоний, Нерон, 13, Деяния божественного Августа (Monumentum Ancyranum, 13).

возможным без искусства управления и созидания. Эпоха ранней империи стала периодом их наибольшего расцвета.

Огромные пространства государства были связаны дорогами, которыми еще в течение многих столетий пользовались представители средневековой цивилизации. В самых глухих ныне местечках, входивших некогда в состав империи — от Турции до Испании, от Африки до Британии, сохранились остатки храмов, театров, дворцов, акведуков, мостов, бань, которые свидетельствуют о былом расцвете находившихся здесь ранее городов и незаурядной энергии их обитателей. Вплоть до Нового времени камни из развалин римских построек использовались в качестве строительного материала. Веками Западная Европа и Средиземноморье существовали словно в тени великого римского прошлого.

О масштабе римских строительных проектов можно судить по переписке императорского легата в Вифинии Плиния Младшего с императором Траяном. Только за время правления Плиния в Вифинии жители Прусы построили великолепные бани, жители Синопы провели более чем 20-километровый водопровод, а в Никее одновременно строили великолепный театр и громадное здание гимназия, которое должно было быть украшено таким грандиозным портиком, что стена семиметровой толщины казалась недостаточной для его поддержки. В то же время жители Никомедии построили огромный водопровод и ранее его окончания начали созидать другой и даже собирались начать третий...

У средневековых наследников римского мира таких созидательных возможностей просто не было. Они обитали в жалких домах, лишенных каких бы то ни было удобств, и поколениями возводили соборы, которые нередко рушились из-за несовершенства архитектурных расчетов⁵. По своей продуктивности римская экономика, основанная

⁵ Как пишет об этом авторитетный французский исследователь: *«...в целом творения Средневековья были — вопреки тому, как это слишком часто считают, — скверного качества. В средние века приходилось постоянно что-то ремонтировать, заменять, переделывать. Нужно было без конца отливать заново колокола. Часто рушились здания, прежде всего церкви. Обвал в 1284 г. хора кафедрального собора Бове вдвойне символичен. Он знаменовал собой прекращение подъема готики, но еще в большей мере показал общую судьбу многих средневековых построек»* (Ж. Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. С. 206).

на использовании рабского труда, достигла уровня, сравнимого с уровнем Западной цивилизации эпохи паровых двигателей.

Большинство римских подданных были покорены вследствие кровавых войн, однако побежденные смирились с поражением. Суровые уроки войны показали им, что империя непобедима, вместе с тем, положение ее подданных сулило определенные преимущества. Характерен в этом отношении пример Галлии. Воинственность ее жителей в эпоху до завоеваний Цезаря вошла чуть ли не в поговорку. Римляне еще долго вспоминали о чудовищных галльских обычаях украшать конскую упряжь отрубленными головами врагов и сжигать людей заживо в качестве жертв божествам, однако большинство граждан этой страны легко включилось в жизнь римского государства. Волнения на германской границе, такие события, как бунт батавов, не оставляли галлов равнодушными, и тем не менее тенденция к консолидации в рамках империи решительно преобладала. Потомки свирепых воинов усердно учились наукам, которые принесла им римская цивилизация. Ревнивый Ювенал отмечает то, что представляется ему полным абсурдом: *«Галлия стала речистой и учит юристов британских»*. То есть галлы, оставив свои варварские обычаи, увлеклись риторикой и содействовали юридическому образованию обитателей Британии. Римские провинциалы с энтузиазмом увлеклись плодами той цивилизации, которую подарили им римские завоеватели.

Египтяне, которые заставили некогда Цезаря вплавь добираться до римского корабля, находившегося в гавани Александрии, позднее вели себя вполне мирно. Греция исчерпала свой бунтарский потенциал еще во времена Митридата и Суллы. Даже не смирившиеся германцы, которые в течение почти полутысячелетия волна за волной штурмовали границы римского государства, в то же время охотно пополняли римские легионы.

Не страдая излишней сентиментальностью, римляне уважительно относились к культуре покоренных ими народов и никогда не пытались навязать им своих религиозных установлений. Они ограничивались только формальными церемониями, которые символизировали идею подданства. Кажется, что в некоторых случаях повелители империи были готовы проявить к провинциалам благосклонность даже большую,

нежели к обитателям самого Рима. Безусловно, в реальном мире всегда находилось место для самоуправства, жестокости, корыстолюбия недобросовестных администраторов, однако общие идеалы имперского управления были вполне благородными. Вот как наставлял Плиний Младший одного из чиновников, который отправлялся в провинцию Ахайя: *«Чти богов основателей и имена богов, чти древнюю славу и ту самую старость, которая почтенна в человеке и священна в городах. Воздавай почет древности, воздавай его великим деяниям, воздавай даже мифам. Не умаляй ничьего достоинства, ничьей свободы, не останавливай даже хвастливых речей»*⁶.

Конечно, в данном случае сыграло свою роль то, что жителями Ахайи были духовные учителя римлян — греки. Однако общие принципы, которые декларирует Плиний, относились к самой идее провинциального управления: *«Плохо, если власть испытывает свою силу на оскорблениях; плохо, если почтение приобретает ужасом: любовь гораздо скорее, чем страхом, добьешься ты того, чего хочешь»*⁷.

Уроженец греческой Беотии Плутарх искренне называл Рим *«святым и добродетельным божеством»*, уподоблял его алтарю, у которого должны искать помощи все народы, и, цитируя Демокрита, назвал *«якорной стоянкой против качки и волнения»*⁸.

Еще более выразительны слова другого грека — Элия Аристиды, который в своем «Панегирике городу Риму» с риторическим пафосом восторгается счастьем имперских провинций: *«Вся земля облачилась в праздничное одеяние; она сбросила свое старое боевое убранство и грезит теперь только о роскоши, украшениях и разного рода удовольствиях. Старинные распри между городами прекратились: теперь они соперничают друг с другом только в великолепии и пышности, каждый стремится быть красивее своего соседа. Все они полны гимнасиями, фонтанами, пропилеями, храмами, мастерскими и школами; кажется, словно мир выздоровел после продолжительной болезни. Благодеяния римского управления так равномерно распределены, что нельзя даже сказать, на чью долю выпадает больше. Все*

⁶ Плиний Младший. Письма, 8.24.

⁷ Там же.

⁸ Плутарх. Об удаче римлян, 317А.

города осыпаны ими, все сияют красотой и блеском и вся земля осыпана, точно огромный сад»⁹.

Перечитывая вдохновенные строки Элия Аристида, приходится, однако, вспомнить: в одном из уголков этого цветущего римского сада находилась местность, чье состояние напоминало скорее выжженную бедствиями пустыню. В то самое время, когда римские строители срывали горный массив ради сооружения форума Траяна, когда управляемые Плинием города Вифинии украшались величественными общественными зданиями, значительная часть Иерусалима находилась в развалинах, а огромные пространства Египта и Киренаики разоряла страшная война. Почему же, пока прочие провинции империи соревновались между собой в сооружении все более роскошных общественных зданий, Иудея и населенные евреями африканские провинции превращались в опустошенную страну? Почему там проливалась кровь тысяч и тысяч людей, а здания по большей части не сооружались, но разрушались?

* * *

Война 66–73 годов римлян с восставшими иудеями, безусловно, являлась очень важным событием в истории империи. Это подтверждается значительным вниманием, которое уделили различным обстоятельствам этого времени римские авторы. Мы располагаем также уникальным свидетельством еврейского писателя, благодаря которому известны не только общий ход событий того времени, но и множество деталей подробностей. Иосиф Флавий был современником боевых действий в Иудее, и ему довелось принять в них непосредственное участие¹⁰.

На первом этапе войны Иосиф возглавлял еврейское сопротивление в Галилее. После поражения он перешел на

⁹ Г. Буассье. Оппозиция при цезарях. С. 33.

¹⁰ Существует весьма обширная литература, посвященная личности Иосифа Флавия и его трудам. Среди переведенных на русский язык укажу лишь на работу Тессы Раджак (Иосиф Флавий. Историк и общество. М., Иерусалим, 1993), в которой подробно излагается эта проблематика. (Следует, впрочем, иметь в виду, что перевод содержит множество ошибок. — И. Левинская.)

сторону римлян, присутствовал при осаде Иерусалима и был ранен в руку, когда по поручению Тита обращался к защитникам города с предложением о капитуляции. Позднее Иосифу суждено было увидеть гибель любимого им города и тот пышный триумф, которого удостоились в Риме победители. Все это подробнейшим образом описано в «Иудейской войне», которую дополняет написанная позднее автобиография Иосифа («Жизнь»). Помимо этого важные подробности обстоятельств, которые предшествовали еврейскому восстанию, изложены в «Иудейских древностях».

В истории древнего мира почти нет событий, о которых известно столь много, как об иудейском восстании 66–73 годов. Однако это не означает, что внутренняя природа этого происшествия очевидна и хорошо понятна. Напротив — то, что описано Иосифом, стало поводом для споров уже нескольких поколений исследователей. Прежде чем обратиться к этой полемике, остановимся вкратце на главном в его описаниях.

Начальный этап римско-еврейских отношений был вполне мирным. Ничто не давало оснований для какого-либо непреклонного противостояния. Во времена правления династии Хасмонеев Иудею даже объединяла с Римом общая борьба против царства Селевкидов. Уже Иуда Маккавей — сын и наследник поднявшего антиселевкидское восстание Маттафии — заключил с римлянами союз, подтвержденный позднее его братом и преемником Ионатаном.

Идиллия союзнических отношений, столь удобных для отдаленных стран, с неизбежностью была нарушена, когда римские войска начали захват Ближнего Востока. Но и это не превратило евреев в непреклонных врагов Рима. После недолгого сопротивления Иудея разделила общую судьбу всего региона.

Помпей вмешался в вопрос иудейского престолонаследия. Он лишил власти популярного Аристокла и посадил на трон его брата, слабовольного Гиркана Второго. Римские войска захватили Иерусалим, словив оборону сторонников Аристокла, и впервые после Антиоха Эпифана чужеземец оказался в святой святынь Храма (63 г. до н. э.). Евреи никогда не могли простить этот поступок Помпею, однако им пришлось смириться с его кощунством. Также смирились они с отторжением значительных территорий, с потерей Гирканом царского титула (он сохранил позицию храмового

первосвященника, а как светский правитель считался теперь этнархом — «князем»). Пришлось перенести даже то, что Марк Красс, отправляясь в роковой для него парфянский поход, ограбил в 53 году до н. э. сокровищницу Храма.

Гиркан стал марионеткой в руках Антипатра, который захватил в стране реальную власть и старательно вел Иудею в русле римской политики. Такой же линии поведения придерживался и сын Антипатра Ирод Великий, унаследовавший положение своего отца, после того как Антипатр был отравлен врагами. То, что Иудея не в состоянии сопротивляться римскому владычеству, вскоре стало очевидным и для соперников Ирода. Аристокл и его сын Александр, захваченные в плен Помпеем, бежали из Рима (Александр ускользнул уже по дороге в Рим), однако все их попытки захватить власть против воли римлян завершились разгромом и гибелью. Аристокл получил шанс на успех только тогда, когда его поддержал Цезарь, надеявшийся найти в нем союзника против ставленников Помпея. Однако планам Аристокла не суждено было сбыться — вскоре его отравили. Погиб и Александр, казненный по распоряжению Помпея.

Отчаявшись найти поддержку в Риме, второй сын Аристокла, Антигон, обратился за помощью к единственной великой державе Ближнего Востока, которая осмеливалась соперничать с Римской империей, — к Парфии. Парфяне, уже пытавшиеся захватить Иудею после победы над Крассом, послали по просьбе Антигона большую армию под руководством царя Пагора. Пользуясь тем, что силы Рима были отвлечены гражданской войной, парфяне захватили страну и поставили Антигона царем (40 г. до н. э.).

Гиркан был захвачен в плен и изувечен — ему отрезали уши, что по иудейским законам лишало права на статус первосвященника. Ироду пришлось бежать, однако вскоре он вернулся вместе с римскими войсками под руководством Вентидия. Римляне быстро изгнали парфян, причем царь Пагор был убит. Оставшись без союзников, Антигон потерпел сокрушительное поражение. Он был осажден в Иерусалиме, захвачен в плен и вошел в историю как первый царь, казненный римлянами (37 г. до н. э.). После этого уже ничто не могло помешать Ироду получить царскую власть. Новый повелитель постарался уничтожить всех наследников династии Хасмонеев, которые могли бы претендовать

на захваченный им престол. Даже искалеченный старик Гиркан, который вернулся в Иудею из парфянского плена, чтобы завершить свою жизнь на родине в качестве покорного подданного, был убит по приказу нового царя. Ирода не остановило и то, что он был женат на внучке Гиркана красавице Мариамне.

Удачное лавирование Ирода между различными претендентами на власть в Риме позволило ему расширить границы Иудеи, присоединив практически всю Сирию. Ирод обустроивал территорию вокруг Храма. Воздвигал величественные здания, среди которых особо выделялись примыкавший к Храму замок Антония и огромные башни, которые, как уверяет Иосиф, *«не имели себе подобных в целом мире по своей величине, красоте и мощи»* (ИВ 5.161[4.3]). Одна из этих башен, носившая имя брата Ирода Фацаэля (Фазеля)¹¹, — *«по общему виду... была подобна Фаросскому маяку, указывающему путь плывущим в Александрию, хотя и значительно превосходила его по площади»* (ИВ 5.169[4.3]). Напомню, что маяк, который упоминается для сравнения, это знаменитое чудо света. Рядом с башнями был построен дворец Ирода, не уступавший величием самому Храму. Описание его, оставленное Иосифом Флавием, более всего напоминает сказочные фантазии в стиле «Тысячи и одной ночи», однако Иосиф рассказывал о том, что ему довелось видеть собственными глазами. *«Его [дворца] роскошь и убранство не имели себе равных, и сверх того он был окружен со всех сторон стеной в тридцать локтей высотой, по которой на равном расстоянии друг от друга шли богато украшенные башни, и заключал в себе огромные покои и пирашественные залы, способные вместить сотни приглашенных. Невозможно передать словами красоту отделки камней внутри дворца, ведь отовсюду сюда были доставлены в великом множестве редчайшие из камней, потолки же дворца поражали как величиной балок, так и великолепием отделки. Здесь было неисчислимое множество покоев, и все отличались один от другого по виду, все были полностью обставлены, и большинство находившихся в них предметов состояло из серебра и золота. Много было кольцеобразных пересекающихся между*

¹¹ В написанных на греческом языке сочинениях Иосифа Флавия имена еврейских героев передаются в греческом звучании, которое я указываю в скобках.

собой колоннад, отличавшихся одна от другой своими колоннами. Их внутренние дворы сплошь зеленели от растительности: здесь росли всякого рода сады, рассекавшиеся длинными воротами для гуляния и окруженные глубокими каналами или бассейнами, уставленными медными изваяниями, из которых лилась вода, а кругом этих водоемов находились многочисленные башни для ручных голубей» (ИВ 5.177–181[4.4]).

Поразительно, но из всего этого великолепия в Мишне (древнейшая часть Талмуда) сохранились воспоминания только об Иродовых голубях¹².

На просторах Иудеи появились новые города, в числе которых особо выделялась приморская Кесария. Стараниями Ирода были украшены также многие центры Сирии и даже Греции, включая Афины, Дельфы, Олимпию... Ирод, гордившийся своей просвещенностью и утонченностью вкуса, пытался приучить жителей Иудеи к вошедшим тогда в моду римским забавам. Это были цирковые зрелища, в ходе которых зрители могли наслаждаться схватками гладиаторов и расправами диких хищников над обреченными жертвами. Оказалось, однако, что эти достижения имперской цивилизации в Иудее не прививаются, ибо правозверных иудеев такие зрелища шокируют. Для подданных Ирода *«тут было лишь доказательство явного разложения нравов, чистоту которых они так свято соблюдали. Иудеи считали явным безбожием предоставлять диким зверям людей для удовольствия других людей и в столь же высокой степени безбожным вводить в свою жизнь чужеземные обычаи»* (Иудейские древности — далее — ИД 15.274–275[8.1]¹³).

Особо задевало жителей Иудеи нарушение традиционных религиозных запретов. Даже в самом цирке *«больше же всего оскорбляли их трофеи, и они немало печалились, видя в них запрещенные законом изображения вооруженных людей»* (ИД 15.276[8.1]).

И уже совершенно непереносимым показалось обитателям Иерусалима решение Ирода водрузить над Большими воротами Храма золотую скульптуру орла. Иудеи увидели в этом чудовищное нарушение заповедей Моисея, запрещающего создавать идола. Дождавшись того момента, когда

¹² Шаббат 24,3; Хуллин, 12,1.

¹³ Здесь и далее цитируется перевод Г. Генкеля.

Ирод заболел, несколько юношей, бывших учениками двух мудрецов — Йехуды сына Ципорая и Маттитьяху сына Маргала при большом скоплении народа спустились на веревках с крыши Храма и принялись рубить орла топорами. Они были схвачены и сожжены вместе со своими наставниками (ИВ 1.650–655[33.2–4]).

Это была лишь одна из многих казней в правление Ирода. Его блистательная политика сопровождалась самым жестоким отношением к народу. Уже само происхождение царя противопоставляло его основной массе иудеев. Ирод являлся идумеем — представителем народа, который веками жил собственной жизнью и был обращен в иудаизм лишь в конце первого века до н. э. при царе Йоханане Гиркане. Старинная вражда не забывалась, она запечатлелась в Библии, например, в пятьдесят девятом псалме Давидовом говорится, что он был написан, *«когда Иоав возвращался, поразив двенадцать тысяч Идумеев в долине Соляной»*.

Однако много более значимыми, чем воспоминания о прошлом, были личные склонности и характер правителя. Жертвой маниакальной подозрительности Ирода стали даже его любимая жена Мариамна и трое сыновей. Ирод установил в стране жестокий репрессивный режим, который унес жизни множества людей, как действительно возмущавшихся существующими порядками, так и только заподозренных в этом. Дошло до того, что специальным царским указом были запрещены любые сходки, включая передвижение большими группами по улицам.

Правительственные шпионы следили за тем, чтобы не только в Иерусалиме, но также в небольших городках и деревнях это распоряжение соблюдалось самым строгим образом. Вездесущий сыск породил легенду, будто бы сам жестокий правитель, переодевшись простолюдином, бродит ночью по улицам и подслушивает все сказанное о нем и его распоряжениях¹⁴.

¹⁴ *«Сходки были запрещены гражданам, равно как совместные прогулки и собрания, причем везде был установлен строжайший надзор. Ослушников постигали жестокие наказания. Много людей открыто и тайно были уводимы в крепость Гирканию и там предаваемы казни. Как в городе, так и по большим дорогам имелись следившие за этим шпионы. Рассказывали, что сам Ирод не брезговал этим средством, но часто, облекившись в одежду простолюдина, ночью смешивался с толпой простонародья, чтобы узнать настроения его относительно правительства»* (ИД 15.366–367[10.4]).

Иосиф утверждает, что, желая предотвратить общественное ликование, неизбежное при известии о его смерти, Ирод завещал убить в этот момент наиболее знатных жителей Иудеи, которые заранее были помещены им в тюрьму, и первые действия наследников Ирода были направлены на то, чтобы остановить данное распоряжение (ИВ 1.659–660, 666[6.8]). Даже если эта история — лишь порождение народной фантазии, из нее следует, чего ожидали от своего правителя жители Иудеи. Новозаветный рассказ о том, как Ирод повелел казнить множество младенцев, дабы погубить тем самым Иисуса Христа, появился в поле еврейских исторических преданий о безжалостном царе-тиране.

Эпоха, в которую жил Ирод, знала много жестоких правителей. Он пришел к власти в то время, когда на просторах римского государства разгорелись гражданские войны, унесшие жизни тысяч людей. Правление Августа, казалось, положило конец годам кровопролития. Римские граждане были готовы примириться с утратой республиканских свобод ради стабильности и порядка, однако уже следующий принцепс, Тиберий, оказался злым тираном-извращенцем. Его наследник Калигула, на которого возлагали так много надежд, был откровенным маньяком, окончательно утратившим какое-либо чувство стыда, все-таки еще знакомое Тиберию, отгородившемуся от мира на острове Капри. После убийства Калигулы воцарился, казалось бы, очень мягко правивший Клавдий, однако римлян раздражали мелочность и малодушие этого правителя. С необыкновенным энтузиазмом было воспринято воцарение Нерона, но уже очень скоро его подданные поняли, что новый император отличается патологической жестокостью и последовательным аморализмом.

Низвержение Нерона ознаменовало начало кровопролитной гражданской войны, в ходе которой в течение одного года на римском престоле сменились четыре императора. Последний из них, Веспасиан, основал династию Флавиев, которая завершилась уже на его втором сыне Домициане, чье тираническое правление напоминало о временах Калигулы и Нерона.

По степени жестокости и готовности проливать кровь подданных Ирода Великого вполне можно было бы сравнить с этими монстрами, однако только Ироду было дано испытать муки совести, раскаяние, душевные порывы и прочие подобные страсти. Ни одного из римских императоров

не представить себе льющим слезы на могиле казненной по его приказанию жены, роковую посмертную влюбленность, нервное заболевание... Холодные римские извращения, с откровенным любопытством экспериментировавшие на границе возможного и невозможного, напоминают скорее рожденных духом Просвещения героев де Сада, демонический же тиран Иудеи реализовал себя в стилистике мрачного романтизма. Словно готический роман ужасов описывал полнокровную историческую реальность.

К слову сказать, слишком страстная любовь к женщине — феномен, глубоко чуждый римскому миру. Не случайно его единственный роковой роман — история Антония и Клеопатры, произошел уже на Востоке. Нечто подобное относится и к детолюбию. Гордый своей причастностью высокой римской цивилизации Тацит был искренне удивлен странными иудейскими законами, запрещающими детоубийство в случае смерти отца ребенка¹⁵. Это казалось ему чем-то аномальным, едва ли не патологичным. Римляне могли позволить себе бросить младенца на улице в порядке политической демонстрации — чтобы проявить таким образом свое неодобрение действий власти. Добавлю, однако, что именно в детолюбивом мире Иудеи мог появиться Ирод, погубивший трех своих сыновей, — крайности каким-то образом сходятся.

Различие между тиранами Рима и Иудеи — между аморальным рационализмом и неистовой, почти что самоубийственной страстью — очень показательно для сопоставления римского и иудейского обществ. Далее я еще вернусь к этой теме, пока же необходимо отметить, что маниакальная жестокость сочеталась в Ироде с незаурядной ловкостью, изобретательностью, умением льстить и добиваться расположения. Ему удалось договориться со сторонниками республики, потом — с их врагом Антонием. После гибели Антония он договорился и с соперником Антония императором Августом, который испытывал к Ироду исключительно теплые чувства.

Хотя одна из войн Ирода с арабами привела на какое-то время к охлаждению их с императором отношений, в целом можно сказать, что правитель Иудеи был самым близким Августу политическим деятелем Ближнего Востока. Именно на него возлагалась особая ответственность за поддержание

¹⁵ Тацит. История, 5.5.

стабильности в данном регионе. Страна Ирода являлась вассальным по отношению к Риму царством, однако император предпочитал без особых причин не вмешиваться в его внутреннее управление. Возможно, именно поэтому авторитет римской власти был в Иудее очень высок. Когда после смерти Ирода Август обсуждал дальнейшую судьбу иудейского престола, представители местной элиты предлагали римлянам взять страну под свое непосредственное управление. Они были так потрясены тираническим самоуправством умершего царя, что боялись даже его наследников, предпочитая им римского императора (ИВ 2.90–91[6.2]).

Однако просителям было отказано. Благосклонность Августа к Ироду распространилась и на его сыновей, между которыми было поделено наследство отца, и на месте прежнего Иудейского царства появились три новых государства. Большая часть страны досталась Архелаю, который стал обладателем титула этнарха, две небольшие северные территории (тетрархии) получили в качестве правителей Антипу и Филиппа. Именно Антипе, правившему в Галилее и Перее, было суждено оказаться героем драмы, приведшей к гибели Иоанна Крестителя. Согласно преданию, его падчерица Саломея, подстрекаемая матерью Иродиадой, в качестве награды за танец вынудила Антипу отдать ей голову Иоанна.

Несмотря на убийство трех сыновей, Ирод оставил весьма многочисленное потомство (у него было не менее десяти жен и пятнадцати детей). Судьбы его конкурировавших между собой наследников складывались по-разному, но представители этой династии еще долго оказывали значительное влияние на судьбы Ближнего Востока.

Особо можно выделить потомков казненного сына Ирода и Мариамны Александра, которые вскоре воцарились в Армении, — римляне опирались на них в своей борьбе со ставленниками Парфии. Показательна в этом отношении ситуация, сложившаяся в ходе парфянского похода полководца Корбулона¹⁶. Поход был предпринят в период правления Нерона (в 60–62 годах) для того, чтобы посадить на армянский престол одного из наследников Александра — Тиграна. Помимо Тиграна среди союзников римского полководца были и два других потомка Ирода — царь небольшого Иудейского царства, расположенного на севере Палестины,

¹⁶ Эти события описаны *Тацитом* в 14-й книге «*Анналов*».

Агриппа Второй и Аристокбул, правивший в особом государстве Малая Армения. Добавлю, что ближайшим помощником Корбулона, которому доверялось отстаивать интересы римской державы в ходе переговоров с парфянами, являлся во время указанного похода представитель известного александрийского еврейского рода Тиберий Александр.

Во времена правления Нерона ближневосточные монархи считали для себя честью жениться на иудейских принцессах и ради этого были готовы даже принять иудаизм и подвергнуть себя обрезанию (ИД 20.139[7.1], 145[7.3]). В эпоху, когда обрезание в некоторых странах стало практиковаться по медицинским соображениям, просто невозможно представить, что означал такой шаг для людей, воспитанных в традициях эллинистической культуры. Показательны в этом отношении рассуждения Саллюстия Неоплатоника (IV в.). Рассказывая об изуверских обычаях, принятых у некоторых варварских народов, он упоминает еврейское обрезание после рассказа о массагетах, поедающих своих отцов, и перед описанием персов, которые вступают в интимные отношения со своими матерями¹⁷. Обрезание представлялось этому автору явлением того же порядка.

Любопытно, что перспектива предбрачного обрезания казалась вполне реальной и для далекого наследника Антиоха Эпифана, пытавшегося некогда уничтожить иудейскую религию, — царевича Антиоха, правившего в небольшом государстве Комагена. Впрочем, в последний момент комагенский Антиох все-таки не решился принести такую жертву ради женитьбы на сестре Агриппы Второго красавице Беренике. Она утешилась тем, что завела роман с командующим римскими войсками в Иудее Титом, которому было суждено позднее стать императором Рима¹⁸.

¹⁷ Штерн. Т. II. Часть 2. 232–233, № 488.

¹⁸ Перспектива брака между ними вызвала большое беспокойство в Риме, так как семейный союз наследника престола с иноземной красавицей представлялся здесь чем-то совершенно неприличным. Императору, как, впрочем, и всем представителям римской аристократии, полагалось быть женатым на девушке римского происхождения. Даже спустя несколько десятилетий после смерти Тита Ювенал не мог удержаться от брани в адрес Береники. Упомянув о кольце, принадлежавшем некогда иудейской принцессе, он добавил: «Дал его варвар блуднице — сестре он подарен Агриппой» (6.158).

Описанная ситуация может показаться каким-то «еврейским засильем», однако политические успехи отдельных аристократов не изменили к лучшему судьбу еврейского народа. Скорее наоборот. Евреи, сделавшие блистательную карьеру на службе Римской империи, связали свою судьбу с этой империей. Тиберий Александр и армянские царевичи из рода Ирода не сохранили верность религии отцов и помогали римлянам даже тогда, когда они воевали против восставшей Иудеи. Вместе с ними выступил и Агриппа Второй, сохранивший верность еврейской религии, но изменивший еврейскому делу. Более значимым, нежели кровная близость, оказалось духовное родство. Уже во время похода Корбулона среди врагов Рима был царь Адиабены Монобаз, перешедший в иудаизм вместе со своей матерью Еленой и братом Изатом. И если наследники Ирода помогали во времена Иудейской войны римлянам, то прозелиты — сыновья Изата — стали защитниками Иерусалима.

Бедствия Иудеи начались задолго до этого решающего столкновения. Уже через восемь лет после своего воцарения главный наследник Архелай был обвинен перед Августом жителями Иудеи, которые упрекали молодого царя в жестокости. Архелай был лишен власти, и большая часть его страны стала римской провинцией. Формальную независимость сохранили только территории на севере Иудеи, где в разное время существовали одно или два вассальных иудейских государства.

В истории ранней Империи парадоксальным образом сочетались безудержная репрессивная жестокость по отношению к римской аристократии и сравнительная сдержанность по отношению к обитателям провинций¹⁹. Если во времена республики хищники, подобные Гаю Верресу, которого обессмертил своей обвинительной речью Цицерон, были фатальным бедствием провинциалов, то наместники империи существенно лучше контролировались центральной властью. Даже аристократы с сомнительной репутацией, легкомысленные, праздные, откровенно развратные люди — такие как прославленный учитель наслаждений Петроний, Отон, являвшийся участником безумств Нерона, даже пьяница и обжора Вителлий — оказавшись в провинции, проявили себя как дельные и ответственные администраторы.

¹⁹ Г. Буассье. Оппозиция при цезарях. С. 26–35.

Однако Иудее не повезло. Неудачным было уже первое появление римских легионов, которые были присланы в страну после смерти Ирода, чтобы в ожидании решения императора поддержать здесь порядок. Руководитель отряда Сабин, игнорируя данные ему инструкции, попытался ограбить храмовую сокровищницу. Это вызвало всплеск народного негодования, настоящее восстание, заставившее Сабина бежать. Жителей Иерусалима усмирила лишь специальная экспедиция под руководством Вара, которому помогала арабская конница. Впрочем, увидев, как ведут себя в Иудее арабы, мстившие за поражения, которые нанес им Ирод, Вар предпочел отослать своих союзников домой — арабское вмешательство грозило полным истреблением населения Иудеи. Однако и сам Вар не был склонен к излишней мягкости. Захватив Иерусалим, он распял около двух тысяч человек. В огне пожара, вспыхнувшего при штурме города, погибли архивы и родословные записи священнослужителей — коганов, после чего им пришлось составлять новые генеалогии.

Судьба Иудеи, оказавшейся римской провинцией, в разное время зависела от различных людей. Особо можно отметить благородство сирийского легата Петрония, который был готов рисковать жизнью, чтобы не допустить массовых репрессий, о проведении которых уже распорядился Калигула. Однако поведение Петрония являлось исключением. В стране многократно вспыхивали возмущения, вызванные непродуманными распоряжениями чиновников и оскорбительными выходками римских солдат. Впрочем, прокуратор Гессий Флор, присланный в Иудею накануне восстания, был, безусловно, наихудшим из римских правителей этой страны. Расположенная к иудейской знати Пoppея, устроившая это назначение по просьбе близкой к ней жены Флора Клеопатры, не могла предвидеть последствий данного шага.

На поведение Флора влияла общая атмосфера произвола и беззакония, характерная для последних лет правления Нерона. Уже его предшественник Альбин отличался безответственностью. Иосиф Флавий ставил ему в вину взяточничество и покровительство разбойникам, которые избегали наказания, подкупая высокопоставленного чиновника. Что касается Флора, то, по словам Иосифа, этот прокуратор сознательно решил спровоцировать восстание, рассчитывая таким образом уйти от ответственности за совершенные им злоупотребления.

В разгоревшемся конфликте между греческой и иудейской общинами города Кесария, который являлся административным центром Иудеи, Флор, сам бывший греком, решительно поддержал своих соплеменников. Это вызвало общее возмущение по всей стране. Флор тем временем привел войска в Иерусалим и дважды устроил здесь избиения мирных граждан. Он велел бичевать и распять несколько человек, обладавших правами римского гражданства, что являлось грубым нарушением законов империи. Впрочем, иудеев много больше возмутила попытка Флора захватить сокровища Храма. Кажется, речь шла о том, чтобы для выполнения каких-то имперских требований взыскать из храмовой сокровищницы значительную сумму. Когда это требование стало известно, оно было воспринято как чудовищное святотатство, и в городе вспыхнуло стихийное восстание. После нескольких стычек с горожанами войска Флора вынуждены были покинуть Иерусалим, но по просьбе городских властей, которые обещали нормализовать ситуацию, Флор оставил в городе небольшой отряд.

Однако все попытки храмовых священников, иерусалимской знати, царя Агриппы и его сестры Береники найти путь к примирению не увенчались успехом. Жители Иерусалима успокоиться не желали. Формальным актом, означавшим объявление войны, было решение не принимать больше никаких даров и жертв в Храме от неиудеев — это означало прекращение жертвоприношений в честь императора, прежде совершавшихся в иудейской святыне дважды в день. Упорное сопротивление первосвященника Хананьи (Анана) и храмовой верхушки не могло остановить непримиримых. Их возглавил Эльзар (Элезар), сам принадлежавший к священническому сословию. В городе вспыхнули беспорядки. Были сожжены дом Хананьи, дворцы Агриппы и Береники, а также архив, содержащий долговые документы.

Народное возмущение смело партию мира. Кому-то удалось бежать, другие подчинились общим настроениям, примкнули к восстанию и даже возглавили его. Однако вскоре все более заметную роль в возмущении стали играть новые лидеры, не входившие в традиционную элиту иудейского общества. Сначала активно проявил себя Менахем (Манайм) сын Йехуды (Иуды), который сумел захватить оружие в арсенале крепости Масада. Вместе со своими единомышленниками Менахем осадил войска царя Агриппы и римлян,

отступивших в замок Антония. Первосвященник Хананья, который пытался спрятаться в водопроводе царского дворца, был схвачен и казнен.

Однако торжество Менахема и его сторонников продлилось недолго. На них неожиданно напали приверженцы Эльазара и убили их, обвинив соперников в желании захватить власть над народом. Солдаты Агриппы получили к этому времени возможность покинуть Иерусалим. В городе оставался только небольшой римский гарнизон, который заключил с Эльазаром договор о свободном выходе из города в обмен на оружие и имущество. Но восставшие не сдержали слова и убили безоружных солдат. Жизнь сохранил только командир этого отряда Метилий, который согласился перейти в иудейскую веру и дал себя обрезать. После убийства римлян войну уже ничто не могло остановить.

* * *

Вслед за известиями о возмущении в Иерусалиме немедленно последовали карательные действия. Перед столицей Иудеи появился римский отряд под предводительством Цестия Галла, которого поддерживали войска Агриппы. Как уверяет Иосиф, это предприятие имело все шансы закончиться восстановлением римской власти. Несмотря на самоотверженное сопротивление евреев, схватка у стен города завершилась тем, что восставшие были вынуждены отступить в Иерусалим.

Римские войска преодолели стену и подошли к мощным укреплениям верхнего города. Когда построившиеся «черепахой» — строем, при котором воины закрыты со всех сторон и сверху щитами, — римляне атаковали комплекс Храма, восставшие, не знакомые с тайнами воинского искусства, просто растерялись. Не зная, как противостоять наступлению, они беспомощно ждали развития событий. Среди горожан нашлись люди, предложившие римлянам открыть ворота внутреннего города. Однако Цестий не решился принять это предложение. Полководец, чьи войска терялись на улицах огромного восточного города, чувствовал себя неуверенно и предпочел отойти. Решение это оказалось для римлян крайне неудачным. При отступлении

по малознакомой горной местности они попали в засаду, потеряли много солдат и значительную часть военного снаряжения, которое оказалось в руках защитников Иерусалима.

Победа над отрядом Цестия Галла отдала инициативу в руки восставших. Они сформировали правительство и отправили эмиссаров во все части Иудеи. Впрочем, говорить о полном контроле над страной не приходилось. Насколько можно судить по ситуации в Галилее, хорошо известной благодаря описанию ставшего здесь представителем Иерусалима Иосифа, положение было предельно сложным. Иудейское общество было разделено на радикалов, умеренных и сторонников мира с Римом, причем каждая из этих партий имела своих ренегатов. В партийной борьбе сталкивались честолюбивые претензии отдельных лидеров, появлялись отряды разбойников, не желавших никому подчиняться или вступавших в самые неожиданные союзы. Враждовали разные города, даже города и обитатели сельской местности. При этом еврейские крестьяне нападали не только на языческие греческие центры, но и на город Тибериаду, с его преимущественно еврейским населением. Иерусалимские лидеры не могли овладеть ходом событий и расширить зону своего влияния. Две их попытки захватить Ашкелон, населенный грекоязычными сирийцами, закончились полным провалом.

Исключительная храбрость на поле боя считалась несомненной чертой еврейских солдат, чью воинственность оценили еще персидские цари. Описывая эпизод позднейшей осады Иерусалима, когда приверженцы одного из лидеров восставших действовали *«неуверенно и со страхом»*, Иосиф продолжает эту характеристику словами: *«короче говоря, отнюдь не по-еврейски. Ведь то, что отличает этот народ... именно: отвага, безудержный порыв, всеобщий стремительный натиск и способность не поворачивать вспять, несмотря на потери»* (ИВ 6.17[1.3]).

Однако против римского военного искусства еврейская отвага не помогала. Удачное стечение обстоятельств, выручившее восставших во время похода Цестия Галла, более не повторилось, римляне неизменно побеждали. Вот пример, когда довольно значительный корпус восставших встретился под Ашкелоном с небольшим римским конным отрядом: *«...неискушенные в военном деле столкнулись с опытными*

воинами, пешие с конными, нестройная толпа с военным строем, вооруженные как попало — с тяжеловооруженными воинами, ведомые больше страстью, нежели рассудком — с послушно действующими по знаку начальника, так что поражение было предreshено» (ИВ 3.15[2.2]).

После прихода армии, которую возглавлял посланный Нероном полководец Веспасиан, римляне в течение одной кампании вернули себе власть над большей частью Иудеи. Однако в это время в метрополии вспыхнула гражданская война, отвлекшая внимание Веспасиана, и он приостановил свой карательный поход. После низвержения и самоубийства Нерона к власти в Риме пришел опиравшийся на испанские войска Гальба, но вскоре его сменил кумир преторианцев Отон, в свою очередь уступивший ставленнику германских легионов Вителлию. В этой ситуации Веспасиан, которого поддерживали войска, расквартированные в Сирии, также решил вступить в схватку за трон. Посланная им в Италию армия добилась победы, и Веспасиан стал повелителем Рима. Теперь следовало вернуться в Иудею, завершить покорение которой император поручил своему сыну Титу.

В 70 году четыре римских легиона под предводительством Тита подошли к Иерусалиму. В сражениях, развернувшихся под стенами города, восставшие проявили самую неистовую отвагу. Несколько раз римляне попадали в очень опасные ситуации, однако искусные маневры римских солдат неизменно оборачивали положение в их пользу. Только притворная капитуляция позволила осажденным нанести врагам ощутимый урон, однако, в конечном итоге, это только дополнительно обозлило римлян. Неискусственность иудеев в военном деле не могли компенсировать ни их хитрости, ни самоубийственная отвага. Лишь в ходе сражений учились защитники Иерусалима пользоваться попавшими в их руки после отступления Цестия боевыми машинами, тогда как римляне уверенно обстреливали своих врагов катапультами, баллистами и скорпионами, поражая их даже на высоких иерусалимских стенах. Родившийся через девяносто лет после падения Храма Дион Кассий (ок.164 г. — после 229 г.) рассказывал, что будто бы некоторые римские солдаты были так напуганы неприступным видом укреплений Иерусалима, что перебежали в город. Нет сомнений, что огромные стены очень помогли восставшим, но особенно мешали римлянам узкие улочки, на которых не удавалось развернуть строй.

По этой причине, проникнув за первую и даже за вторую стену города, римские солдаты были вынуждены отступить. Тит решил не рисковать больше жизнью легионеров и организовал осаду, которая растянулась более чем на полгода. Обе стороны изощрались в создании наступательных и защитных сооружений — валов и подкопов.

Описывая ход кампании, Иосиф уверяет, что римляне специально отсрочили поход на Иерусалим, дабы восставшие успели ослабить себя внутренними распрями. В действительности, у занятого гражданской войной Веспасиана было много других оснований, чтобы отложить наступление. Однако внутри города все происходило так, словно римляне и в самом деле предвидели безрассудное поведение его защитников.

Вот череда событий. Вначале партии умеренных горожан, возглавлявшихся священниками и традиционной аристократией, удавалось сдерживать радикалов, однако ночное вторжение в город непримиримых идумеев решительно все изменило. Радикалы, принадлежавшие к партии zelотов («ревнителей»), которых возглавлял Йоханан из Гуш-Халава (Йоанн из Гисхалы), убили первосвященника Ханана (Анана) и других умеренных, но и этим полного контроля над городом не достигли. Ибо группа, которой руководил Эльазар (Элеазар), укрепилась в неприступном храмовом комплексе, и сторонники Йоханана были не в состоянии туда прорваться. Доступ в Храм для молящихся при этом сохранялся, однако в ходе междоусобиц случайными стрелами и копьями было убито множество людей. Храм был усеян трупами, между которыми растеклись лужи крови.

Отчаявшиеся жители Иерусалима призвали на помощь Шимона бар Гиора (Симона сына Гийоры), который какое-то время сражался вместе с так называемыми сикариями в Масаде, однако позднее покинул их, призвав под свои знамена представителей городских низов и рабов. Поскольку Шимон враждовал с zelотами, иерусалимцы надеялись на помощь в борьбе с Йохананом из Гуш-Халава. Однако Шимон оказался не менее жестоким и самовластным. Первосвященник Маттьяху (Матфия) сын Бета, которому принадлежала инициатива приглашения Шимона, вскоре был им убит, причем палачи заставили Маттьяху сначала увидеть казнь троих его сыновей.

В отличие от скомпрометировавшей себя жреческой верхушки лидеры радикалов обладали мощной харизмой. При всем отвращении к личности Шимона Иосиф признает, что сподвижники настолько его почитали, что были готовы покончить с собой по одному его слову. У первосвященников, убитых Йохананом, были свои сторонники, однако очевидно, что никто из них не был так самоотвержен. Неудивительно, что радикалы сумели победить. Однако, захватив власть, они повели себя самым самоубийственным образом. Шимон подчинил своему контролю большую часть города и отеснил zelотов Йоханана в район, примыкавший к Храму, в котором продолжали удерживаться приверженцы Эльазара. Три партии ожесточенно сражались друг с другом, истребляя в стычках и множество мирных горожан. В осажденном Иерусалиме царила настоящая вакханалия террора, в ходе которого были уничтожены самые авторитетные лидеры первой волны, среди них и Нигер Переянин. Он отличился уже при столкновении с войсками Цестия, а позднее возглавлял два похода в Ашкелон, однако теперь не мог вымолить у палачей даже обещания удостоить погребением его тело (ИВ 4.359–360[6.1]).

Множество людей пали жертвами подозрений, групповых распрей, а то и банального грабежа. Находившиеся в Иерусалиме сикарии получали особое удовольствие, убивая врагов с помощью своих хитростей. Одевшись в женское платье и двигаясь как женщины, убийцы притупляли осторожность своих жертв и поражали их неожиданным ударом кулака или кинжала (ИВ 4.563[9.10]). Иосиф уверяет, что эти женоподобные террористы были и соответствующей сексуальной ориентации — факт особо скандальный для иудеев, которые в отличие от представителей греко-римской цивилизации не мирились с гомосексуализмом.

В ходе ожесточенных столкновений между группировками сгорели огромные запасы продовольствия. Как сообщает Иосиф, они погибли из-за столкновений между сторонниками Йоханана из Гуш-Халава и Шимона бар Гиора, которые постоянно совершали вылазки на территорию соперников и, по мере отступления, сжигали все вокруг. Когда римляне окружили Иерусалим стеной, начался голод, унесший жизни тысяч людей. Солдаты Йоханана и Шимона грабили дом за домом, обрекая людей на голодную смерть. Убивали из-за жалких остатков чего-нибудь съестного, доходило до людоедства.

Иосиф уверяет, что восставшие нанесли городу ущерб существенно больший, чем это сделали позднее римляне.

Разграблены были сокровища Храма, даже масло, необходимое для совершения жертвоприношений. Жители Иерусалима, некогда воспринимавшие как непереносимое святотатство одно лишь появление на улицах их города значков римских легионов (ИВ 2.169–174[9.2–3]), не могли теперь выразить своих чувств — они были замучены голодом и с безнадежным отчаянием ожидали смерти. Умирали целыми семьями. Многие пытались бежать из города, однако солдаты Йоханана и Шимона ловили и безжалостно убивали беглецов. Даже те, кому удавалось добраться до римлян, часто погибали, так как их истощенное тело уже не принимало пищи. Многих втихаря убивали римские солдаты и их союзники, чтобы вспороть беглецам животы, надеясь найти там проглоченное золото. Тит пытался остановить такие зверства, однако это было не в его силах. Страницы «Иудейской войны», посвященные страданиям жителей осажденного Иерусалима, относятся к числу наиболее страшных подобных описаний во всей мировой истории.

В конце концов защитники Храма уступили зелотам Йоханана. Это не было примирением — во время праздника сторонники Йоханана тайно проникли на территорию Храма и перебили соперников. Однако и после этой победы зелоты продолжали сражаться с приверженцами Шимона. Соперники смогли объединиться лишь тогда, когда римляне оказались уже внутри города.

Сопоставляя римские и иудейские нравы, любопытно сравнить ситуацию, сложившуюся в Иерусалиме, с тем, что незадолго до этого происходило в Риме в ходе гражданской войны между сторонниками Вителлия и Веспасиана. Тацит, оставивший весьма красноречивое описание событий того времени, сообщает много интересного. Когда победоносные войска Веспасиана, разгромив врага под Кремоной, уже приближались к столице, малодушный Вителлий попытался отречься от власти, но суровые германские солдаты заставили его продолжать борьбу. Попытка отречения сыграла роль провокации, побудившей выступить сторонников Веспасиана, которых возглавил его брат Сабин. В схватке с ними германцы ворвались на Капитолий и сожгли храм Юпитера Капитолийского, восстановление которого послужило впоследствии поводом для учреждения еврейского налога.

После гибели сторонников Сабина некий римский гражданин из всаднического сословия, убежденный приверженец стоической философии, начал склонять германцев к прекращению боевых действий, рассказывая им о достоинствах мира и ужасах войны. В Иерусалиме убивали и за меньшее: zeloty и сикарии *«угрожали горожанам смертью за одно упоминание о сдаче и убивали на месте всякого, кто произносил слово “мир”»* (ИВ 5.336[8.1]). Однако в Риме солдаты удовлетворились тем, что с позором прогнали горе-оратора и устремились навстречу приближавшейся армии сторонников Веспасиана. Описывая сражение, развернувшееся после этого на улицах Рима, Тацит ставит диагноз — *«чудовищное равнодушие»*: *«Жители, наблюдавшие за этой борьбой, вели себя как в цирке — кричали, аплодировали, поощряли то тех, то этих. Если одни брали верх и противники их прятались в лавках или домах, чернь требовала, чтоб укрывшихся выволакивали из убежищ и убивали... Охваченный жестокостью, город был неузнаваем и безобразен. Бушует битва, падают раненные, а рядом люди принимают ванну или пьянствуют; среди потоков крови и валяющихся мертвых тел разгуливают уличные женщины и мужчины, подобные им; роскошь и распутство мирного времени, а рядом жестокости и преступления, как в городе, захваченном врагом; безумная ярость и ленивый разврат владеют столицей»*²⁰.

Не возникает особых вопросов, почему жители Рима вели себя так. Причины — эгоизм, равнодушие к происходящему, особенности традиционных развлечений... Люди, привыкшие наслаждаться в цирке зрелищами насильственной смерти, восприняли развернувшееся на их глазах сражение как очередную забаву. Большинство римлян в тот момент не видело разницы между Вителлием и Веспасианом. Сколь ни отвратительно такое пресыщенное равнодушие, реакция граждан Рима вполне понятна. Однако трудно понять то, что происходило в то же время в столице Иудеи. В отсутствие внешних врагов безумная страсть словно взорвала город изнутри. О равнодушии или *«ленивом разврате»* говорить не приходится, зато уж ярости и страсти было более чем достаточно. Зрителей не оказалось, все жители города стали действующими лицами — жертвами страшной трагедии.

²⁰ Тацит. История, 3.83.

В этой ситуации даже огромные стены не могли спасти Иерусалим. Распри и междоусобицы в стане восставших обрекли защитников города на поражение. Они не были в состоянии выработать единый план действий и выступали против римлян разрозненными группами. Захватив замок Антония, римляне прорвались к Храму. В ходе сражения иудейская святыня сгорела. Восставшие пытались организовать сопротивление на территории городских кварталов, однако вскоре Иерусалим пал. По старинному обычаю победителей римляне ознаменовали свое торжество массовыми убийствами побежденных, которые и так уже умирали от страшного голода. Те жители Иерусалима, кому сохранили жизнь, были посланы на каторжные работы в Египет, а молодые люди, не достигшие семнадцати лет, — проданы в рабство.

В руках восставших оставались еще несколько крепостей в труднодоступной Иудейской пустыне, но большая война на этом закончилась. Это ознаменовала прошедшая в Риме церемония триумфа Веспасиана и Тита, а в Иудее римляне продолжали действовать с рациональной неторопливостью. Только к 73 году все очаги сопротивления были подавлены войсками под руководством легата Луция Флавия Сильвы. Последним оплотом восставших стала Масада, в которой обосновались сикарии под руководством Эльзара бен Яира. Сратник начавшего восстание Менахема бежал туда после убийства своего товарища. Крепость на вершине крутой горы, построенная некогда Иродом в безводной иудейской пустыне, казалась неприступной. Однако при необходимости римляне могли не только срывать горы (напомню о форуме Траяна), но и насыпать их. Осаждающие соорудили вокруг крепости гигантские валы, которые свели на нет все природные преимущества. Единственное, что смогли противопоставить энергии римской армии защитники Масады, было коллективное самоубийство.

Римляне имели все основания считать Тита исключительно великодушным императором. Он доказал это своим правлением, производившим особо яркое впечатление на фоне царствования его брата — жестокого и капризного деспота Домициана. Напомню лишь о спокойствии и рассудительности, проявленных Титом, когда от его решения зависели судьбы огромных еврейских общин Антиохии и Александрии. Однако римлянам не надо было испытывать

какую-то особую неприязнь к восставшим евреям, чтобы разрушить их столицу. Пунийцы, германцы, галлы, армяне, «любимые» греки — в условиях войны римские войска ни к кому не знали снисхождения и в течение веков разрушали, один за другим, города своих врагов. По свидетельству Макробия (Сатурналии 3.10–13), существовал особый римский обряд «пожертвования» (*devotio*), ритуально обрекавший вражеский город на уничтожение. Так уже в древности были разрушены Фрегеллы, Габии, Вейи, Фидены, знаменитые Карфаген и Коринф, а также многие города испанцев, афров и других противников Рима.

Нравы империи были в этом отношении более мягки. Тит проявил готовность пощадить Иерусалим. Он несколько раз предлагал осажденным сдаться, обещая им великодушное отношение. Перед взятием Иерусалима Тит отправлял к восставшим пленных с предложениями о капитуляции, чтобы избежать разрушений и ненужного кровопролития. Поскольку он знал, что защитники Иерусалима ненавидят и безжалостно убивают дезертиров, Тит решил, что будет разумным повысить статус посланников, доказать, что они не презренные беглецы, но честные воины, лишь волею судьбы попавшие во власть врага. Чтобы внушить доверие к словам пленных, Тит приказал отрубить им руки — увечье немногих должно было спасти жизнь тысяч (ИВ 5.455[11.2])²¹. Римскому полководцу такое решение представлялось вполне логичным, однако и оно не помогло. Восставшие решительно отказывались сдаться.

²¹ В частности наказание отрубанием руки было вполне обычным и для внутренних еврейских междоусобиц. Шимон бар Гиора, когда zelотам удалось захватить в плен его жену, осадил Иерусалим и поступал подобным образом с жителями города, которых ему удавалось захватить, совершенно не задумываясь при этом, к какой партии принадлежат пленные, которых он обрекал такому жестокому увечью (ИВ 4.540–544[9.8]). Иосиф с гордостью описывает, как ему удалось избавиться от осадивших его жителей Тарихеи — согласно описанию в своей поздней биографии он схватил одного из пришедших к нему уполномоченных, приказал бить его плетью и, отрубив руку, повесил ее на шею несчастного, чем сумел испугать собравшуюся на улице толпу (Жизнь, 147[30]). При усмирении Тивериады сочтенный виновником возмущения в этом городе Клит сам отрубил себе левую руку, чтобы ему позволили оставить хотя бы правую (Жизнь, 170–173[34]; ИВ 2.642–644[21.10]).

Стоит отметить, что оба главных предводителя восстания, по чьему приказу множество людей было казнено за попытку покинуть осажденный город, Йоханан из Гуш-Халава и Шимон бар Гиор, предпочли в конце концов сдаться победителям. Иосиф подробно описывает историю Шимона, который попытался спрятаться в подземелье, однако после того, как кончилась еда, вышел на поверхность и отдал себя в руки римлян, благодаря чему прожил еще несколько месяцев.

Вожди восстания были отправлены в Рим, где вместе с толпой других пленных их провели по городу в триумфальном шествии Веспасиана и Тита. Там же несли роскошную иерусалимскую добычу, среди прочего захваченный в Храме огромный золотой стол и семисвечник, а также свиток Торы. По древнему римскому обычаю кульминацией триумфального торжества стало жертвенное убийство предводителя вражеского войска. Шимона бар Гиора на веревке втащили в старинную Мамертинскую тюрьму, возвышавшуюся над Римским форумом, и, к общему ликованию, казнили.

Триумфальное шествие победоносных легионеров, которые несут иерусалимскую добычу, запечатлено в барельефах, украшающих воздвигнутую в честь этого события арку Тита. Есть, впрочем, еще одно римское сооружение, которое связано с победой над иудеями, так как оно было создано на иерусалимскую добычу. Ко времени правления Флавиев жизнь римского народа претерпела уже существенные изменения. Лишенные после падения республики гражданского самоуправления, римляне превратились из народа политического в народ развлекающийся. И хотя Цезарь, Август, Нерва, Траян по инерции строили новые форумы, римлян влекло теперь не место политической деятельности, но места разного рода увеселений, на сооружение которых не скупилась императоры. Это термы, мытье в которых оставалось излюбленным занятием граждан Рима и которые возводились с подлинно дворцовым великолепием. Однако еще большей популярностью пользовались зрелищные комплексы. Среди них было столь значительное сооружение, как Большой цирк — самый обширный ипподром в Древнем Риме, располагавшийся в долине между Авентином и Палатином, на котором находились императорские дворцы. После того как Юлий Цезарь расширил Большой цирк

до 600 метров в длину, на нем могло разместиться 250 тысяч зрителей (еще столько же могли наблюдать за соревнованиями стоя).

Однако даже состязания колесниц уступали по своей популярности знаменитым сражениям гладиаторов. Массовые убийства побежденных были общим обычаем победителей на протяжении тысячелетий. Отличало римлян от других народов исключительное пристрастие к изощренным зрелищным казням. В истории человечества можно найти много примеров бескомпромиссной жестокости к врагам, однако самый неистовый садизм кажется чем-то варварски примитивным при сравнении с декадентной чувственностью римлян. Удобно усевшись на скамьях, они наслаждались зрелищем расправы голодных хищников над беззащитными людьми или гладиаторскими схватками. В течение веков организация гладиаторских игр была лучшим способом добиться благодарности граждан римского государства. Подобные развлечения сохраняли свою популярность даже при первых императорах христианах.

Стремясь завоевать расположение римлян, захвативший власть в ходе гражданской войны император Веспасиан вскоре после побед в Иудее начал в 75 году строить здание амфитеатра, в котором гладиаторские игры, сражения кораблей (навмахии) и травли диких зверей могли бы демонстрироваться постоянно. Сооружение было завершено в 80 году Титом, который использовал для этой цели иерусалимскую добычу. Первоначально здание называлось по родовому имени императоров амфитеатром Флавиев, но где-то с VIII века за ним утвердилось название Колизей. Благодаря своему великолепию и масштабности в наши дни Колизей превратился в один из важнейших символов Рима. Уже в VII веке англо-саксонский летописец Беда Достопочтенный писал: *«Пока стоит Колизей, будет стоять Рим; когда падет Колизей, падет Рим, когда падет Рим, падет весь мир»*.

Остаются, однако, воспоминания о первоначальной функции этого колоссального здания, построенного из гигантских блоков травертина, добытого в каменоломнях Тибура (Тиволи), и вмещавшего около 50 тысяч зрителей, которые, удобно усевшись на нескольких этажах и укрытые от палящего солнца специальным тентом, наслаждались зрелищами разнообразных убийств. Помимо гладиаторских сражений

и умерщвления экзотических зверей, привезенных в Рим со всех концов мира, на арене этого сооружения ставились инсценировки, в которых специально подготовленные преступники изображали роль различных мифологических персонажей, которые должны были погибнуть по логике мифологического сюжета. Римский поэт Валерий Марциал в своей «Книге зрелищ», которую он посвятил открытию Колизея и тому, что происходило на арене этого знаменитого сооружения, так описывал одну из «забав», которые доставляли необычайное удовольствие римской публике:

*Как Прометей, ко скале прикованный некогда скифской,
Грудью своей без конца алчную птицу кормил,
Так и утробу свою каледонскому отдал медведю,
Не на поддельном кресте голый Лавреол вися.
Жить продолжали еще его члены, залитые кровью,
Хоть и на теле нигде не было тела уже.
Кару понес наконец он должную: то ли отцу он,
То ль господину пронзил горло преступно мечом,
То ли, безумец, украл потаенное золото храмов,
То ли к тебе он, о Рим, факел жестокий поднес.
Этот злодей превзошел преступления древних сказаний,
И театральный сюжет в казнь обратился его²².*

Остается констатировать, что совершавшие с трепетом свои священнодействия иерусалимские жрецы, носившие одеяния из шарлаха, виссона, пурпура и гиацинта, ушли в исторические небытие, чтобы дать место таким развлечениям.

Впрочем, значительная часть пленных иудеев не дожила до времени, когда арена Колизея приняла первых гладиаторов. Казни пленных совершались уже в ходе ознакомительной поездки по городам Сирии, предпринятой Титом. Карательные меры империи применялись с неотвратимой последовательностью. Такие эмоции, как гнев, были тут ни при чем. Это буквально вросло в плоть и кровь имперской администрации, и в отношении к побежденным Тит не совершил ничего, что в понятиях его времени было бы чрезмерно жестоким.

²² *Марциал. Эпиграммы. СПб., 1994. С. 18–19 (перевод Ф. Петровского).*

Другое дело, что нравы эпохи были весьма специфичны.

Поступая в полном соответствии с римскими обычаями, Тит раздал многих пленных по провинциям — *«судьбой этих было погибнуть в театрах от меча или от диких зверей»* (ИВ 6.418[9.2]). Особо отличались акции, которыми сопровождалась дни рождения Домициана и Веспасиана. По этому случаю Тит выпустил на цирковую арену Кесарии Филипповой множество пленных евреев, ставших жертвами таких забав (ИВ 7.23–24[2.1]), и, разумеется, римский полководец менее всего был озабочен судьбой тех, кто *«наполовину съеденные зверями, на потеху и смех врагам оставлены в живых для вторичного съедения»* (ИВ 7.373[8.7])²³. Репутации очень мягкого и великодушного человека все это никак не мешало, напротив, тысячи зрителей были искренне благодарны Титу за доставленное удовольствие. В воображении потерпевших поражение жителей Иудеи Тит представлялся иным. Им любимый римлянами великодушный император представлялся чудовищем и злобным демоном. Впрочем, еврейские предания о Тите почти не замечают море крови, которое пролили в Иерусалиме его воины, — катастрофа разрушения Храма затмила все прочее.

²³ Иосиф Флавий приписал эти слова вождю обороны Масады, однако он явно опирался на собственный опыт, ибо должен был присутствовать при подобных «забавах» римлян.

Глава третья

РЕЛИГИОЗНАЯ ВОЙНА

Почему же произошло это роковое для жителей Иудеи столкновение? Почему народ, который во времена Помпея спокойно покорился римской гегемонии, спустя немногим более столетия развязал такую непримиримую, безнадежную войну?

На этот вопрос попытался ответить уже Иосиф Флавий. Он уверял своих читателей — в первую очередь Иосиф рассчитывал на просвещенных римлян и греков, — что главной причиной возмущения были действия прокуратора Флора, который просто не оставил жителям Иудеи другого выхода.

Добавим к этому, что возмущению в Иудее способствовал целый ряд материальных факторов, осложнивших жизнь иудейского общества. Показательно, что одним из первых действий восставших было уничтожение архива с долговыми документами. Иудейское общество переживало внутреннее социальное расслоение: земля, имущество и денежные средства оказались сконцентрированными в руках аристократической верхушки, тогда как большинство населения пребывало в бедности. В стране ощущалась нехватка пахотной земли. К тому же после завершения работ над последними пристройками к Храму остались без работы несколько тысяч человек, которые легко могли поддержать возмущение.

Однако социальное расслоение было для Ближнего Востока явлением всеобщим, экономическое неблагополучие — достаточно распространенным. В то же самое время в Египте папирусы фиксируют затруднения, связанные с уплатой налогов, так что многие сборщики налогов даже отказывались

выполнять свои обязанности. Это было следствием всеобщего обеднения и разорения обитателей египетских деревень. Но никакого египетского восстания не последовало, то же можно повторить и о других восточных провинциях, соседних с Иудеей.

Безусловно, Иудее очень не повезло с прокуратором Флором, но нельзя сказать, что такое невезение было уникальным для римского мира. Тот же Плиний Младший, оставивший столь благородное напутствие провинциальным администраторам, упоминает в своих письмах о злоупотреблениях высокопоставленных чиновников. Один из них — проконсул Африки (в основном соответствует территории современного Туниса) Марий Приск — продавал приказы об изгнании и обрекал на смерть невинных людей. Другой — проконсул Бетики (часть Испании) Цецилий Классик — писал своей возлюбленной: *«Победа, победа! Явлюсь к тебе человеком свободным: я продал часть Бетики и уже выручил четыре миллиона»*¹.

По свидетельству Сенеки, проконсул Азии Мессала Волез велел как-то обезглавить триста человек и любовался зрелищем трупов, говоря: *«Вот истинно царский поступок»*².

Однако все это не привело к восстаниям в Бетике, Африке или Азии. Обычно провинциалы отвечали на самоуправство наместников тем, что подавали жалобы в римский сенат. У них были шансы добиться осуждения недобросовестных чиновников. Плиний свидетельствует не только о преступлениях администраторов, но и о тех наказаниях, которые они понесли. Марий Приск был осужден на сенатском заседании, проходившем в присутствии Траяна, — его приговорили к огромному штрафу и вечному изгнанию из Рима. Что касается Цецилия Классика, этот человек не дождался суда, Плиний полагал, что *«он захотел уйти из жизни, ибо оправдаться не смог»*³.

Когда царь Агриппа пытался остановить возмущение, предлагая жителям Иерусалима обратиться с жалобой к императору, он явно рассчитывал на что-то подобное. Судя по словам Иосифа, Флор и сам этого опасался, он намеренно провоцировал восстание, чтобы уйти от сенатского суда. Нерон при всей его капризной жестокости никак не склонен

¹ Плиний Младший. Письма, 2.11 и 3.9.

² Сенека. О гневе, 2.5.

³ Плиний Младший. Письма, 3.9.5.

был поощрять чужие злоупотребления и не имел отношения к беззаконию, которое учинил в Иудее Флор. Напротив, одной из причин самонадеянности Флора было ослабление контроля верховной власти. Конфликт в Иерусалиме разгорелся тогда, когда Нерон, потрясенный заговором 65 года, в который были вовлечены многие близкие ему люди, отшелся от дел и отправился развлекаться в Грецию.

Итак, обозревая просторы империи, можно констатировать, что подобное восстание в провинции — явление, хотя и не вовсе уникальное, все-таки необычное. В эпоху расцвета римского государства решиться на столь отчаянное предприятие могли только варвары, обитавшие на его окраинах. Так, во времена, близкие к Иудейской войне, в Англии одним сражением было подавлено восстание царицы Боудики. Несколько выделяется на общем фоне лишь выступление давних римских союзников германцев батавов, которых возглавил Цивилис. Его инициатива была хорошо продумана и подготовлена. Цивилис владел римским искусством войны, он ловко использовал обстоятельства, сложившиеся во время борьбы за власть разных претендентов на императорский престол. Объявив себя сторонником Веспасиана, Цивилис сумел захватить укрепленные лагеря и на какое-то время даже подчинил себе римские войска, располагавшиеся на германской границе.

В конечном итоге Цивилис все-таки потерпел поражение, и про него можно сказать, что он ошибся в расчетах. Однако жители Иудеи никаких расчетов вообще не имели. Даже то обстоятельство, что их действия совпали по времени с кризисом власти в Риме, — не более чем случайная удача, давшая восставшим около двух лет передышки. Многие жители Иудеи прекрасно понимали безнадежность своего выступления, о неизбежных катастрофических последствиях которого предупреждал в самом начале возмущения царь Агриппа (ИВ 2.397–401[16.4]).

Распоряжения Флора послужили не столько причиной, сколько поводом к восстанию. Они явились внешней провокацией, которая позволила выплеснуться через край страсти, уже давно кипевшей в иудейском обществе. Антиримские настроения относятся к самому началу римского владычества. На это обстоятельство указывают исследователи, которые объясняют иудейское возмущение против Рима распространением милленаристских идей, вспышкой

фанатизма, рожденного надеждой на Высшую помощь и верой в пришествие царства Божьего⁴. Данная точка зрения представляется вполне убедительной, но сама по себе она еще не объясняет всего происшедшего и оставляет ряд существенных вопросов.

* * *

Постараемся, прежде всего, понять, с какой цивилизацией столкнулись в ходе римского завоевания иудеи. Необходимо сказать несколько слов о специфике римской религии. Несмотря на то, что в большой исторической перспективе она, как кажется, просто сливается с религией греков, чьи религиозные образы послужили для римлян эстетическим образцом, во многих отношениях римские верования оставались очень своеобразными. Римляне поклонялись не только Юпитеру и Юноне, но и таким общим принципам социального существования, как Мир, Согласие, Надежда, Стыдливость, Верность. Кажется, что отсюда недалеко до культа Разума, который ввели во Франции якобинцы, не случайно бывшие пылкими поклонниками римских добродетелей.

Существенно, однако, что римляне являлись глубоко религиозными людьми. Кажущиеся столь современными культы общих понятий сочетались в Риме с традициями, укорененными еще в древних индоевропейских верованиях. Помимо богов высокого уровня римляне почитали также множество мелких божков, олицетворявших различные этапы человеческого развития и хозяйственной деятельности. В их числе Патула, присутствовавшая при первых родовых болях, Диспитер, даровавший ребенку свет, Витумн — жизнь, Сентин — чувство, Ватикан, открывший ему рот, Кинина, охранявшая колыбель, Румина, обучающая сосать грудь, Нундина — богиня девятого дня, Эдука и Потина,

⁴ N. Cohn. «Medieval Millenarism: Its Bearing on the Comparative Study of Millenarian Movements», S. L. Trupp (ed.), *Millenial Dreams in Action: Comparative Studies in Society and History*, suppl. 2(1962), p. 31–43; M. Hengel, *Die Zeloten, Untersuchungen zur Judischen Freiheitsbewegung in der Zeit von Herodes I. bis 70 n. Chr.* Leiden; Köln, 1961.

учившие есть и пить, Оссипага, которая укрепляла кости, Карна — мышцы, Статин, Статилин и Статила, помогавшие держаться на ногах, Фабулин, учивший говорить... Списки таких богов содержались в древних книгах понтификов, в их честь совершали ритуалы, им молились. Римляне совершали особые церемонии даже в честь голоса какого-то неизвестного божества, будто бы предупредившего граждан Рима о нападении галлов (Aio Locutio). Храм Согласия и алтарь Надежды, которые в наши дни могли бы послужить прекрасными символами общей идеи, для жителей Древнего Рима являлся объектами подлинного религиозного почитания.

То обстоятельство, что мы обладаем значительными знаниями о римских верованиях, очень мало нас к ним приближает. Такое впечатление, что во многих случаях знания эти создают лишь иллюзию понимания. За деревьями не видно леса, и религиозное чувство людей, поклонявшихся божествам, имена которых уже несколько веков как вошли в курс школьного образования европейцев, нам недоступно. Специфика не в деталях, но в общем мироощущении. Как писал об особенностях римского мироощущения французский ученый Гастон Буасье: *«Они прежде всего любят спокойствие, порядок, правильность; все, что волнует душу, им не нравится, их религия всячески избегает того, что может вызвать возбуждение и... старается скорее успокоить душевные волнения, чем вызывать их»*⁵. Эта исключительная сдержанность в педантично формальных отношениях с божественным началом может показаться явлением по-своему уникальным, однако неприятие религиозной страстности и фанатизма роднит Рим с множеством других народов древнего мира, но решительно противопоставляет Иерусалиму.

Контраст ощущается уже в религиозной архитектуре. В то время как Иерусалим ощущал себя своего рода предместьем своего великого Храма, Рим не имел подобного центра. Это не означает, что в городе было мало своих храмов, напротив. За время правления императоров столица империи украсилась множеством величественных святилищ, среди которых был начатый 21 апреля 121 года Адрианом вместе с архитектором Аполлодором Дамасским и заверченный через 15 лет при Антонине Пие храм Венеры

⁵ П. Гиро. Быт и нравы древних римлян. 2002. С. 292.

и Рому, остающийся самым большим храмом античного мира (145 × 100 м), окруженный портиком из 150 колонн. Однако ничего как-то сопоставимого с отношением иудеев к своему Храму у римлян не было. Это было, скорее, своего рода «представительское» сооружение, не вызывавшее у жителей столицы империи каких-либо глубоких чувств.

То же можно повторить о знаменитом Пантеоне, воздвигнутом ближайшим соратником Августа — Марком Агриппой в 27 году до н. э. в честь покровителей семьи Юлиев и реконструированного при Адриане. Его внутренний диаметр составляет 43 м 40 см и равен расстоянию от пола до наиболее высокой точки купола. До настоящего времени это самое значительное купольное сооружение в мире и, по-видимому, самый совершенный из классических памятников, воздвигнутых в Риме.

В рамках настоящей работы нет смысла продолжать перечисление многочисленных храмов Рима, но если говорить о святынях, почитавшихся римлянами, то к ним следует отнести никак не выделявшийся своими размерами и совершенством пропорций, воздвигнутый еще во времена первых царей, древний храм Юпитера Капитолийского (в действительности в этом храме почиталась так называемая Капитолийская триада, в которую помимо Юпитера входили также Юнона и Минерва), который возвышался над республиканским Форумом, а также расположенный непосредственно на Форуме храм Весты. Некоторые церемонии, проводившиеся в нем жрицами весталками, собирали всех римских матрон — замужних римских гражданок. Если же говорить о мужчинах — гражданах Рима, то их собирал не какой-либо храм, но сам Форум, являвшийся центром политической жизни. Данное обстоятельство лучше всего характеризует римлян как народ по преимуществу политический. Даже в области верований, при всем многообразии и педантичной дробности римского пантеона, бесчисленных божков которого знали только очень немногие, ощущается удивительная социальная рациональность, последовательная погруженность в реалии жизни. Эта религия не знала каких-либо отвлеченных, «потусторонних» идей, зато самым аккуратным образом обслуживала повседневную жизнь. Можно сказать, что в истории Древнего мира римская религия явилась таким же совершенным инструментом достижения державного величия, как устройство римской армии.

Все эти «архитектурно-религиозные» замечания имеют самое непосредственное отношение к повседневным реалиям жизни. Особо показательным кажется сравнение именно с иудеями. Желая объяснить римским и греческим читателям главные особенности мировоззрения своего народа, Иосиф обозначил преданность жителей Иудеи своим религиозным обязательствам понятием *теократия*. Это слово до сих пор живо в политическом лексиконе, однако Иосиф имел в виду не власть священнослужителей, но абсолютное, не знающее страха смерти подчинение евреев Закону, заповеданному Богом. Это собственно и есть буквальное значение слова «теократия», означающего «боговластие».

В каких-то ситуациях подобное подчинение власти Бога могло потребовать самого невыгодного в политическом смысле решения, бессмысленного самопожертвования. Так во время Маккавейского восстания, когда восставшие были атакованы войсками Антиоха Эпифана в святую субботу, многие благочестивые иудеи отказались сражаться и дали себя убить: *«Тогда поспешили начать сражение против них, но они не отвечали им, ни даже камня не бросили на них, ни заградили тайных убежищ своих, и сказали: мы все умрем в невинности нашей; небо и земля свидетели за нас, что вы несправедливо губите нас. Нападали на них по субботам, и умерло их, и жен их, и детей их со скотом их, до тысячи душ»*⁶.

Только после того, как по настоянию вождя восстания Маттафии было решено, что евреям позволено сражаться с врагами в субботу, подобные трагедии прекратились. Однако и позднее евреям случалось приносить в жертву субботе свою жизнь и свободу. Захват войсками Помпея Иерусалимского Храма стал возможен благодаря тому, что защитники Храма не помешали в тот день римлянам соорудить земляной вал. В ходе атаки солдат Помпея иудейские священнослужители самым наглядным образом продемонстрировали, насколько соблюдение Закона важнее для них, нежели сохранение жизни. Они продолжали совершать принятые обряды и, сохраняя спокойствие, позволили нападавшим римлянам вырезать себя, но не прекратили службу.

Храбрость и готовность умереть в сражении свойственны многим народам, но самопожертвование ради соблюдения

⁶ 1 Макк 2: 35–38.

религиозного долга являли в римском мире только жители Иудеи⁷. Особо показательны в этом отношении различные реакции римлян и иудеев на религиозные кощунства. Когда Калигула приказал доставить в Рим из Греции статую олимпийских богов, включая знаменитый шедевр Фидия — Олимпийского Зевса, дабы снять с них головы и заменить своими⁸, и римляне, и греки несомненно испытывали возмущение, однако никому не пришло в голову, что можно заявить протест и обречь себя на смерть.

Такой же была реакция на безумства Нерона. Светоний лишь мимоходом упоминает о том, что этот император изнасиловал весталку⁹, — римлянам объяснять тяжесть такого преступления было не нужно. Гораций в знаменитом «Памятнике» недаром связывал с образом весталки свою убежденность в вечности Рима. Культ Весты представлял собой святая святых римской государственности, и важнейшим его установлением было сохранение невинности служительниц. Однако во времена Нерона граждане лишь с ужасом рассказывали друг другу о чудовищном поступке императора. Желавших пожертвовать собой не находилось. Для иудеев же не было ни малейшего сомнения в том, что задуманное Калигулой осквернение Иерусалимского Храма статуей требует от них публичного сопротивления. При прокураторе Понтии Пилате жители Иерусалима были готовы обречь себя смерти только для того, чтобы не видеть на улицах святого города значков легионов, украшенных изображениями императора (ИВ 2.169–174[9.2–3]). Сталкиваясь с подобным поведением, римляне испытывали настоящий шок — очевидно, что, намереваясь внести в город значки легионов, Пилат не мог представить такой реакции: столь неправдоподобно безумной была она с его точки зрения. В отличие от Петрония, этот наместник Иудеи очень не любил иерусалимцев и хотел бы их проучить, однако в описанной ситуации предпочел отступить.

⁷ Здесь есть некоторое преувеличение. Готовность отдать жизнь за свои религиозные убеждения была свойственна не только иудеям, но и, например, египтянам. См. *Цицерон*. Тускуланские беседы, 5.78: «Кто не знает обычаев египтян? Они так пропитаны предрассудками, что египтянин скорее отдастся палачу, чем обидит аспиду, кошку, пса или крокодила». (Прим. *И. Левинской*).

⁸ *Светоний*. Гай Калигула, 22.

⁹ *Светоний*. Нерон, 28. 1.

Проблема, собственно, не в храбрости и способности отдать свою жизнь. Римляне без колебаний были готовы к самопожертвованию в ходе сражения — Иосиф Флавий в своем рассказе об осаде Иерусалима описывает множество таких случаев. Уже упомянутый Петроний рисковал своей жизнью, когда он медлил исполнить приказ Калигулы напасть на иудеев, если они помешают внести в Храм статую императора. Тем не менее поведение римского наместника не было вызвано почтением к иудейской святыне. Окажись иудеи более покладистыми, он немедленно внес бы статую в Храм. Речь шла, так сказать, об общегуманистических соображениях. Петроний оставался вполне равнодушным к еврейским верованиям, но он не хотел обрекать на смерть множество ни в чем не повинных, незащитных людей.

Римляне с исключительной тщательностью следили за соблюдением своих религиозных установлений, но в эпоху поздней республики и империи они искренне не понимали, как можно жертвовать жизнью ради их соблюдения. Это при том, что в Древнем Риме существовало самое почтительное отношение к самоубийству. Добровольный уход из жизни Катона Младшего, Брута, Кассия представлялся их современникам исключительно достойным поступком и образцом для подражания. За год до того, как началась осада Иерусалима, один оскорбленный недоверием Вителлия римский офицер покончил с собой только для того, чтобы доказать императору правоту своих слов¹⁰. По мнению Сенеки, осудить *«насилие над собственной жизнью»* — значит *«закрывать дорогу свободе»*¹¹. Убедительным поводом для самоубийства считалась даже болезнь, мешающая радоваться жизни¹².

¹⁰ Таким образом поступил центурион Юлий Агрест, чья история описана Тацитом (История, III, 54).

¹¹ Сенека. Нравственные письма к Луцилию, 70.14.

¹² Плиний Младший упоминает несколько подобных случаев, например, самоубийство тяжело больного Корнелия Руфа, которого *«подвиг на это решение разум»* (Письма, I, 12, 3), или подобная же история Сильвия Италика (III, 71). Показательна в этом отношении история юриста Тития Аристонa: *«Недавно он пригласил меня и нескольких особенно дорогих ему людей и попросил поговорить с врачами о характере его болезни: если она неизлечима, он уйдет из жизни по своей воле, если она только трудная и затяжная, он будет бороться с ней и жить»* (I, 22, 8).

Если Иосиф писал об иудейской теократии, то живший во времена республики Марк Теренций Варрон (II—I вв. до н. э.), которого можно считать первым ученым, давшим философское определение римской религии, в своем сочинении «Древности дел человеческих и божественных» (*Antiquitates rerum humanarum et divinarum*) говорил о приоритете человеческого над божеским, о том, что божественные порядки следует рассматривать как человеческие установления. Блаженный Августин, являвшийся безусловным наследником теократической — авраамической — традиции, характеризовал подобные представления о Боге как вульгарную нелепость¹³. Однако, с точки зрения Сенеки, который критиковал иудаизм, нелепой представлялась именно *теократическая* идея богопочитания, превращающая человека в раба Бога: *«Есть обычай давать наставления, как следует чтить богов. Мы запрещаем зажигать им светильники по субботам — ведь и боги не нуждаются в освещении, и людям нет радости от копоти. Мы возбраняем сидеть с утренними приветствиями и сидеть перед дверьми храмов: таким угождением покупают людское тщеславие, бога чтит тот, кто его познал. Мы не велим приносить Юпитеру простыни и скребниц, держать зеркало перед Юноной — богу не нужны прислужники. Почему? Да потому что сам он служит роду человеческому, везде и всякому готовый помочь»*¹⁴.

Выраженное Иосифом Флавием убеждение, что *«все существует от Бога и для Бога»* (ИВ 5.218[5.5]), римлянам было глубоко чуждо.

Предельно обобщая, можно сказать, что боги Рима служили Риму, тогда как евреи служили своему Богу. В этом отношении римская и иудейская религиозные идеи решительно друг от друга отличались. Из-за этого некоторые решения римской администрации могли возмущать жителей Иудеи даже в тех случаях, когда администрация была уверена, что действует в интересах еврейского народа. Так среди особых обид, нанесенных Понтием Пилатом жителям Иерусалима, было использование им священной сокровищницы (корбан) для оплаты строительства водопровода, по которому потекла в город чистая вода. Пилат не сомневался в общественной пользе этого проекта,

¹³ О граде Божьем, VI, 4.

¹⁴ Письма, 95. 47 = *Штерн*. Т. I. С. 434, № 188.

а жителям Иудеи было очевидно, что римский прокуратор совершает кощунство (ИВ 2.175[9.4]).

Теократическая устремленность жителей Иудеи определяла и их отношение к политическим коллизиям, они воспринимались ими как религиозные. Показателен в этом смысле драматический эпизод, сопутствовавший утверждению власти Ирода. Для жителей Иудеи, веривших в святые права царей из дома Давидова, сама мысль о том, что Хасмонеев на иудейском престоле может сменить идумей, — представлялась чудовищной. Когда Антоний собирался утвердить власть Ирода и его брата Фазеля, множество людей явилось из Иерусалима, дабы просить римского полководца за Хасмонея — первосвященника Гиркана. То, что Гиркан был слабым правителем, что он сам уступил власть и даже ходатайствовал перед Антонием за Ирода и его брата, просителей не смущало.

Речь шла не о политических соображениях, но о правах на священную царскую власть. Для большинства граждан страны верность сакральному принципу представлялась бесконечно более значимой, нежели любые практические расчеты. Антоний, который собственной волей превратил себя в правителя восточной части Римского государства и рассчитывал на помощь энергичного Ирода, чтобы стать единодержавным повелителем Рима, просто не мог понять надоедливых просителей и, в конце концов, впал в ярость. Просителей он бросил в тюрьму, когда же явилась новая толпа, по приказу Антония выступили всадники, которые многих убили. *«Это, однако, не утихомирило оставшихся в живых; они произвели в Иерусалиме такую смуту, что Антоний был просто вынужден казнить пленников»* (ИВ 1.246–247[12.7]).

Позднее некоторые приверженцы Хасмонеической династии шли на смерть и даже убивали своих детей — лишь бы не подчиниться правлению Ирода¹⁵. История непримиримого

¹⁵ Показателен описанный Иосифом Флавием инцидент, произошедший во время атаки воинов Ирода на пещеры, где скрывались приверженцы старой династии. Даже когда они оказались в безвыходном положении, ничто не могло побудить их к примирению: *«Одного старика, отца семерых детей, дети вместе с матерью умоляли позволить им выйти и тем самым спасти свою жизнь; в ответ он приказал им выходить по одному, а сам, стоя у выхода из пещеры, собственными руками закалывал выходявших наружу сыновей одного за другим. Ирод, который со своего места очень хорошо мог видеть происходящее, был поражен в самое сердце*

отношения к власти Рима вполне органично продолжила данную традицию. О самоотверженности евреев писал не только Иосиф, но и Тацит, по словам которого, евреи *«души погибших в бою или казненных <врагами> почитают бессмертными; отсюда их любовь к рождению детей и презрение к смерти»*¹⁶.

Его объяснение бесстрашия еврейских повстанцев в точности повторяет те слова, которые, согласно Иосифу, произнесли приговоренные к сожжению юноши, пытавшиеся во времена Ирода уничтожить золотого орла на Больших воротах Храма. На вопрос Ирода *«отчего, несмотря на то, что им угрожает казнь, они сохраняют такую бодрость»*, приговоренные ответили: *«Оттого, что после смерти нас ожидает вечное блаженство»* (ИВ 1.653[33.3]).

Иосиф особо отмечал, что ради соблюдения Закона евреи не только жертвуют своей жизнью, но готовы претерпевать страшные мучения. Эти слова пророчески предсказали судьбу множества евреев, которые — со времен Крестовых походов и до Хмельничнины — предпочитали крещению мучительные казни. Нечто подобное происходило уже во времена Иосифа, который рассказывает о судьбе попавших в римский плен ессеев, представлявших одно из течений иудаизма его времени: *«Их дух был подвергнут величайшим испытаниям в войне с римлянами, которые распинали и колесовали их, жгли в огне и переламывали кости, подвергая всем пыткам, какие только можно измыслить, чтоб принудить произнести хулу на Законодателя или принять запретную пищу, но не могли добиться ничего из этого, ни даже просто мольбы о пощаде или слез. Улыбаясь в предсмертных муках, с насмешкой над теми, кто поднял их на дыбу, каждый из них расставался с душой в радостной уверенности в том, что скоро примет ее обратно»* (ИВ 2.152–153[8.10]).

Кажется, что Иосиф просто проговорился о судьбе пленных ессеев, когда рассказывал об особенностях их вероучения.

и, протягивая к старику руку, стал умолять его пощадить собственных детей. Однако тот встретил его слова презрением и даже стал насмехаться над ним за высказанное им слабодушие, а затем, расправившись с последним из своих сыновей и убив также и жену, сбросил их тела с обрыва, а вслед за ними бросился вниз и сам» (ИВ 1.312–313[16.4]).

¹⁶ Тацит. История, 5.5.

Приняв сторону Рима, он явно старался представить действия римских солдат и полководцев в наиболее выгодном свете и в своих рассказах о войне воздерживался от описания подобных жестокостей. Это не единственная его оговорка. Иосиф описал подобную же судьбу восставших, которые принадлежали к одной из наиболее непримиримых радикальных фракций — *сикариев*. Они бежали в Египет, надеясь продолжить здесь борьбу, но были выданы лидерами местной иудейской общины: *«Надо признать, что среди них не было ни одного, кто не поражал бы упорством и еще — то ли безумием, то ли твердостью духа. Когда их подвергали всевозможным пыткам и телесным истязаниям с тем только лишь, чтобы заставить их признать своим повелителем Цезаря, никто из них не отступился и не обнаружил даже желание произнести это, но все оставались непреклонны, словно их тела были бесчувственны, и чуть ли не с радостью в душе они принимали пытки и пламя. Более же всего поразило зрителей несвойственное возрасту упорство детей»* (ИВ 7.417–419[10.1]).

Для того чтобы понять происхождение и природу подобных событий, необходимо вернуться к более ранним временам иудейской истории. Борьба еврейского народа за право подчиняться Закону, заповеданному Богом, началась задолго до появления в Иудее жестокого прокуратора Флора.

* * *

Ссылка на интенсивность религиозных переживаний приверженцев иудаизма, сама по себе, еще не может объяснить происхождения Иудейской войны. В конце концов, во времена Помпея, когда римская армия подчинила Иудею и захватила Храм, верования иудеев были точно такими же, как и во времена Иудейской войны. Вторжение пытавшегося захватить сокровища Храма Сабина по сути мало отличались от действий Флора, однако в то время Иудея еще не была готова к такой непримиримой реакции. Даже в ходе самого восстания среди иудеев были не только фанатичные сторонники борьбы, но и прагматики, поддержавшие Рим. Иосиф гордится героической самоотверженностью евреев, однако сам отнюдь не горел желанием пополнить ряды

мучеников, напротив, всеми силами старался сохранить свою жизнь. В понятиях повстанцев римская власть подменяла власть Бога над Иудеей и была, таким образом, противозаконным кощунством. В представлениях же Иосифа, *теократическая* преданность Закону могла прекрасно сочетаться с политическим подчинением великому Риму. Судя по рассказу Иосифа, в Иерусалиме было немало людей, которые пытались противостоять радикалам. Однако, как и во многих других случаях, умеренные проиграли — на то они и умеренные. Казнили их за соглашательство и готовность к переговорам с Римом, и обвинители в своем приговоре не ошибались.

Истоки соперничества непримиримых и конформистов внутри иудаизма восходят еще ко второму веку до н. э. К тому времени, когда благочестивые иудеи, не желавшие осквернять святость субботы, позволяли солдатам Антиоха Эпифана убивать себя и своих близких. Именно насильственные действия Антиоха пробудили в народе Иудеи стремление к свободе и национальной независимости. До этого в течение более чем трех веков евреи вели жизнь мирных подданных — сначала Персидского государства, потом империи Александра Великого, египетских Птолемеев и, наконец, Селевкидов, которые около 200 г. до н. э. утвердили свою власть над Палестиной. К этому времени значительная часть иудейской знати, включая даже храмовых первосвященников, составляла партию так называемых эллинистов, готовых идти навстречу греческой культуре. Тираническое правление Антиоха Эпифана, который попытался искоренить иудейские верования, заменив их почитанием греческих богов, спровоцировало выступление Маккавеев. Народное восстание смело соглашателей-эллинистов и привело к возрождению еврейского царства, управлявшегося Хасмонейской династией.

Однако борьба традиционалистов и эллинистов внутри еврейского общества на этом не прекратилась. Парадокс ситуации заключался в том, что новыми эллинистами оказались наследники Маккавеев — цари из династии Хасмонеев. В этом прослеживается определенная закономерность, ибо подобные же процессы происходили и в парфянском государстве Арсакидов, чье выступление против Селевкидов, как и Маккавейское восстание, изначально было проявле-

нием восточной реакции против эллинизации¹⁷. Непримиримые традиционалистские лозунги были хороши для того, чтобы вести войну против чужеземцев. Но актуальные политические задачи государственного строительства и внешней политики требовали компромиссов и культурных заимствований. Помимо прочего, восточная аристократия была просто не равнодушна к обаянию блистательной эллинистической цивилизации. Его испытали даже те народы, которые не попали в сферу политического влияния эллинистических государств. Карфагеняне, веками сражавшиеся с греками на Сицилии, не только перенимали стиль греческой пластики и керамики, но в самый разгар одной из сицилийских войн переняли почитание Персефоны и Керы, позднее — Диониса и Афродиты, храмы которых были возведены в Карфагене рядом с древними святилищами Баал-Хамона, Таннит, Мелькарта и других финикийских богов. Процесс этот начался еще до рождения Александра Македонского — эллинистическая культурная экспансия опережала экспансию военную. Римляне, конечно, последовательно копировали греческие образцы, но в конечном итоге все культуры Средиземноморья эпохи эллинизма развивались в рамках общей тенденции.

Несмотря на эллинистические пристрастия своей правящей элиты, народ Иудеи решительно отвергал их. Уже в конце второго столетия до н. э. на исторической арене появилось движение фарисеев, которые вполне несправедливо были ославлены позднее в христианской традиции. Достаточно сказать, что многие заповеди Иисуса Христа очень близки к высказываниям его старшего современника Гиллея, являвшегося лидером ведущей фарисейской фракции. О жестоком противостоянии царской партии и пошедших за фарисеями народных масс свидетельствует царствование Александра Янная, которому пришлось вести настоящую войну со своими подданными. Иосиф Флавий утверждает, что в ходе шестилетнего правления этого царя, опиравшегося преимущественно на греческих наемников, погибли не менее пятидесяти тысяч человек (ИВ 1.91[1.4.4]). Около шести тысяч были убиты только за то, что во время жертвоприношения в Храме стали закидывать Александра Янная лимонами (ИД 13.372–373[13.5]).

¹⁷ Э. Дж. Бикерман. Евреи в эпоху эллинизма. М., Иерусалим, 2000. С. 362.

Захватив в плен неких влиятельных иудеев, которые сопротивлялись ему в городе Вефом, Александр Яннай *«отвел их в Иерусалим и учинил над ними ужасное дело: находясь со своими наложницами в уединенном уголке и пируя там с ними, он велел распять около восьмисот иудеев и перерезать их на виду их всех жен и детей»* (ИД 13.380[14.2]).

Линия размежевания прошла внутри самой иудейской религии. Хасмонеев поддержала иудейская аристократия и священническая храмовая верхушка, составившие партию саддукеев. В отношении к учению Торы саддукеи были настроены предельно консервативно, однако они послушно следовали в фарватере царской политики. Саддукеи не изменили своей конформистской позиции и при всех следующих правлениях, вплоть до эпохи восстания против Рима.

После смерти Александра Янная при его вдове Шаломитт (Саломее) фарисеи стали оказывать значительное влияние на жизнь страны. Однако уже сыну Шаломитт — Гиркану Второму было суждено потерять власть, уступив ее иудею Ироду. Последний демонстративно называл себя филэллинном, чеканил монеты с греческими надписями и строил на земле Иудеи города, населенные греками и грекоязычными сирийцами.

После смерти Ирода и недолгого правления Архелая (4 г. до н. э. — 6 г. н. э.) Иудея оказалась под римской властью, и в то время как часть иудейской аристократии была довольна таким развитием событий, для ревнителей традиции чужеземное правление оказалось невыносимым испытанием. Вскоре появилась партия зелотов — *«ревнителей»*, лидер которых Йехуда (Иуда) *«пытался склонить местное население к мятежу, браня тех, кто платит подати римлянам и подчиняется человеческому правлению после того, как евреями правил один только Бог»* (ИВ 2.118[8.1]). Как свидетельствует Иосиф, зелоты в основном примыкали к учению фарисеев, однако дополнили общие фарисейские воззрения *«ничем не сдерживаемой любовью к свободе»*, так как *«единственным руководителем и владыкой своим они считают Господа Бога. Идти на смерть они считают за ничто, равно как презирают смерть друзей и родственников, лишь бы не признавать над собой главенства человека»* (ИД 18.23[1.6]).

После того как во время правления Агриппы I Клавдий вернул Иудее независимость и самоуправление (41–44 гг.), а потом вторично превратил Иудею в провинцию, подоб-

ные общественные настроения необычайно обострились. Наконец, провокации Флора привели к тому, что «народ стал страдать от безумного увлечения» идеями zelотов (ИД 18.25[1.6]). Столь неудачно выступивший в начале восстания Менахем был сыном Йехуды. Менахем, убитый соперниками за тиранические наклонности, начиная свою политическую карьеру, «порицал евреев за подчинение римлянам после того, как они подчинялись только Богу» (ИВ 2.433[17.8]).

Особая традиция — ессеи, которые в течение веков хранили свою обособленность от иудейского общества. Это выразилось не только в своеобразии их учения, но и в принятии большинством членов этой общины обета безбрачия и общности имущества. Ессеи предвосхитили ряд основополагающих доктрин христианства, а также многие принципы монашеского общежития. Большинство исследователей отождествляет их с представителями Кумранской общины. Мы можем представить особенности их верований благодаря открытию в 1947–1956 годах собрания свитков, находившегося в местности Вади-Кумран близ северо-западного побережья Мертвого моря¹⁸.

По мнению ряда исследователей, описанный в кумранских свитках основоположник учения — *Учитель праведности* — был современником восстания против Антиоха Эпифана. Он первоначально «сочувствовал маккавейскому движению и находился в его рядах»¹⁹. К последователям кумранского учения могли относиться благочестивые иудеи, отказавшиеся в субботу защищать свою жизнь. Некоторые авторы относят оформление этой секты даже к эпохе борьбы Птолемеев и Селевкидов за Иудею — к 197/196 годам до н. э.²⁰

Кумраниты не признали прав династии Хасмонеев, пожелавших, вопреки древней израильской традиции, совместить в одном лице царскую власть и священничество. Упомянутый в кумранских документах *Нечестивый священник*, злоумышлявший против *Учителя праведности*, несомненно

¹⁸ И. Тантлевский. История и идеология кумранской общины. СПб., 1994. С. 8 и др.

¹⁹ Тексты Кумрана. Введение, перевод и комментарии А. М. Газова-Гинзберга, М. М. Елизаровой и К. Б. Старковой. СПб., 1996. С. 12.

²⁰ И. Тантлевский. История и идеология кумранской общины. С. 46 и др.

был одним из Хасмонеиских царей²¹. Впрочем, с таким же непримиримым отрицанием относились кумраниты и к выступавшим против Хасмонеев фарисеям. Кумраниты называли их «толкователями лжи и провидцами обмана», которые «удерживают напиток знания от жаждущих и в их жажде поят их уксусом, дабы узреть их заблуждение, дабы бесноваться на своих празднествах, чтоб быть уловленными их сетями»²².

Говоря о бесновании на празднествах, члены кумранской общины имели в виду те храмовые торжества, на которых собирались представители всего еврейского мира. Кумраниты мечтали о новом, истинном Храме, который будет основан на месте прежнего, оскверненного, с их точки зрения, святилища. Об этом говорилось в так называемом Храмовом свитке, который рассматривался в Кумране в качестве Торы, отличной от Моисеева Пятикнижия. Считалось, что эта кумранская Тора была дарована Богом Моисею на горе Синай, но сокрыта в эпоху судей из-за впадения Израиля в идолопоклонство, после чего *Учитель праведности* вернул ее истинно верующим²³.

Кумраниты обращались к наследию пророков — особо их привлекала книга Даниила — и строили на этом основании свое эсхатологическое учение. Оно обещало наступление Царства Божьего, для пришествия которого предстояло «очистить землю, очистить почву» истреблением нечестивцев²⁴. Начало мирового катаклизма осмыслялось кумранитами как война с иноземным врагом и с предателями внутри страны. Сочинение «Война сынов Света против сынов Тьмы» рассказывало о грядущем столкновении с киттиями, под которыми во времена римского владычества подразумевались римляне, и сынами Ашшура, то есть сирийцами²⁵.

²¹ Т. Раджак. Иосиф Флавий. С. 127.

²² Благодарственные гимны 4.9–12 (Тексты Кумрана. С. 197. Ср. Прим. 156 на С. 242).

²³ И. Тантлевский. История и идеология кумранской общины. С. 23, 67–70 и др.

²⁴ Тексты Кумрана. С. 16.

²⁵ Даже в «Уставе общины» (точнее, в так называемых Дополнениях к Уставу, сохранившихся на отдельных свитках, но первоначально составлявших одно целое с Уставом) говорится, что это «Устав для всех воинств общества» (I, 6). Особо оговариваются

В «Войне сынов Света...» подробнейшим образом расписаны все детали предстоящего великого сражения — боевые порядки, последовательность их построения, изменения и перемещения, необходимые в ходе битвы. Учитываются малейшие детали. С неизменной педантичностью указывается, какие надписи надлежит сделать на трубах общего сбора, какие — на трубах начальников, на трубах отдельных боевых станов, на трубах призыва бойцов при открывании боевых проходов во время сражения, на трубах самих сражений, трубах засад, преследований, возвращения из боя, трубах победного возвращения в Иерусалим²⁶. С такой же обстоятельностью перечислены надписи на разных значках, равно как и множество прочих деталей, определено даже расстояние, на которое следует удалить от военного лагеря отхожее место²⁷.

Судя по тому, что римские солдаты подвергали ессеев страшным казням, они приняли самое активное участие в восстании. Очевидно, они отождествляли его с предсказанной войной против киттиев. Провокация Флора выпустила джинна из бутылки.

обязанности глупых людей, которые не должны будут *«предстоять в войне для покорения народов»*, но ограничатся трудовой повинностью. Дополнения к Уставу, I, 21, 22 (Тексты Кумрана. С. 160–161).

²⁶ Война сынов света против сынов тьмы, III, 1–11 (Тексты Кумрана. С. 287).

²⁷ Война сынов света против сынов тьмы, VII, 7 (Тексты Кумрана. С. 293). Этот кумранский сюжет напоминает обычаи ессеев, которые, по свидетельству Иосифа, придавали исключительно большое значение закапыванию испражнений. Первым предметом, вручавшимся новому члену общины, был специальный топорик или лопаточка, которые предназначались для этой цели (ИВ 2.137[8.7], 148–149[8.9]). Данный ессейский обычай продолжал старую иудейскую традицию, которая была отмечена еще во Второзаконии (24:12–14), где особо оговаривается необходимость для воинов зарывать свои испражнения особой лопаткой. *«Ибо Господь Бог твой ходит среди стана твоего, чтобы избавлять тебя и предавать врагов твоих в руки твои, а по-сему стан твой должен быть свят, чтобы Он не увидел у тебя чего срамного и не отступил от тебя»*. Особо стоит отметить, что ессеи пользовались лопаточкой для закапывания экскрементов в мирное время, что позволяет увидеть в организации их сообщества подобие военного стана. Это свидетельство милитаризации жизни ессейской общины можно связать с общим мировоззрением кумранитов, которые постоянно ожидали пришествия времени Последней Битвы.

Сходство идей кумранитов с позднейшим христианством является столь значительным, что какое-то время обсуждался вопрос — не был ли *Учитель праведности* самим Иисусом Христом. Современная наука отвергает эту гипотезу. Бесспорно, что кумраниты появились раньше христиан, и в некоторых посланиях апостола Павла усматривают проявление полемики с кумранской идеологией. Однако христианство унаследовало многие положения своих предшественников, преемственность была несомненной. Есть основания считать, что Иоанн Креститель, приветствовавший Иисуса Христа у Иордана, был выходцем из кумранской общины²⁸. Идеи кумранитов приобрели значительную популярность и влияли не только на христиан, но и на другие религиозные течения, сформировавшиеся внутри иудаизма в эпоху, предшествовавшую восстанию. Иосиф, который являлся приверженцем ортодоксальной храмовой традиции, с яростным негодованием описывает многочисленных «лжепророков», которые смущали в это время покой жителей Иудеи. По словам Иосифа «*Эти лжецы и мошенники, притворявшиеся боговдохновенными, на самом деле готовили план переворота. Они приводили народ в исступление и выводили его за пределы города в пустынную местность под тем предлогом, что там Бог явит им знамения приближающейся свободы*» (ИВ 2.259[13.4]).

В правление прокуратора Куспия Фада (44 — ок. 45 гг. н. э.) человек по имени Февда соблазнил пойти за собой большую массу народа, уверяя, что прикажет расступиться Иордану, однако отряд римской конницы перебил толпу, и разъяренные солдаты отрубили Февде голову (ИД 20.97[5.1])²⁹. Позднее особо отличился какой-то египетский лжепророк, который «*уговорил простой народ отправиться вместе с ним к Елеонской горе... Тут он обещал легковерным иудеям показать, как по его мановению падут иерусалимские стены, так что по его словам они будто бы свободно войдут в город*» (ИД 20.169–170[8.6])³⁰.

²⁸ Обзор литературы, посвященной этому вопросу: И. Тантлевский. История и идеология кумранской общины. Прим. 60 на С. 64.

²⁹ О том же говорится в Деяниях Апостолов 5:36: «...Явился Февда, выдавая себя за кого-то великого, и к нему пристало около четырехсот человек; но он был убит, и все, которые слушались его, рассеялись и исчезли».

³⁰ Согласно Деян 21:38, за египтянином последовало 4000 сикариев.

Прокуратор Феликс (52–59 гг. н. э.) лично возглавил солдат, которые легко вырезали безоружных последователей египтянина. Подобное же случилось и при Порции Фесте (59–62 гг. н. э.), сменившем на посту прокуратора Иудеи Феликса. Опять толпа людей пошла за лжепророком, «*который обещал им спасение и избавление от всех бедствий, если они пожелают последовать за ним в пустыню*» (ИД 20.188[8.10]). И снова римские воины перебили всех, кто отправился в это странствие.

Лжепророки — наби́ шекер — не новость для иудейской традиции³¹, однако лжепророки прошлых времен проявляли себя лишь тем, что неправильно предвещали будущее. Например, в Третьей книге Царств (по еврейской традиции — Первая книга Царей), 18:22 истинный пророк Михей спорит с четырьмя сотнями ложных пророков, которыми предводительствует Седекия, сын Хенааны, об исходе похода царя Ахава.

Однако лжепророки, которые обещают чудесное спасение от земных бедствий и уводят за собой толпы народа, это уже нечто иное.

Показательна судьба наиболее знаменитого лжепророка еврейской истории — Саббатай Цви, жившего через шестнадцать столетий после событий, описанных Иосифом. Саббатай Цви провозгласил себя Мессией и обещал чудесное возрождение священной еврейской государственности. Однако столкнувшийся с саббатизмом турецкий султан Ибрагим повел себя совсем не так, как римские прокураторы. Когда в 1666 году Саббатай Цви, обещавший своим последователям, что султан добровольно уступит ему трон, явился в Стамбул, повелитель турецкой империи ограничился тем, что под угрозой казни заставил еврейского мессию отречься от своего предназначения и сделал его мусульманином³². Этого оказалось достаточно, чтобы всех усмирить. Римляне действовали иначе. Похоже, им просто не приходило в голову, что устремившиеся в пустыню толпы народа можно успокоить иным способом, нежели массовой резней.

Впрочем, общая ситуация в Иудее подталкивала римских администраторов к принятию жестких решений. Рядом с толпами фанатиков, соблазненных обещаниями чудес,

³¹ *Й. Вейнберг*. Введение в Танах. М., Иерусалим, 2003. С. 136.

³² *Л. Поляков*. История антисемитизма: Эпоха веры. М., Иерусалим, 1997. С. 183 сл.

появились и люди, которые добивались избавления от чужеземной власти с помощью оружия. Помимо zelотов к числу таких непримиримых врагов Рима относились сикарии, уже упоминавшиеся мной в связи с их египетским мученичеством. Кажется, это первая в мировой истории тайная организация, построившая свою деятельность на кампании политического террора. Еще в период, предшествовавший правлению Флора, сикарии повергли в ужас жителей Иерусалима. *«Их любимым приемом было смешаться с праздничной толпой, скрывая под одеждой маленькие кинжалы, которыми они закалывали своих противников. Когда жертва падала бездыханной, они присоединялись к возмущенной убийством массе, своей внешней благопристойностью полностью предотвращая разоблачение... даже ужаснее, чем сами их преступления, был внушаемый ими страх, ибо ежечасно каждый, словно на войне, ожидал своей гибели. Люди издали следили за своими врагами и держались в отдалении даже от друзей»* (ИВ 2.255–257[13.3]).

Прямую ассоциацию с реалиями XX столетия вызывает то, что сикарии были среди пионеров не только в применении индивидуального террора, но также и в практике похищения заложников с целью обмена их на своих единомышленников, оказавшихся в заключении: *«Когда во время наступившего праздника сикариям удалось ночью пробраться в город, они схватили письмоводителя храмового смотрителя Елеазара, который был сыном первосвященника Анана, связали его и увезли за собой. Затем они послали к Анану, обещая, что они отпустят к нему письмоводителя, если Анан уговорит Альбина (римского прокуратора 62–65 гг. н. э.) освободить захваченных им десятерых сикариев. Анан был вынужден уговорить Альбина, и тот исполнил его просьбу. Между тем, этот случай подал повод к большим бедствиям. Теперь разбойники всячески старались захватить кого-нибудь из членов семьи или близких Анана и систематически держать их у себя до тех пор, пока не получат в обмен нескольких сикариев. Тем временем число последних вновь увеличилось, и они с неслыханной дотоле дерзостью опустошали всю страну»* (ИД 20.208–210[9.3]).

Одной из первых жертв сикариев был первосвященник Ионаф — фигура столь влиятельная, что римские власти согласовывали с ним даже назначение в Иудею прокуратора Феликса. Однако вскоре после этого Ионаф, который

стремился контролировать происходящее в стране, стал раздражать Феликса. Прокуратор подкупил одного из друзей первосвященника, который подослал к нему сикариев, и они убили Ионафа в Иерусалиме (ИД 20.162–164[8.5]). Мы никогда не узнаем, какую роль сыграли в этой истории подкуп, какую — провокация и обман. Движимый своими политическими пристрастиями Иосиф упорно называет сикариев разбойниками, уверяет, что они *«убивали... как своих личных врагов, так и тех, против которых их нанмали за деньги»* (ИД 20.165[8.5]).

Допуская, что движение могло увлечь за собой и криминальных личностей, способных на преступления, нельзя согласиться с тем, что это было определяющим. Против свидетельствует сам Иосиф, описывающий мученическую смерть бежавших в Египет сикариев и героическое самоубийство тех из них, кто был осажден в Масаде. Разбойники и наемные убийцы на такое не способны. Очевидно, что большинство сикариев были глубоко верующими людьми, для которых признание римского императора было предательством Бога. Их движение имело в своей основе идеалистические мотивы. Использование кинжала особой формы, от которого произошло имя сикариев (кинжал с особым лезвием походил на фракийский меч — *sica*), позволяет предположить, что даже в убийствах политических противников, совершавшихся сикариями, предполагался особый смысл. Не были ли они в представлениях адептов данного движения своего рода ритуалом, призванным обеспечить Божественный замысел — дать свободу Иудее?³³

И пророки, и террористы сикарии, и zeloty шли к одной цели. Все они верили в божественное покровительство и свою конечную победу, хотя степень доверия к чуду в разных случаях была различной. Египетский пророк полагал, что для победы достаточно будет одного движения его руки, сикарии же рассчитывали на свои кинжалы.

³³ Латинское слово «*sicarius*», начиная с императорского периода, обозначало убийцу или преступника, намеревающегося совершить убийство. Изданный Суллой закон о сикариях (*Lex Cornelia de sicariis*) был направлен против убийц, но прежде всего против разбойников, поэтому в юридическом языке «сикарий» и «разбойник» (*latro*) были синонимами. Сикариями еврейских террористов, по-видимому, называли первоначально римляне, но затем слово превратилось в почетное самоназвание. (Прим. *И. Левинской*.)

По этому признаку Иосиф разделяет разных иудейских лидеров. Лжепророков он называет мошенниками, сикариев и зелотов — разбойниками. Однако, по свидетельству самого Иосифа, уже в самом начале восстания религиозные и политические компоненты слились: *«Мошенники-заклинатели и главари разбойников объединили свои силы и совместно толкали народ на восстание. Они подстрекали нанести удар во имя свободы и угрожали смертью тем, кто подчиняется римскому правлению: они говорили, что те, кто по своей воле выбирает рабство, должны быть освобождены насильно. Затем, разбившись на отряды, они разошлись по всей стране, предавая грабежу дома зажиточных людей, убивая их обитателей и поджигая селения до тех пор, пока их яростное безумие не проникло в каждый уголок Иудеи»* (ИВ 2.264–265[13.6]).

* * *

Изучение истории древней Иудеи позволяет выявить целую серию, казалось бы, общераспространенных социальных феноменов, которые впервые встречаются именно в иудейской традиции. Наряду с первым мессианством, первой террористической организацией, первым опытом захвата заложников с целью дальнейшего их обмена это и первая упоминающаяся в мировой истории «пророческая истерия», о которой с таким отвращением писал в своих книгах Иосиф. Подобное не редкость и в наши дни, а в средневековых христианстве и исламе пророков было — пруд пруди.

Странствие безоружных последователей египетского «обманщика», которые по дороге к Иерусалиму были убиты римскими солдатами, напоминает знаменитый Крестовый поход детей в 1212 году к тому же Иерусалиму. Возможно, еще ближе к ситуации, описанной Иосифом Флавием, реалии первого Крестового похода. Когда папа Урбан II выступил 27 ноября 1095 года на поле около Клермона с призывом помочь христианским братьям на Востоке, он обращался к профессиональным военным — рыцарям, которых должен был вести в бой Раймонд Тулузский. Однако на папский призыв неожиданно откликнулись толпы простонародья, которые

устремилась через всю Европу, устраивая на пути кровавые еврейские погромы. Папа потерял контроль над этим движением, вождями которого стали представители низового клира и отшельники, подобные Петру Пустыннику. Очень скоро погромщикам предстояло повторить судьбу убитых ими евреев, ибо уже в 1096 году турки в Анатолии вырезали эту стихийно собравшуюся толпу.

Сходные явления обнаруживаются практически повсеместно. Американский этнограф У. Ла-Барр ввел в начале 70-х годов особое понятие, которое, как представляется, достаточно точно описывает рассматриваемый феномен — «кризисные культы»³⁴. Таким образом Ла-Барр обозначает самые разные мессианские и милленаристские движения от «Пляски духов» у индейцев прерий до раннего христианства. Кризисные культы возникают как ответ на кризисную ситуацию и ставят своей целью ее преодоление. Однако они претендуют не только на разрешение кризиса, но на достижение некоей высшей цели, социального идеала, райского благополучия. Так проповедники так называемого культа карго, популярного после второй мировой войны на островах Меланезии, обещали свои адептам, что, прекратив работать и выполнив необходимые ритуалы, они не только освободятся от власти белых колонизаторов, но и обретут счастливую богатую жизнь, получив в неограниченном количестве продукты западной цивилизации. По уверению пророков, западные товары должны были доставить на самолетах предки, вернувшиеся из своей посмертной обители, расположенной на неких дальних островах³⁵.

При всей экзотичности данного примера, он обнаруживает типологическое сходство с ситуацией в Иудее первого века н. э. Культ карго родился как результат культурного шока, испытанного туземцами от столкновения с цивилизацией Запада. Жители Меланезии мечтали не только об освобождении от власти белых людей, но и о получении тех предметов, которыми эти люди обладали. Столкнувшись с мощью Римской империи, иудеи мечтали не только о том, чтобы освободиться от Рима, но и о том, чтобы обрести власть над миром, принадлежавшим этой империи. По словам Иосифа: «...проклятием, более всего остального

³⁴ W. La Barre. Materials for a History of Studies of Crisis Cults// Current Anthropology, 1971. Vol. 12.

³⁵ П. Уорсли. Когда вострубит труба. М., 1963.

побудившим евреев к войне, было двусмысленное пророчество, также содержавшееся в Священном писании, именно, что к тому времени некто из их страны обретет власть над всем миром» (ИВ 6.312[5.4]).

О том же свидетельствует Тацит: «...большинство верили в пророчества, содержащиеся в древних жреческих книгах, что именно в это время Восток возвеличится, а из Иудеи выйдут те, кто предназначен властвовать над миром»³⁶.

Согласно Светонию: «По всему Востоку распространилось давнее и твердое убеждение, что судьбою назначено, чтобы в то время выходцы из Иудеи правили над миром»³⁷.

Иосиф явно неохотно сообщает о религиозной подоплеке поведения восставших, предпочитая говорить об их безрассудстве и склонности к богохульству. О надежде на обретение мирового владычества он упоминает лишь вскользь: при описании гибели Храма в завершении рассказа о различных чудесах и пророчествах, будто бы предсказывавших неизбежную гибель Иерусалима. Тем не менее, Иосиф проговаривается, что «многие мудрецы впали в заблуждение в толковании этого пророчества» (ИВ 6.313[5.4]). Очевидно, вера в обретение власти над миром была очень распространенной и ее пропагандировали многие религиозные авторитеты. Особо следует отметить, что надежда на обретение мирового владычества уже задолго до восстания присутствовала в учении кумранитов, которые верили, что в результате войны с киттями «Израиль воцарится вечно... Израилью — [в]ечное царствие!»³⁸

Это был не просто политический лозунг, но мессианская идея, предполагавшая торжество идеального божественного порядка, дарованного избранному народу, и его власть над миром. Восставшие, среди которых преобладали представители низших сословий, думали не об имперской мощи. Они мечтали о торжестве общества, в котором воцарится божественная справедливость и будет обеспечено всеобщее благополучие. Кумранской идеологии было присуще прославление нищего, смиренного, находящегося под божественным покровительством.

³⁶ Тацит. История, 5.13.2.

³⁷ Светоний. Божественный Веспасиан, 4.5. То же и в биографии Нерона (40.2).

³⁸ Война сынов Света против сынов Тьмы, XII, 15/16; XIX, 8 (Тексты Кумрана. С. 299, 307).

В этом отношении мировоззрение кумранитов явилось вызовом всему иудейскому истеблишменту. Оно отрицало не только традиционную идеализацию богатства и политического могущества, но и фарисейское почтение к мудрецам. Данная концепция свойственна и христианству, однако в отличие от христиан кумраниты и их единомышленники надеялись обрести справедливость не в небесном, но и в земном мире. Последняя война против киттиев-римлян должна была стать войной против социального угнетения. Как говорилось в свитке «Война сынов Света против сынов Тьмы»: *«Ибо в руки бедняков предашь Ты [вра]гов (со) всех земель, в руки склонившихся в прах, чтобы унижить могучих из народов, воздать по заслугам нечестивым»*³⁹.

Идеология Кумрана несла в себе мощный потенциал социального протеста, облаченный в религиозные формы, и в годы войны с Римом этот потенциал реализовался в массовом народном движении.

Вспоминая об увещеваниях Агриппы, который угрожал жителям Иерусалима самыми страшными последствиями выступления против римлян, можно понять, почему подстрекатели восстания его не слушали. Они были вдохновлены надеждой на обретение окончательных, высших ценностей. Восставшие знали, что на их стороне правда и Господь, который, конечно же, дарует им победу. На этом фоне все предупреждения о римской военной силе представлялись нелепыми и жалкими. Восставшие были выше подобной прагматической логики.

В конце концов, очень похожая ситуация предшествовала в свое время выступлению Маккавеев против могущественного государства Селевкидов, чьи территории простирались от побережья Средиземного моря до Индии. Вопреки всему, верность Богу привела Маккавеев к победе. Почему же судьба восстания против Рима должна быть иной? Напрасно царь Агриппа пытался дополнить свои доводы о превосходстве римского оружия специальными соображениями теологического характера. Агриппа объяснял, что теперь ситуация отличается от ситуации времен Маккавеев, так как в отличие от Антиоха Эпифана римляне не покушаются на установления иудаизма и война против них не найдет божественного покровительства. Слушатели Агриппы были с ним решительно не согласны.

³⁹ Война сынов Света против сынов Тьмы, XI, 13/14 (Тексты Кумрана. С. 298).

Все вышесказанное позволяет понять не только обстоятельства, приведшие к началу Иудейской войны, но и ее дальнейшее развитие. Само по себе соперничество между партиями и вождями — явление, хорошо известное древнему миру. В этом отношении опыт Иудеи вполне зауряден. Достаточно обратиться к истории Рима, где враждовали патриции и плебеи, выступали против существующего порядка Гракхи, боролись между собой сторонники Мария и Суллы, бунтовал Катилина, воевали приверженцы сенатской партии с триумвирами, сторонники Цезаря и Помпея, Августа и Антония, а после смерти Нерона императоры появлялись и исчезали с престола как в калейдоскопе. И все-таки даже на этом фоне в иудейском восстании было что-то особенное. Упрямство, честолюбие, эгоизм, жестокость, самовластье, корыстолюбие, подлость — всего этого было более чем достаточно и в римской истории, зато самоубийственное безумие кажется особым уделом Иерусалима.

Вспоминается терзаемый муками раскаяния злодей Ирод в сопоставлении с Калигулой, Нероном и прочими самодовольными садистами, в разное время занимавшими римский престол. Ссылкой на национальный темперамент тут явно не обойтись. В конце концов, тот же Ирод, при всех его метаниях, царствовал около сорока лет и умер от болезни, а вот вожди иерусалимского сопротивления продержались менее чем четыре года и явно ускорили свой конец бессмысленной междоусобицей. Конечно, в истории более чем достаточно примеров самонадеянности, легкомыслия, глупости, однако такое системное, массовое их выражение все-таки редкость. Зачем восставшие сожгли иерусалимские запасы хлеба, обрекая себя на муки голода? Это событие отметил не только Иосиф, но также Тацит (История, 5.12) и авторы Талмуда, объяснявшие это поведение zelотов их нежеланием заключить мир с Римом, так как хозяева хлеба советовали вступить в переговоры с Веспасианом⁴⁰.

Стоит отметить, что подобные события имели место в самые разные времена и далеко за пределами древней Иудеи. Так в 1857 году значительная часть южноафриканской

⁴⁰ Гиттин 56 а; Мидраш Эха ад 1, 5.

народности коса погибла от голодной смерти, ибо коса забили свой скот и уничтожили запасы продовольствия. Коса ждали «Дня Воскресения», обещанного пророком Умлаказаром, когда небо должно было послать его приверженцам все мыслимые земные блага, а также победу над англичанами. В результате — немногие спасшиеся от голодной смерти стали легкой жертвой колониальных войска⁴¹. Отказ от имущества или от производственной деятельности — явление, типичное для многих кризисных культов, включая уже упоминавшееся движение карго. Намек на что-то подобное запечатлелся и в свидетельстве Иосифа о Февде. Этот лжепророк, явившийся во времена правления в Иудее прокуратора Куспия Фада, обещал, что прикажет расступиться Иордану (ИД 20.97[5.1]), и люди, соблазненные им, отправились к Иордану вместе с имуществом. Надо полагать, что приверженцы Февды собирались торжественно расстаться со своим достоянием после осуществления чуда или же жертва имущества являлась условием, необходимым для того, чтобы чудо осуществилось. Таким образом оценивал ситуацию в Иерусалиме К. Рот, считавший, что, уничтожая хлеб, восставшие стремились добиться божественного благоволения демонстрацией своей веры⁴². Другие авторы относятся к этому объяснению скептически, однако, даже если восставшие сожгли запасы продовольствия ненамеренно, они, как минимум, проявили к этой проблеме вызывающее равнодушие. Что могло заставить их до такой степени потерять, казалось бы, естественное чувство самосохранения?

Вопрос о природе иерусалимского восстания возвращает нас к вопросу о природе Иудейской войны. В то время как одни авторы определяют в качестве причин происшедшего общий милленаристский порыв, веру в чудо и надежду на обретение небесного царства, другие предпочитают искать сходные модели революционного поведения, акцентируют внимание на непримиримом столкновении между иерусалимской верхушкой и движением социальных низов. В качестве ближайшего аналога указывают на опыт Великой французской революции, в ходе которой, как и во времена Иудейской войны, радикалы-якобинцы возобладали над более

⁴¹ Т. Бюттнер. История Африки с древнейших времен. М., 1981. С. 195.

⁴² С. Roth. The Jewish Revolt Against Rome. The War of 66–70 c. e.// Commentary. 1959. Vol. 27.

умеренными фракциями⁴³. Однако якобинцы не уничтожили запасов продовольствия, напротив, посылали отряды, которые грабили провинции и привозили продовольствие в Париж. Такое впечатление, что сторонники последовательно социального толкования намеренно обходят все, что свидетельствует о стихийном иррациональном характере происходившего в столице Иудеи.

В качестве примера сошлюсь на аргументы Тессы Раджак. Возражая тем исследователям, чье внимание обращено прежде всего к иррациональным факторам, Раджак указывает на пример Иосифа: *«Если Иосиф, сам еврей I в. н. э., был в состоянии стоять на ногах, не отвлекаясь от стоящей перед ним проблемы, когда дело доходило до действий или до их описания, то те, против кого он выступал и кого презирал, могли делать то же самое»*⁴⁴.

На мой взгляд, восставшие не столько *могли*, сколько — *могли бы* поступать как Иосиф, однако они поступали иначе. Иосиф с помощью хитрости бежал из осажденной римлянами пещеры, в то время как его боевые товарищи предпочли покончить самоубийством. Он не шел в толпе фанатичных последователей лжепророков, не прятал под одеждой кинжал сикария, не обрекал себя на чудовищную казнь для того, чтобы отказать римскому императору в праве считаться его повелителем. Очевидно, пример Иосифа не самый удачный для того, чтобы представить себе психологию и мотивы поведения непримиримых защитников Иерусалима. На мой взгляд, их лучше поясняют тексты Кумрана.

Если посмотреть на внутренние распри в осажденном Иерусалиме глазами автора «Иудейской войны», следует заключить, что основой всего там происшедшего была глупость и бессмысленная злоба. Если же предположить, что лидеры восставших испытывали страсти и надежды, подобные тем, которые вдохновляли кумранитов, то в их поведении можно усмотреть внутреннюю логику. Восставших вела вера в исполнение божественного обетования и характерная сектантская нетерпимость по отношению к инакомыслящим. Идея очищения, в соответствии с которой предполагалось, что истинно верные последователи Учителя

⁴³ Общая сводка различных мнений в работе: Т. Раджак. Иосиф Флавий. С. 151 сл.

⁴⁴ Т. Раджак. Иосиф Флавий. С. 153–154.

праведности должны будут истребить не только чужеземных киттиев, но и всех попавших в сети Велиала — «*глумителей, которые в Иерусалиме*», «*тех, кто предал Тору и слово Святого Израиля*»⁴⁵, то есть священническую верхушку, вполне могла бы послужить оправданием того, что произошло в ходе восстания. Даже боевые неудачи не должны были смущать последователей Учителя праведности, их священные книги предупреждали, что на начальных этапах борьбы будут поражения⁴⁶.

Один из предводителей первого похода на Ашкелон, есей Йоханан (Иоанн), очевидно, знал содержание свитка «Война сынов Света против сынов Тьмы», в котором сохранилось предвидение временных неудач. Учитывая, что первым условием великой войны в этом свитке называлось собрание верных сынов Израиля из всех стран рассеяния, Йоханана должно было особо радовать, что его товарищем в походе был Сила Вавилонянин, представлявший еврейские общины Парфии. Это казалось точным исполнением пророчества, умолчавшего, впрочем, о том, что Йоханану и Силе было суждено погибнуть под Ашкелоном (ИВ 3.19[3.2.2]). Кумраниты присутствовали и в последнем очаге сопротивления восставших — в Масаде, которая продержалась еще несколько лет после взятия римлянами Иерусалима. При раскопках крепости был обнаружен фрагмент кумранского текста «Песни субботней»⁴⁷. Это не означает, что большинство вождей иерусалимских радикалов были членами кумранской общины, однако действия и zelотов, и сикариев идеально укладываются в рамки кумранских миропредставлений. Речь идет о принадлежности к родственным традициям, о близких понятиях.

Впрочем, я не хочу утверждать, что во всех случаях восставших вдохновляли только идеальные устремления, которых не пожелал понять Иосиф. Ни одна религиозная война в реальности не основывалась только на религиозных мотивациях, религиозные страсти реализовывались на фоне конфликтов, спровоцированных социальными противоречиями, эгоизмом, личными амбициями. Однако религиозный компонент срабатывал как катализатор, предельно обострявший и активизировавший все прочие факторы.

⁴⁵ Тексты Кумрана. С. 18.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ И. Тантлевский. История и идеология Кумранской общины. С. 181.

История Иудейской войны и, в особенности, история осады Иерусалима могут послужить показательным примером подобной ситуации.

Проблема, как представляется, не столько даже в идеологии, сколько в особенностях психологии, специфике ментальности. Так все элементы кризисного безумия, фанатизма и иррациональной одержимости можно усмотреть в поведении народных масс, откликнувшихся в 1917 году на атеистическую агитацию российских большевиков. Психология сектантства свойственна не только членам религиозных сект, точно так же идеология миллениаризма не сводится к четко выраженной религиозной мифологии. Она может быть подоплекой неких смутных ожиданий и устремлений, но реализоваться в самых энергичных, жестоких, безрассудных, даже самоубийственных поступках.

Однако, анализируя мотивы поведения иудейского общества первого века н. э., есть основание говорить о преимущественно религиозной мотивации. Несомненно, защитники города были уверены в своей неуязвимости и победе, что обуславливалось их фанатической верой в божественное покровительство. Когда Йоханан из Гуш-Халава говорил при своем вступлении в город: *«Даже если бы у римлян выросли крылья... они все равно никогда не смогли бы одолеть стену Иерусалима»* (ИВ 4.127[3.1]), это было не просто проявлением самонадеянности, но представляло собой характерную иллюзию, типичную для кризисного возбуждения. То же следует повторить и о пророках, которые буквально накануне падения города обещали спасение Божьей помощью (ИВ 6.286[5.2]). Фанатики, верившие в то, что их город является единственным местом обитания Бога, не могли принять мысли о том, что ему суждено оказаться в руках врагов. Даже тогда, когда римляне уже штурмовали Храм, нашелся «провидец», призвавший жителей Иерусалима искать спасения под защитой святого места. Тысячи людей откликнулись на этот призыв и нашли свою смерть под рухнувшей колоннадой.

Кризисные порывы, заставляющие людей поверить в чудесное решение стоящих перед ними проблем, — явление общераспространенное. В их основе категорическое нежелание принять реальность — люди скорее готовы довериться своей фантазии, нежели смириться с неизбежностью поражения. Однако это обстоятельство не исчерпывает феномена. Кризисные порывы не обязательно сводятся только к безумию. В критических ситуациях отдельные люди способны к проявлению поразительных способностей. Не буду говорить о пресловутых паранормальных явлениях, рассказы о которых не случайно адресуют к историям различных пророков. В описании войны достаточно ограничиться такими факторами, как способность к мобилизации духовных и физических сил, самоотверженность на поле боя. Воины, сражающиеся за веру, способны «творить чудеса», побеждая существенно превосходящие их армии врагов, которые не обладают подобной нравственной силой.

Кризисная психология составляет мощный ресурс религиозных войн. Если толпы крестьян, неожиданно откликнувшиеся на призыв Урбана II, проявили себя как безумцы, устремившиеся навстречу гибели, то отряды рыцарей, которые в то же время отправились в Иерусалим, смогли захватить святой город. В иудейской древности ярчайшим примером является опыт восстания Маккавеев, который вдохновлял инициаторов Иудейской войны. Во втором веке до н. э. их религиозный порыв словно вырвал Иудею из исторического сна. В то время, когда Антиох Эпифан попытался истребить духовное наследие Моисея, Иудея представляла собой крохотную провинцию, чьи границы очень недалеко отстояли от стен священного Иерусалима. После Маккавеев последовал стремительный взлет еврейской государственности. Однако попытка повторить маккавейское чудо имела своим следствием национальную катастрофу.

Так же как и блистательная победа Маккавеев, трагическая развязка Иудейской войны не уникальна. В истории колониальной экспансии Запада можно увидеть множество примеров, когда выступления сторонников кризисных культов, вдохновленных верой в свою чудесную победу, завершались их полным поражением и физическим истреблением. Подобные стимулы поведения могли помочь в сражениях, в которых сталкивались армии, обладавшие

близким боевым потенциалом, как в эпоху Средневековья. Однако огнестрельное оружие колонизаторов делало фанатическую целеустремленность безрезультатной и самоубийственной.

Аналогом огнестрельного оружия Нового времени явились во времена Рима такие орудия, как катапульты и баллисты, очень помогшие римлянам при штурме Иерусалима. Впрочем, в военной стратегии Рима решающая роль принадлежала не материальным приспособлениям, но социальной инженерии. Военное искусство римлян, унаследовавших более раннюю, греческую традицию, было построено на рациональных принципах, альтернативных идее одержимости. Это проявление уникальной особенности греко-римской цивилизации, окруженной множеством народов, культивировавших воинское исступление в стиле германских берсерков. Судя по содержанию поэм Гомера, в свое время греки также вели себя в сражении подобно неистовым северным варварам, однако в историю они вошли как дисциплинированные воины, построенные в боевую фалангу. Ярости и страсти была противопоставлена рациональная организация, построенная на координации общих усилий. Благодаря этому искусству были остановлены уже захватившие было Афины полчища персов. Позже десять тысяч греческих наемников, описанные в «Анабасисе» Ксенофонта, как нож сквозь масло, прошли по территории огромной персидской державы. Наконец, македонская фаланга Александра сокрушила Персию и дошла до Индии, чтобы распространить на этих огромных пространствах эллинистическую цивилизацию.

Римляне довели принцип рациональной боевой организации до совершенства и стали непобедимыми. Можно сказать, что они веками специализировались на укрощении неистовых храбрецов⁴⁸. После покорения Галлии в этой роли обычно выступали германцы, которые в течение почти полутысячелетия племя за племенем погибали в отчаянной попытке сокрушить мощь империи. В речи царя Агриппы, обращенной к жителям Иерусалима, — в данном случае не важно, говорил ли так сам Агриппа или эти слова приписал ему Иосиф, — восставшим напоминают о том, что римляне были способны справиться

⁴⁸ О столкновении римского боевого строя с берсеркским неистовством варварских народов специально писал Жорж Дюмезиль: *G. Dumezil. Neur et malheur du guerrier. Paris, 1969.*

даже с этими северными варварами: «Уж конечно, вам неоднократно приходилось наблюдать их телесную мощь и отвагу, ведь римляне повсюду держат при себе германских пленников. Этот народ занимает необозримые пространства, гордость их превышает их телесную силу, от всей души они презирают смерть и в гневе опаснее диких зверей» (ИВ 2.376–377[16.4]).

Во времена Иудейской войны свирепые германцы были бессильны против римского боевого строя. В борьбе с Римом восставшим не могло помочь самое самоотверженное поведение, основанное на фанатической вере в божественную помощь. И ярость zelотов, и хитрости сикариев были бессильны против испытанного столетиями боевого искусства римской армии. В Иудее столкнулись силы разного масштаба. Это все равно как если бы отчаянный всадник попытался на полном скаку остановить мчащийся на него электропоезд.

* * *

Иудейские восстания древности очень похожи на религиозные войны. Это лишь несколько завуалировано тем обстоятельством, что конфессиональная принадлежность к иудаизму в основном совпадает с национальной принадлежностью. Впрочем, активное участие, принятое в Иудейской войне идумеями и представителями правящей династии Адиабены, обратившейся в иудаизм незадолго до описываемых событий, позволяет подчеркнуть уже не национальный, но религиозно-конфессиональный характер происходящего. Это сознавали иудеи, начавшие войну ритуальным отлучением римлян от Храма. Осознавали это также и римляне. После победы над восставшими они ввели специальный еврейский налог, взимаемый со всех последователей иудейской религии, независимо от их участия или неучастия в событиях 66–73 годов. Последнее возмущение евреев против Рима — восстание Бар-Кохбы — было наказано законами, направленными уже против самого существования иудаизма. Особенностью иудейских религиозных войн явилось лишь то, что религиозными они были только для евреев, римляне же занимались обычным имперским делом — умирляли мятежную провинцию.

Нечто подобное повторилось позднее, в эпоху колониальных завоеваний Нового времени, когда мусульманские махдистские восстания пытались противостоять англичанам в Судане («Империя дервишей», созданная Мухаммедом Ахмадом) и французам в Сенегале (ал-Хадж Омар и его последователи). Аналогия с исламскими движениями позволяет, как мне кажется, лучше представить динамику общего процесса. В истории исламского мира можно найти немало примеров, когда длительная полоса спокойствия, словно полусонной дремы, оживляемой лишь выступлениями незначительных маргинальных групп, взрывалась возмущением, увлекавшим значительные массы людей. Еще в годы второй мировой войны, когда войска враждующих европейских стран без каких-либо проблем перемещались по огромным пространствам Северной Африки, Ближнего Востока, Ирана, никто не мог и представить себе, какие неистовые религиозно-политические страсти вспыхнут в тех же регионах спустя полстолетия.

Последний пример показывает также, что причиной подобных возмущений совсем не обязательно является ухудшение условий жизни. Скорее можно говорить о несоответствии реальности новым, существенно повышенным требованиям. При всех бестактностях римских префектов и прокураторов⁴⁹ их правление было более мягким, нежели правление Ирода. Уж во всяком случае, римлянам не приходило в голову запрещать жителям Иудеи собираться вместе. Тем не менее в новой ситуации чувствительность евреев явно повысилась. Находясь под властью Рима, они не желали смириться с такими преступлениями против закона, которые под страхом смерти им приходилось выносить в прежние времена (очень похоже на нынешнюю ситуацию в Ираке).

Ирод мог заставить жителей Иерусалима терпеть фигуру орла над храмовыми воротами, Понтий Пилат был не в состоянии пронести по улицам города знамена легионов. Трудно сказать, насколько соответствуют истине рассказы Иосифа об ограблении Иродом сокровищ царя Давида. Во всяком случае, жители Иудеи в это верили, однако они не смели призвать Ирода к ответу. Когда же на сокровища Храма покусился Флор, началось восстание.

Подводя итоги, можно сказать, что, несмотря на наличие в истории Иудейской войны каких-то случайных обстоятельств,

⁴⁹ До 41 г. Иудею правили римские префекты, после 44 г. — прокураторы. (Прим. *И. Левинской.*)

которые спровоцировали возмущение, ситуация была определена прежде всего внутренней логикой. Само умонастроение значительной части иудейского общества провоцировало это общество к возмущению. А уж реакция владык империи в такой ситуации являлась чем-то нормативным. Впрочем, по некоторым признакам можно заметить, что в Иудее даже традиционно безжалостное поведение римских солдат было все-таки нетрадиционно жестоким. Напомню рассказы Иосифа о готовности восставших евреев к претерпеванию страшных казней, столь напоминающих испытания, выпавшие на долю христианских мучеников. Это показатель не только иудейского, но и римского менталитета. Если евреи были готовы такие муки испытывать, то римляне были готовы евреев таким мукам подвергать. Сталкиваясь с непримиримыми фанатиками, римские легионеры вели себя с непримиримостью, для них необычной. В своем специальном сочинении, посвященном разоблачению юдофобских фантазий («Против Апиона»), это отмечал и Иосиф. Стараясь никого не обидеть, он деликатно объяснял своим римским и греческим читателям: *«Я считаю, что некоторые из тех, кто одерживал над нами победу, не из чувства ненависти к побежденным подвергали нас пыткам, но потому, что хотели посмотреть на удивительное зрелище — что есть какие-то люди, уверенные в том, что для них существует только одно зло — не выстоять и сделать что-то вопреки законам или нарушить их хотя бы единым словом»*⁵⁰.

Безусловно, лицеизрение пыток и казней веками было любимым народным развлечением. Однако полагаю, что в данном случае движущим стимулом организаторов таких акций было не просто «желание посмотреть на удивительное зрелище». Рациональных римлян самым искренним образом раздражали фанатические порывы, они воспринимали их как вызов и отвечали на него с предельной решительностью. Подобная психологическая реакция определила и решения римских наместников, которые отдавали приказания убивать мирных последователей лжепророков. Это напоминает ситуацию с христианами, столкнувшись с которыми, до манерности деликатный Плиний Младший превратился в безжалостного судью «отвратительного суеверия». Римляне были фатально непримиримы к тем религиозным движениям, которые выводили подданных империи за рамки

⁵⁰ *Флавий*. ПА 1.232(32).

установленных социальных норм. Похоже, что они испытывали к подобным иррациональным страстям своего рода инстинктивную ненависть.

В этих случаях проявились по-своему уникальные черты греко-римской цивилизации, чей темперамент просто исключал типичные для цивилизаций другого типа кризисные порывы. Совсем иные настроения были характерны для Иудеи. Еврейская древность напоминает в этом отношении скорее позднейшее христианское и мусульманское Средневековье, которое основывалось на унаследованной от иудейского мира авраамической традиции с присущей ей пафосной религиозностью, страстностью, готовностью к мученичеству и в то же время — пылкой неприязнью к иноверию. То же можно повторить и относительно феномена религиозной войны. Обычный для средневекового мира, он решительно выделяет Иудею из мира древнего.

Своеобразие такого культурного типа определило чужеродность иудейского феномена в окружавшем его культурном пространстве. Огромный римский мир был образован как пестрый мозаичный комплекс, в котором нашлось место для множества самых разных элементов — от учений галльских друидов до экстатических восточных культов. Однако, так или иначе, все эти традиции смогли найти способ мирного сосуществования с римской властью. А вот иудейская традиция вписаться в эту мозаику не смогла. Иудейская война представляла собой нечто подобное конфликту цивилизаций — сюжет, позволяющий вспомнить ставшую популярной в последние годы концепцию Самюэля Филлипа Хантингтона.

Сопоставление тем более актуально, что современный Запад отчетливо ассоциируется с Римом, тогда как древняя иудейская традиция по многим своим характеристикам кажется близкой миру ислама. Об этом так показательно напоминает опыт политического терроризма в Иудее, породивший использование заложников. Рим и Иудея представляли собой два разных цивилизационных типа, несовместимо разошедшиеся в историческом пространстве. По этой причине они были не в состоянии найти примирения. Конфликт между ними мог закончиться только аннигиляцией или перерождением одной из враждебных сторон. Расклад сил в этом противостоянии с неизбежностью обрекал на судьбу побежденного еврейский народ.

Глава четвертая

ДРАМА ДИАСПОРЫ. ГРЕКИ И ИУДЕИ

Представление о фатальной несовместимости римского и еврейского миров нельзя считать чем-то абсолютным и во всех случаях неизменным. Таковой оказалась лишь доминирующая тенденция. Историческая реальность была сложнее и содержала альтернативные возможности. В жизни иудейского общества неизменно присутствовали конформистские настроения и даже интерес к достижениям греко-римской цивилизации. Напомню об иерусалимских эллинистах, уничтоженных Маккавеями. И если в Иудее сторонники примиренческой позиции потерпели поражение, то на огромных пространствах еврейской диаспоры ситуация была иной. С точки зрения суровых ревнителей Закона, которые жили в Иудее, евреи, обитавшие в прочих странах, казались еретиками. В большинстве своем они испытывали уважение к окружающему их языческому миру и были равнодушны ко многим его достижениям. Другой вопрос, как относился сам этот мир к евреям. Если самому Риму и его провинциям, располагавшимся в западной части римского государства, агрессивная ненависть к евреям была чужда, то в Восточном Средиземноморье, особенно в Египте, сложилась совсем другая ситуация. Для того чтобы понять причины исторической драмы, которая завершилась уничтожением еврейских общин на Востоке, надо рассмотреть природу конфликта евреев с их недоброжелателями — египтянами и греками.

Египет — страна, которой было суждено играть совершенно особую роль в истории еврейского народа. Обретение Торы и пребывание евреев в Палестине связывается в иудейской традиции со спасением от египетского рабства. Исходу из Египта посвящен важнейший еврейский праздник Песах — Пасха, — который до нашего времени основывается на ассоциациях с преданиями о египетском пленении.

Автор Второзакония так обращается к каждому правоверному еврею: *«Если спросит у тебя сын твой в последующее время, говоря: “что значит сии уставы постановления и законы, которые заповедал вам Господь, Бог ваш?”, то скажи сыну твоему: “рабами были мы у фараона в Египте, но Господь [Бог] вывел нас из Египта рукою крепкою [и мышцей высокою], и явил Господь [Бог] знамения и чудеса великие и казни над Египтом, над фараоном [и над всем войском его] перед глазами нашими”*¹.

В том случае, если евреи забудут Божьи заповеди, им было обещано: *«...и возвратит тебя Господь в Египет на кораблях. Тем путем, о котором я сказал тебе: “ты более не увидишь его”; и там будете продаваться врагам вашим в рабов и в рабынь, и не будет покупателей»*².

Можно констатировать, что нечто подобное и произошло в реальности. Однако евреи оказались в Египте не по собственному желанию. Их пребывание здесь было очень полезным для этой страны. Уже властители персидской империи разместили на острове Элефантина еврейский гарнизон, который защищал ее южные границы. Боевые качества еврейских солдат оценили и последующие владыки Египта. Когда после распада великой державы Александра Великого Египет достался Птолемям, новые правители также старались привлечь к себе жителей Иудеи. Это было несложно, ибо в течение века Иудея находилась под контролем Птолемеев, нашедших здесь преданных подданных. Когда после 200 года до н. э. Иудею завоевали Селевкиды, иерусалимский первосвященник Ония бежал в Египет и с разрешения Птолемея Филометора основал новый храм, расположенный в городе Леонтополе. В течение более двух

¹ Втор 6:20–22.

² Втор 28:68.

с половиной столетий это святилище оставалось религиозным центром египетского еврейства.

Отношение Селевкидов к евреям тоже было терпимым. Как отмечал историк Моммзен: *«Евреи, благодаря их приспособляемости и уживчивости, с одной стороны, и ни перед чем не отступающему упорству, с другой, были особенно удобным материалом для государственного строительства»*³.

Эллинистические монархи в полной мере использовали этот социальный ресурс. Евреи селились в новых эллинистических центрах, и вскоре их число стало весьма велико: в столице государства Селевкидов — Антиохии, в новых городах, основанных Птолемеями в Киренаике, но особенно — в столице Египта Александрии.

Являясь самым значительным городом Восточного Средиземноморья, Александрия была и наиболее известным центром еврейского мира за пределами Иудеи. Не случайно египетские евреи являются единственными представителями диаспоры, к которым обращена одна из книг еврейской Библии (в основном совпадает с христианским Ветхим Заветом). Переводчик Наставления бен Сиры⁴ пишет во вступлении, что он совершил свой труд для того, чтобы сочинение его деда стало известно евреям Египта. Рассказывая о восстании против Антиоха Эпифана, автор Второй Маккавейской книги адресует свой труд в первую очередь «братьям Иудеям в Египте». Еще более показательно содержание Третьей Маккавейской книги, в которой описывается история спасения египетских евреев от злоумышлений Птолемея IV.

Судьба египетской общины занимала обитателей Иудеи более, нежели судьба еврейских обитателей какого-либо другого региона. По своему значению александрийская диаспора была для еврейского мира эпохи эллинизма примерно тем, чем стал позднее Вавилон. Однако в Вавилоне реализовалась традиционалистская линия развития иудейской культуры, увенчавшаяся составлением Вавилонского Талмуда, который стал духовной основой еврейского обособления. Александрия же прославилась переводом на греческий язык еврейской Библии — созданием так называемой

³ Цит. по: С. Лурье. Антисемитизм в древнем мире. С. 161–162.

⁴ В христианской традиции название этого сочинения переводят как Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова.

Септуагинты, ознаменовавшей движение еврейского общества навстречу окружавшему его грекоязычному миру.

Предание гласит, что перевод этот осуществили 72 мудреца, которые приехали в Александрию из Иудеи по приглашению основателя знаменитой Александрийской библиотеки Птолемея II Филадельфа. Хотя евреи Иудеи и диаспоры составляли общий мир, в котором происходил самый интенсивный обмен идеями, в разных центрах этого мира складывались различные ситуации. Как свидетельствует переводчик Наставления бен Сиры, евреи, обитавшие в Египте, не только забыли язык предков, но и отошли от многих отеческих установлений.

Конечно же, не все евреи Египта отказались от ортодоксальных идей и забыли иврит. Здесь пребывали и строгие ревнители Закона, и даже религиозные радикалы, подобные ессеям, которые образовали особую секту *терапевтов*⁵, однако они оставались в меньшинстве. В целом александрийская община отличалась открытостью к греческим веяниям, которые творчески здесь усваивались. Самый значительный еврейский мыслитель, родившийся в египетской диаспоре, — Филон Александрийский — осуществил в своем творчестве синтез иудаизма и греческой философии. Если бы культуре еврейской Александрии было суждено развиваться, иудаистская традиция, возможно, имела бы шанс обрести какие-то иные, не реализованные в исторической действительности формы. Этого не случилось, ибо александрийская диаспора была уничтожена.

* * *

Евреи, которые были переселены в Египет при Птолемеях, занимались самыми различными ремеслами. В Тосефте описывается, как молящиеся в Большой синагоге Александрии рассаживались по видам своей деятельности: *«Люди не сидели как попало, но собирались в группы по особым гильдиям и цехам. Золотых дел мастера сидели*

⁵ Некоторые исследователи оспаривают достоверность рассказа Филона о терапевтах. — О. Левинская. Община терапевтов: реальность или фантом // Вестник Еврейского университета. 1993. № 3. С. 56–77.

в своем месте, а серебряники — в своем; кузнецы занимали свой угол, а ткачи — свой...»⁶

Птолемию доверили евреям очень важные социальные функции. Выходцы из Иудеи защищали египетские границы, для чего в районе города Пелузий были созданы специальные их поселения, прикрывавшие доступ в страну с севера, евреи контролировали судоходство по Нилу, собирали налоги... Из их среды вышли даже командующие египетской армией. Бежавший из Иудеи Ония и Досифей возглавили войска вдовы Птолемея Филометора Клеопатры II и изгнали выступившего в качестве претендента на египетский престол брата Птолемея Филометора — Птолемея VII Фискона. Позднее Птолемию Фискону все-таки удалось захватить власть, однако после его смерти повторилась такая же ситуация. Вдова Фискона Клеопатра III Кокка в союзе с сыном Птолемеем Александром должна была защищать свой престол от претензий второго своего сына, Птолемея VIII Лафура, и также поручила командование египетской армией еврейским полководцам, сыновьям Онии Хелкию и Ананию. Впрочем, уже само участие египетских евреев в этих гражданских смутах свидетельствовало о том, что мирная эпоха для них заканчивалась. Начиналась пора испытаний.

Первые известные столкновения между египтянами и евреями относятся еще к персидскому времени — известно об одном инциденте, когда в результате нападения египтян на семьи еврейских солдат в Элефантине погибли пять человек. Понятно, что жители Египта, тяготившиеся персидским владычеством, не могли испытывать любви к союзникам их завоевателей. К тому же еврейский обычай приносить в жертву ягненка оскорблял религиозные чувства египтян, которые считали барана священным животным. Однако стычка в Элефантине не может свидетельствовать о какой-то устойчивой враждебности. Подобные конфликты происходили между обитающими рядом народами во все времена и во всех странах. Это ситуация, которую вслед за Тацитом можно было бы обозначить понятием *«обычной между соседями ненависти»*. Однако с течением времени ненависть обитателей Египта по отношению к евреям стала необычной.

⁶ Г. Аллон. История евреев Эрец-Исраэль в талмудическую эпоху. Т. I. Иерусалим, 1994. С. 16.

Вопрос о динамике процесса не вполне понятен, ибо в нашем распоряжении нет достаточно полной информации. Позднейшая еврейская традиция, запечатленная в Третьей Маккавейской книге, приписывает желание покарать еврейских подданных уже Птолемею IV. Однако историческая объективность таких данных весьма сомнительна — они содержат совершенно неправдоподобные детали фантастического характера и не подтверждаются независимыми свидетельствами. С большим основанием можно говорить о неприязни к евреям, которая проявилась в позднейших династических конфликтах. По свидетельству Иосифа, когда еврейские полководцы Досифей и Ония возглавили армию Клеопатры II, царица враждовала не только с Птолемеем Фисконом, но и с александрийцами (ПА 2.50[5]). Возможно, александрийские евреи и александрийские греки подержали тогда разных претендентов на престол.

С большей определенностью то же можно повторить о противоборстве между Клеопатрой III, которая вместе со своим сыном Птолемеем Александром боролась против другого своего сына — Птолемея Лафура. Согласно Страбону, когда посланные Клеопатрой III войска оказались на Кипре, где обосновался Лафур (в 107 г. до н. э.), большинство воинов перешло на его сторону и только еврейские солдаты сохранили верность царице⁷. Возможно, именно поэтому Лафур перенес потом боевые действия на территорию Иудеи, где сражался с войсками царя Александра Янная. Война была исключительно жестокой. Когда Лафур *«остановился в каких-то иудейских деревнях, где оказалось множество женщин и детей... он приказал своим воинам перерезать им горло, бросить в кипящие котлы и потом отведать. Он сделал так для того, чтобы спасшиеся с поля боя и вернувшиеся домой, ужаснулись бы увиденному и решили, что враги их — людоеды, еще более утрашились»*⁸.

После захвата Лафуrom Газы Клеопатра III послала против него своих еврейских полководцев. Хелкия погиб в сражении,

⁷ Штерн. Т. I. С. 270–271, № 99.

⁸ Штерн. Т. I. С. 273, № 101. Этот рассказ, без сомнения, является недостоверным. С. Лурье, который процитировал его в своей книге «Антисемитизм в древнем мире», позднее, готовя ее новое издание, отметил, что, к своему стыду, привел его как исторический факт (см.: Антисемитизм в древнем мире. С. 75, прим. 26). (Прим. И. Левинской.)

но Анания сумел добиться успеха. Это привело к союзу Клеопатры III с евреями, как в Египте, так и в Иудее. Порфирий рассказывает, что александрийцы враждебно относились к Птолемею Александру из-за того, что в своей борьбе с братом он опирался на еврейскую поддержку⁹. Согласно свидетельству Иордана, между евреями и александрийцами имели место какие-то конфликты в это время¹⁰.

Бесспорно, что события 38 года, когда в Александрии произошел еврейский погром, должны были иметь свою предысторию. Тем не менее это именно предыстория, ибо греко-еврейское противостояние более раннего периода реализовывалось в связи с династическими распрями. Некоторые авторы рассказывают о борьбе Птолемея Лафура и Птолемея Александра, вообще не упомянув о евреях¹¹, — отношение к ним александрийцев являлось в данном случае фактором второстепенным.

Более определенным свидетельством является египетская литература, которая свидетельствует о зарождении и установлении враждебности к еврейской религии и культуре. Как писал в этой связи Иосиф: «Египтяне первые начали с наветов на нас»¹². Оскорбительный для египтян рассказ Торы о пребывании в Египте Моисея провоцировал споры, отголоски которых сохранились и в Талмуде. Согласно агадическим рассказам, египтяне обратились к правосудию Александра Македонского, предъявив евреям счет за свои сокровища, похищенные при Моисее. Однако евреи добились решения в свою пользу: они потребовали возмещения стоимости работ, которые они осуществили, находясь в египетском рабстве.

Благодаря Иосифу Флавию известно и содержание тех рассказов, с помощью которых некоторые египетские авторы стремились доказать, что евреи являются недостойными людьми. Они уверяли, что евреи произошли от неких отщепенцев и прокаженных, которых изгнали в древности из Египта, а возглавивший изгоев Моисей являлся египетским жрецом-рenegатом. По этой, будто бы, причине законодатель

⁹ Штерн. Т. II. Часть 2. С. 113, № 457а.

¹⁰ Иордан. История римлян, 81. Подробнее об этом в комментариях Штерна (Штерн. Т. I. С. 271–272, № 99; Штерн. Т. II. Часть 2. С. 113, № 457а).

¹¹ Павсаний. Описание Эллады, 1.9.3; Афиней. Пир софистов, 12.73.

¹² Флавий. ПА 1.223(25).

евреев изобрел религию, намеренно оскорбительную по отношению к египетской традиции, и установил обычай приносить в жертву священных для египтян животных.

Не совсем понятно, когда впервые прозвучал этот рассказ. Родоначальником традиции чаще всего признается Манефон, живший в начале III века до н. э. Однако авторство этого египетского историка устанавливается благодаря тому, что на него ссылался Апион, которого пересказывали другие авторы, сами никогда Манефона не читавшие. Свидетельство не бесспорное, ибо недоброжелатели евреев, стремившиеся придать своим рассказам больше веса, иногда намеренно приписывали к своим единомышленникам прославленных писателей более раннего времени. Например, вопреки тому, что говорится в книге Иосифа о Посидонии из Апамеи, этот автор, вполне возможно, не был врагом еврейской религии¹³. По мнению ряда исследователей, то же относится и к Манефону¹⁴. С уверенностью можно говорить о нескольких позднейших египетских историях, которые развивали антисемитскую традицию. Так Лисимах рассказывал о нечестии евреев, разрушавших египетские храмы, и утверждал, что первоначальным именем Иерусалима было «Гиеросила» — то есть город «Святотатск» (ПА, I, 311).

Херемон — александриец, философ-стоик, происходивший из касты египетских жрецов, дополнил общий сюжет историей вмешательства богини Исиды, которая явилась во сне фараону и велела ему изгнать евреев за их кощунственные злодеяния. Однако особую известность получили измышления младшего современника Херемона — Апиона, которому было суждено соединить в своей деятельности теорию и практику «антисемитизма». Не ограничившись измышлениями, Апион выступил в качестве одного из подстрекателей нападения александрийцев на своих еврейских соседей, а потом возглавил делегацию, которая оправдывала погромщиков перед императором Калигулой.

Говоря о египетских истоках ненависти к евреям, необходимо иметь в виду, что речь шла не просто о соперничестве двух соседних народов. Став гражданами Александрии, евреи оказались в привилегированном положении по сравнению

¹³ Штерн. Т. I. С. 141 и 266 (Вступление к отрывкам из Посидония и Страбона).

¹⁴ Э. Дж. Бикерман. Евреи в эпоху эллинизма. М., Иерусалим, 2000. С. 267.

с египтянами, которые в государстве Птолемеев являлись представителями низшего сословия¹⁵. Их унижали во всех сферах существования, включая даже специфические формы наказания. Как свидетельствует Филон: *«В Александрии для наказания используются различные орудья в зависимости от положения наказуемых: одним кнутом бьют египтян и есть для этого особые люди, другими, плоскими — александрийцев, и палачи их — сами александрийцы»*¹⁶.

Очевидно, круглые в сечении кнуты легко рвали кожу и, в отличие от плоских, оставляли кровавый след. Во время гонений на александрийских евреев особое возмущение Филона вызывала ситуация, когда доставленных в театр на потеху публике почтенных евреев избивали неправильными — «подлыми» кнутами, предназначенными для египтян: *«И всего непереносимее, что евреев среднего сословия били теми кнутами, какими обычно наказывали людей свободных и полноправных граждан, важных же лиц — старейшин, так именуемых по возрасту своему и положению, унизили, истязая орудиями, предназначенными для египтян низшего сословия, причем виновных в тяжчайших преступлениях»*¹⁷.

Из-за привилегированного положения евреев египтяне им завидовали. По свидетельству Иосифа: *«Пока греки и македоняне владели этим городом, они никогда не устраивали против нас никаких гонений и позволяли нам жить по древним обычаям. Однако когда вследствие времени смут среди них возросло число египтян, то прибавилось и это явление»* (ПА 2.69[6]).

Можно представить, как радовались ставшие полноправными александрийцами недавние представители низшего класса, которые оказались свидетелями столь ужаснувшего Филона «неправильного» наказания. Рассевшись на театральных скамьях, они испытывали особенное удовольствие.

¹⁵ Вопрос о том, до какой степени можно доверять сообщению Иосифа о равноправном положении евреев в Александрии и других эллинистических городах, явился предметом научной дискуссии, в которой выдвигались самые разные толкования, вполне возможно, что полной ясности в этом вопросе не было уже в древности (*Штерн*. Т. I. С. 400. Прим. к № 166). Однако не подлежит сомнению привилегированное положение евреев по отношению к туземцам.

¹⁶ *Филон*. Против Флакка, 78[10].

¹⁷ *Филон*. Против Флакка, 80[10].

Впрочем, хотя александрийские граждане египетского происхождения и не забывали о своих египетских корнях, они предпочитали их не афишировать. Как замечает относительно Апиона Иосиф: *«Хотя он родился в египетском Оазисе и был, так сказать, чистейшим египтянином, он отрекся от своего настоящего отечества и народа, и, заявляя, будто он александриец, тем самым признал неполноценность своего происхождения»* (ПА 2.29[3]).

Усвоив греческую ученость, Апион объявил себя великим знатоком Гомера. Он был такого высокого мнения о своих дарованиях, что упоминал себя в одном ряду с такими мыслителями, как Сократ и Зенон. Не страдая чрезмерной скромностью, Апион заявлял, что *«почитает за счастье, что Александрия имеет такого гражданина»* (ПА 2.135[12]). Другой ненавистник евреев, Херемон, был известен не только как египетский жрец, но и как философ-стоик, то есть приверженец греческой традиции.

Насколько можно понять, александрийский гражданин египетского происхождения чувствовал двойную идентичность и не любил александрийских евреев сразу в обеих своих ипостасях. Как природный житель своей страны и вчерашний представитель низшего сословия он возмущался порочащими египтян еврейскими сказаниями об Исходе и незаслуженно высоким, по его убеждению, положением «еврейских выскочек». Однако ненависть к евреям не только удовлетворяла ревность египтянина, но была также и способом подчеркнуть свою причастность греческому миру. Как иронизирует по этому поводу Иосиф: *«Благородный Апион, по-видимому, своим поношением в нашу сторону как бы пожелал заплатить александрийцам за предоставленное ему право гражданства, и, зная их неприязнь к евреям, проживающим вместе с ними в Александрии, он решил опорочить их, а заодно — и всех остальных»* (ПА 2.32[3]).

Александрийские граждане греческого происхождения находились в том же театре, где бичевали евреев, и они также радовались тому, что еврейских старейшин наказывают «подлыми» кнутами. Общая ситуация в Александрии и сила, с которой влиял александрийский пример на города Сирии, свидетельствуют, что в Египте лишь обострился обший процесс греко-еврейского размежевания.

Среди преступлений, которые вменялись в вину евреям, была ненависть к грекам. Как полагают, у Аполлония Молона позаимствовал Апион свой рассказ об открытии Антиоха Эпифана¹⁸. Будто бы, захватив Иерусалим, царь обнаружил в Храме некоего человека, который рассказал о таком обычае евреев: *«Поймав какого-нибудь греческого бродягу, они в продолжение года кормят этого человека, затем, отведя в какой-то лес, убивают, тело его по своему обряду приносят в жертву и, вкусив от его внутренностей, во время жертвоприношения приносят клятву, что всегда будут ненавидеть эллинов»* (ПА 2.95[8]). Живший через три столетия после Апиона уроженец Кирены Синесий (ок. 365 — 413/414 гг.), описывая в письме к брату свое неудачное плавание на корабле, большую часть экипажа которого составляли евреи, замечает, что *«иудеи — пропащее племя, чтущее долгом благочестия уморить как можно больше эллинов»*¹⁹. В письме Синесия это звучит как мрачная шутка, привычное брюзжание, однако первоначально подобного рода обвинения предполагали буквальное понимание.

Надо сказать, что у строгих приверженцев иудейского закона, которые оставались на своей родине и действительно не любили греков и греческую культуру, о евреях диаспоры сложилось прямо противоположное мнение. Им ставили в вину слишком тесные контакты с иноверцами и даже обвиняли в язычестве. В повседневной жизни египетские евреи чаще всего пользовались греческим языком. Очевидно, и перевод Торы на греческий осуществлялся в Александрии потому, что большинство египетских евреев не владело уже древнееврейским²⁰. Вместе с языком усваивались и культурные навыки, обусловленные

¹⁸ Штерн. Т. I. С. 411. № 170.

¹⁹ Штерн. Т. II. Часть 2. С. 391. Приложение I, 14.

²⁰ Возможно, причина перевода еврейской Библии была не только в том, что египетские евреи перестали понимать древнееврейский язык, но и в желании Птолемея II Филадельфа познакомить грекоязычный мир с подлинной историей восточных народов. Э. Бикерман в книге «Евреи в эпоху эллинизма», с. 125 отметил, что перевод Библии был не уникальным предприятием, а составной частью процесса переводов восточных текстов — таким образом, интересы египетских евреев и эллинистического монарха совпали. (Прим. И. Левинской.)

практикой сосуществования с греческими соседями. Еврейские ученые, осуществившие перевод Септуагинты, вставили в текст рассказа об исходе из Египта особую заповедь: *«Богов не поноси»*. Именно на этом веками воспитывалось египетское еврейство. Филон, живший спустя три столетия после переводчиков Септуагинты, поучал: *«Не следует распускать языка и оскорблять поносными речами тех, которые считают богами не того, кого мы, дабы и они, выйдя из себя, не сказали чего-нибудь не подобающего об Истинно Сущем»*²¹.

Этот еврейский мыслитель мог с самым глубоким уважением говорить о греко-римских богах — Дионисе, Геракле, Диоскурах, Гермесе, Аполлоне, Аресе, защищая их от кощунственных претензий Калигулы, который хотел добиться божественного статуса: *«Все эти боги, Гай, снискали [людское] восхищение своими благодеяниями (да мы и теперь восхищаемся ими) и были удостоены поклонения и наивысших почестей»*²².

Можно представить, как должны были возмущать подобные изыски красноречия ревнителем благочестия из Иерусалима. Не только интеллектуалы, но и большинство самых обычных евреев, обитавших в диаспоре, шли на значительные компромиссы и предпринимали самые серьезные усилия, чтобы не оскорбить религиозных чувств своих греческих сограждан. В Египте евреи, возвращавшиеся из торговой экспедиции, иногда оставляли благодарственные надписи в святилище бога Пана-Путеводителя²³ — имя, которое по-гречески означает «Всё».

Ссоры с египтянами не могли иметь серьезных последствий для евреев, однако недоброжелательство греков было очень опасным. Греческая культура составляла основу средиземноморской цивилизации эпохи эллинизма. Вопрос об отношении к грекам и греческой образованности имел принципиальное значение для всех народов Востока. Египтянин Манефон, вавилонянин Беросс — каждый из них писал по-гречески историю своей страны, чтобы доказать полноценность своей культурной традиции, на которую опирались, будто бы, и сами греки. Евреи занимались тем же самым²⁴, у них возникало желание оспорить доводы предполагаемого

²¹ О монархии. I.7.

²² Филон. О посольстве к Гаю, 12.

²³ С. Лурье. Антисемитизм в древнем мире. С. 62.

²⁴ Э. Дж. Бикерман. Евреи в эпоху эллинизма. С. 259 сл.

конкурента. Разоблачая домыслы Манефона и Апиона, Иосиф стремился доказать читателям своего написанного на греческом языке труда, что евреи ближе к греческому культурному стандарту, нежели завистливые египтяне: «И разве не потому всех вас мы называем египтянами или вообще не почитаем за людей, что вы противно человеческой природе поклоняетесь животным, кормите их и всячески ублажаете?» (ПА 2.66[6]). Иосиф знал, о чем он говорит, — подобные обвинения в адрес египтян были понятными не только для евреев, но и для греков с римлянами, — напомним о сатирах Ювенала. Еще более показательны обращенные к египтянам слова греческого мыслителя Анаксандрида, которые приводятся в «Пире софистов» Афиней (7.55, р. 299 F):

*Я вам никак не мог бы стать союзником —
Ведь нравы и законы непохожие
У вас, от наших сильно отличаются:
Ты чтить быка, я жертвы приношу богам;
Ты молишься угрю с благоговением,
Мы им с благоговеньем угощаемся.*

Как и герой Афиней, александрийские греки презирали туземные египетские обычаи, однако громить они устремились все-таки евреев. Приходится констатировать, что в общей исторической перспективе все усилия евреев диаспоры доказать свою культурную полноценность оказались тщетными. Хотя у них нашлись свои доброжелатели, проникшиеся симпатией к еврейским обычаям, — пример римских юдофилов был в этом отношении не уникален, — общий итог оказался не в пользу еврейских общин Восточного Средиземноморья.

Почему это случилось? Стоит особо отметить характерные для начала XX столетия попытки ряда исследователей перенести в древность типичные для Средневековья и Нового времени обвинения евреев в жадности, имущественных притеснениях, ростовщичестве, гешефтмахерстве и пр.²⁵ При анализе подобных аргументов становится очевидной их неосновательность. Первое обвинение евреев в корыстолюбии прозвучало лишь в закатный для Римской империи период, уже в V веке н. э. В стихах Рутилия Намациана — уроженца южной Галлии, сделавшего чиновную карьеру в Риме,

²⁵ Об этом подробнее в: С. Лурье. Антисемитизм в древнем мире. С. 83 сл.

рассказывается о некоем еврее-арендаторе, который заставил поэта заплатить деньги за посещение роци вокруг арендованных этим евреем рыбных садков. Это страшное происшествие столь потрясло Намациана, что он заключил свой рассказ гневным проклятием:

*Хоть бы Помпея мечом и державством Тита вовеки
злых иудеев страна покорена не была! —
ныне же вширь от корней расплзается лютая язва,
и побежденный народ нас победивших гнетет*²⁶.

Корыстолюбивый арендатор, вызвавший столь страстное негодование Намациана, является единственным «жадным евреем», когда-либо упоминавшимся в древности, причем греческие источники о чем-либо подобном и вовсе умалчивают. Исследователи папирусов обнаружили, что во множестве дошедших до нашего времени документов об уголовных преступлениях евреи фигурируют непропорционально редко. Когда анонимный автор еврейского апокалиптического текста «Сивиллины пророчества» говорил о своем народе: «*Неизвестна им алчность, что является корнем неисчислимых болезней для смертных, / Причиной войн и чудовищных бедствий*»²⁷, он, конечно же, преувеличивал, однако похоже, что это преувеличение было не вовсе безосновательным. Преступления, связанные с присвоением чужого имущества, случались среди греков и римлян много чаще, чем среди евреев.

Не подтверждается и такое распространенное объяснение, как предполагаемая враждебность евреев к греческим верованиям и религиозным обычаям. Напомню о заповеди Септуагинты и поучениях Филона. Обвинения,

²⁶ Штерн. Т. II. Часть 2. С. 316, № 542. «Победа побежденно-го» — типичная риторическая фигура латинской речи, относившаяся у разных авторов также к сирийцам и грекам (примеры — Штерн. Т. I. С. 433, прим. к № 186). По отношению к евреям подобным образом выразился впервые Сенека, однако, при всей преувеличенности, у Сенеки данное словоупотребление отчасти оправдано, ибо речь идет о каких-то римлянах, усвоивших празднование субботы и другие еврейские обычаи. У Намациана эта риторическая формула уже лишена какого-либо смысла и употребляется по инерции, как привычная принадлежность «стандартного» набора обвинений в адрес евреев.

²⁷ Г. Аллон. История евреев Эрец-Исраэль в талмудическую эпоху. Т. I. С. 33.

выдвигавшиеся против евреев в греческой «антисемитской» литературе, основывались чаще всего не на реалиях повседневной жизни, но на измышлениях, относящихся к еврейской истории и религии.

Антисемитскую идеологию древности нельзя было бы понять, исходя из самой этой идеологии. Обвинения в адрес евреев порождены ненавистью к евреям, однако сами по себе они этой ненависти не объясняют. Показательно, что, декларируя отвращение к еврейскому обрезанию, греко-римский мир словно не замечает египтян, придерживающихся такого же обычая²⁸. Что касается евреев, то, не ограничившись рассказами об их обычае «уродовать» свои половые члены, греческие авторы приписывали им совершение подобной операции и с девочками²⁹. В том же ряду ссылки на еврейское воздержание от свинины и неприятие празднования евреями субботы и зажигания субботних свечей. Об этих еврейских обычаях говорили с таким пафосом не потому, что они сами по себе как-то особенно удивляли, но потому, что они отличали именно евреев.

О том, как работала антисемитская фантазия, преобразуя реальность в соответствие со своей внутренней логикой, можно проследить на примере оценки сексуального поведения евреев. Сами евреи были необычайно горды своей нравственностью и преданностью семейным ценностям, их шокировали свободные нравы соседей, их обычай посещать гетер и, в особенности, принятая в греко-римском мире практика гомосексуальных связей. Согласно Второзаконию, подобные отношения должны были наказываться смертью. В «Сивиллиных пророчествах» говорится, что евреи

*Больше, чем всякий народ, пекутся о святости брака,
И не совершают они нечестивого блуда с мальчишкой,
Как финикийцы, египтяне и латиняне*³⁰.

²⁸ Ранние греческие авторы, которые сообщали об обрезании без осуждения, в рамках этнографических описаний, отмечали, что обычай этот появился у египтян и был заимствован у них евреями и некоторыми другими народами. (Прим. И. Левинской.)

²⁹ Такого мнения придерживался о евреях Страбон (География, 16. 4. 9 и 16. 2. 37) = Штерн. Т. I. С. 314, № 118 и С. 302, № 115.

³⁰ Г. Аллон. История евреев Эрец-Исраэль в талмудическую эпоху. Т. I. С. 34.

Греки знали об этой особенности еврейской морали. Элегический поэт II века до н. э. Мелеагр в одном из своих шуточных стихотворений, обращенных к гетере Демо, иронизирует над еврейской пылкостью, считая ее парадоксом, достойным особого упоминания: «*И среди холодных суббот царствует пылкий Эрот*». Впрочем, для других авторов именно еврейская сдержанность послужила основанием для обвинения в особой, тайной развращенности. По словам Тацита, евреи «*избегают чужих женщин, хотя до крайности преданы разврату и в общении друг с другом позволяют себе решительно все...*»³¹. (Еще одна параллель с обвинениями в адрес христиан. Отличие только в том, что христиан подозревали не просто в сексуальных оргиях, но еще и в «*эдиповых связях*», то есть в склонности к кровосмесительному разврату).

О том, до какой степени фантастичны были представления большинства греческих интеллектуалов, лучше всего свидетельствует содержание «Застольных бесед» Плутарха, в которых описывается дискуссия, посвященная еврейским верованиям³². То обстоятельство, что евреи почитают в качестве Бога осла, представляется участникам этого ученого собеседования настолько очевидным, что даже не обсуждается. Такова исходная данность, отталкиваясь от которой, греческие авторы пытались решить другой вопрос — как следует объяснить еврейское воздержание от свинины. Значит ли это, что евреи поклоняются свинье, или же следует признать, что евреи относятся к свинье с отвращением?

Представление о поклонении евреям свинье станет впоследствии одной из популярнейших антисемитских фантазий эпохи Средневековья, однако эта идея была известна и в древности, о почитании евреями свиньи как бога говорилось уже в одном из стихотворений автора «Сатирикона» Петрония Арбитра³³. По свидетельству христианина Епифания: «*Одни говорят, будто Саваоф имеет облик свиньи, а другие — будто ослиный*»³⁴.

«Застольные беседы» Плутарха любопытны тем, что демонстрируют аргументы сторонников такой точки зрения.

³¹ Тацит. История, 5.5.

³² Штерн. Т. I. С. 548 сл., № 258.

³³ Штерн. Т. I. С. 446, № 195.

³⁴ Панарион, 26, 10 (Штерн. Т. I. Часть 1. С. 446, комментарии к № 195).

Один из участников дискуссии, Каллистрат, исходит из того, что несомненный для него факт поклонения евреев ослу сам по себе свидетельствует в пользу того, что это возможно и по отношению к свинье. В качестве доказательства Каллистрат указывает на то, что египтяне почитают и более нелепых животных, даже землеройку. Демонстрируя свою образованность, герой Плутарха сообщает попутно, что землеройка рождается в пятом поколении от мышей (причем происходит это только в новолуние), что почитаемый египтянами ибис при рождении весит столько же, сколько сердце новорожденного младенца, — две драхмы, что, если соединить прямыми крайние точки расставленных ибисом лапок и каждую из этих точек с клювом, то образуется равнобедренный треугольник, что львов египтяне почитают также и за то, что спят львы с открытыми глазами, которые во время сна поблескивают.

Дополнительным аргументом служит то, что Каллистрат связывает с предполагаемым еврейским культом осла воздержание евреев от мяса зайца. Он полагает, что заяц своими ушами похож на осла, то есть является как бы маленьким осликом. Таким образом оказывается, что евреи воздерживаются от мяса тех животных, которым они поклоняются.

Не менее затейливые аргументы приводит оппонент Каллистрата, который придерживается той точки зрения, что евреи испытывают к свинье отвращение. Среди прочего он указывает, что свинья (дикий вепрь), согласно легенде, убила Адониса. Адонис же является признанной ипостасью Диониса, а поскольку совершенно понятно, что бог евреев родственен данному божеству — об этом свидетельствует будто бы Праздник кущей и некоторые другие еврейские обряды, которые казались грекам похожими на дионисийские празднества, — то, стало быть, свинья евреям все-таки ненавистна.

Из содержания «Застольных бесед» понятно, что герои Плутарха жили с евреями по соседству, хотя очевидно, что сколько-нибудь близкого знакомства они не поддерживали и судили о соседях исключительно на основе фантастических слухов. Особо можно отметить, что к этому времени существовала весьма значительная по объему литература на греческом языке, написанная различными еврейскими авторами, надеявшимися заинтересовать читателя традициями своего народа³⁵.

³⁵ Об этом говорит Иосиф Флавий в предисловии к «Иудейским древностям»: «...Я взялся за предлежащее сочинение, полагая, что

Похоже, однако, что эти сочинения читали только сами евреи, удовлетворявшие таким образом свое национальное тщеславие, большинство же греческих интеллектуалов не желали тратить времени на подобные труды. Для Плутарха и людей его круга было очевидным, что иудаизм — это варварское суеверие. Впрочем, с таким же высокомерным любопытством говорят участники «Застольных бесед» о верованиях египтян и персов. Современники Плутарха просто не могли поверить в интеллектуальную полноценность представителя иной культурной традиции. Непроходимый культурный барьер отделял их от любого человека, чье образование не начиналось с изучения поэм Гомера. Стойкое нежелание иудеев отказываться от заблуждений предков ради эллинской учености представлялось им бесспорным свидетельством нелепого упрямства, и никакие объяснения не принимались.

Впрочем, известны и отдельные примеры более благосклонного восприятия греческими мыслителями иудаизма. Это было связано с убеждениями некоторых философов, видевших в Боге Высшее Существо, источник творения и первооснову космоса. Лишенный антропоморфных черт единый Бог евреев идеально соответствовал подобному представлению, о чем говорил уже Филон. Автор анонимного трактата «О возвышенном», создание которого относят к первой половине первого века н. э., утверждал: *«Законодатель иудеев, человек необыкновенный, ибо он сумел объять и выразить все могущество божества»*³⁶.

Следуя этой линии, философ Порфирий писал, ссылаясь на некий оракул Аполлона, что *«У евреев настолько великий Бог, что его трепещут сами божества»*³⁷.

В другом своем сочинении Порфирий заявлял, что чтимый евреями бог это *«второй по порядку бог, то есть demiург всего <мира>»*³⁸ — священный разум, формирующий вселенную.

Однако самое глубокое уважение к Богу евреев совсем не обязательно означало уважения к самим евреям. Например, географ Страбон (ок. 64 г. до н. э. — 20-е гг. I в. н. э.),

содержание его будет достойно возбудить интерес со стороны греков, так как здесь имеется в виду представить картину всех наших древностей и нашего государственного устройства».

³⁶ Штерн. Т. I. С. 365, № 148.

³⁷ Штерн. Т. II. Часть 2. С. 100, № 451.

³⁸ Штерн. Т. II. Часть 2. С. 101, № 452.

разделяя мнение о достоинствах религии Моисея, был при этом убежден в том, что все особенности иудейской традиции, которые противопоставляют евреев и греков (особо выделяется обрезание), являются свидетельством позднейшего вырождения благородного Моисеева учения³⁹. Принимая с симпатией концепцию иудейского монотеизма, греческий мыслитель с отвращением относился к реалиям иудаизма. Одно дело абстрактная идея Высшего Существа, лишённого тленных земных атрибутов, совсем другое — живой иудаизм с его непонятными для греков ритуальными предписаниями и обрядами.

Впрочем, все подобные изыски оставались достоянием очень узкого круга людей. Для обычного жителя Александрии философские спекуляции на тему божественной природы были малоинтересны, зато он прекрасно понимал такие вещи, как различия в культовой практике. Как говорил об этом Апион: «...если иудеи граждане, почему они не почитают тех же богов, что и александрийцы?» (ПА 2.65[6]). Тот же довод приводили во времена Августа недоброжелатели евреев из городов Малой Азии (ИД 12.126[3.2]).

При всех отличиях египетской и греческой религий между их представителями не было непреодолимой преграды. Поклонение египтян крокодилу или коту не мешали им, попав в Александрию, приносить жертвы греческим богам, покровительствовавшим этому городу. В свою очередь, при всем своем демонстративном презрении к египтянам греческие граждане Александрии многому у них научились. Например, их похоронный обряд со временем приобрел преимущественно египетские формы.

С иудаизмом все было иначе. Эта религия тяготела к закрытости, множество авторов древности считали, что законодатель Моисей специально устроил еврейские обычаи так, чтобы изолировать евреев от всех прочих народов. Даже евреи диаспоры, которые, пренебрегая мнением ревнителей традиции из Иудеи, посещали праздники своих греческих соседей, все же заботились при этом, чтобы рабы принесли вслед за ними особую кошерную еду и напитки. Эта бытовая деталь отражала суть общей ситуации. Евреи приходили к соседям, оставаясь со своим Богом, почитание которого всегда оставляло их в обособленном положении. Тут был явственно ощутимый ритуально-бытовой барьер, и самое искреннее желание пребывать в мире со своими греческими

³⁹ География, 16. 2. 37 = Штерн. Т. I. С. 302, № 115.

соседями не могло его уничтожить. Туземцы эллинистического и римского миров могли постепенно сливаться с греками, во времена Ювенала римляне часто уже не отличали сирийцев от греков. С евреями же ничего подобного не происходило, они оставались обособленными. Даже то обстоятельство, что у них был круг доброжелателей, как бы примкнувших к иудейской религии, — так называемые боящиеся Бога⁴⁰, в этом смысле ничего не меняло. Евреи были обречены на изоляцию, которая со временем породила ненависть.

В византийские времена, когда в тех же городах Восточного Средиземноморья евреи были уже весьма ограниченной, маргинальной группой, соперничество разделило партии приверженцев разных команд — «венетов» и «пралатов», то есть «голубых» и «зеленых», между которыми периодически происходили жестокие столкновения⁴¹. Оставляю для

⁴⁰ И. Левинская. Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры. С. 94 сл.

⁴¹ Деление на определяемые по цветам спортивные партии и связанное с этим соперничество восходит еще ко временам Римской империи, однако в эпоху Византии данная традиция получила совершенно особое развитие. Согласно Прокопию Кесарийскому: *«Издrevле жители в каждом городе разделились на венетов и прасинов, но с недавнего времени за эти имена и за места, на которых сидят во время зрелищ, стали расточать деньги и подвергать себя жесточайшим телесным наказаниям и даже постыдной смерти. Они заводят драки со своими противниками, сами не ведая, за что подвергают себя опасности, и быв, напротив того, уверенными, что, одержав над ними верх в этих драках, они не могут ожидать более ничего, как заключения в темницы, казни и гибели. Вражда к противникам возникает у них без причины и остается навеки; не уважаются ни родство, ни свойство, ни узы дружбы. Даже родные братья, приставшие к одному из этих цветов, бывают в раздоре между собой. Им нужды нет ни до Божьих, ни до человеческих дел, лишь бы обмануть противников. Им нужды нет до того, что которая либо сторона окажется нечестивой перед Богом, что законы и гражданское общество оскорбляются людьми своими или их противниками, ибо даже в то самое время, когда они нуждаются, может быть, в самом необходимом, когда отечество оскорблено в самом существенном, они нимало о том не беспокоятся, лишь бы им было хорошо. Стороною они называют своих сообщников... Не могу я иначе называть это, как душевной болезнью».* Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, вандалами и готами. Перевод С. и Г. Дестунисов // Записки Историко-филологического ф-та СПб. ун-та. 1867–1891. Т. 1–3. С. 301–304.

специальных социологических исследований вопрос, каким образом вспыхивают подобные конфликты, столь обычные как для глубокой древности, так и для нашего времени. Очевидно лишь, что у иррациональных страстей по определению не может быть рационального основания. Возможно лишь рациональное конструирование моделей социального поведения, в которых такие страсти реализуются. Если непримиримая враждебность возникает даже по причине разных спортивных пристрастий, то стоит ли удивляться, когда к подобным же результатам приводят религиозные отличия? Достаточно вспомнить историю XX столетия, чтобы заметить, как легко разгораются конфликты на конфессиональной почве, в нашем же случае речь шла о религии, вызывающе отличавшейся от общепринятых в эллинистическом полисе верований. Подлинной «виной» евреев в греческом мире явились не какие-то их особые деяния, но сам тот факт, что они были *иными*, точнее даже, что этих *иных* евреев оказалось очень много.

Напомню, что обитателей Рима, в отличие от обитателей Александрии, еврейская обособленность почему-то раздражала существенно меньше, во всяком случае, к погромам не побуждала. Полагаю, что решающими были социальные факторы, прежде всего особое положение еврейских общин в тех городах Восточного Средиземноморья, где, как в Александрии, общины эти по своему размеру мало уступали общинам греческим. Задаваться вопросом, почему в этой ситуации враждебность греков обрушилась именно на евреев, а не на финикийцев или какой-либо другой народ, по меньшей мере наивно. Финикийцы были просто малозаметны, египтяне — не важны, поскольку их низкая социальная позиция исключала возможность полноценного соперничества. Зато евреи находились в равном или в почти равном положении, и не заметить их на улицах Александрии было невозможно. Показательно, что сосуществование греков и евреев в городах материковой Греции, где их количественное соотношение было другим, не имело каких-либо катастрофических последствий.

Решающим обстоятельством, обрекшим евреев в некоторых центрах диаспоры на гонения и преследования, было их исключительно активное социальное продвижение — то заметное место, которое они заняли. Социальный эксперимент эллинистических монархов по вживлению еврейских

общин в организованные ими города-полисы оказался неудачным по той причине, что евреи реализовали его слишком успешно. Особенно преуспевающим было положение евреев в Египте, и если о времени зарождения «антисемитизма» можно спорить, то место его определяется с полной однозначностью. Это Александрия, где, по свидетельству Филона (Филон. Против Флакка 8[55]), два из пяти городских кварталов были заселены главным образом евреями. Подобная ситуация, сама по себе чреватая конфликтом, стала источником все нарастающего напряжения. Только власть Птолемеев, а потом римских наместников поддерживала здесь гражданское спокойствие. Когда же в правление Калигулы в Александрию прибыл наместник Флакк, решивший подыграть александрийским грекам, события не заставили себя долго ждать.

О том, что произошло тогда с евреями, можно судить по рассказу Филона, бывшего свидетелем происшедшего: *«А попав в руки черни, тотчас бывали они убиты, и трупы их тащили через весь город, топча и превращая в месиво, так что и предать земле было нечего. И многих тысяч других страдальцев уничтожали изощрившиеся в изуверстве, доведенные собственной свирепостью до зверского состояния недруги: стоило кому-нибудь из евреев где-то появиться, его тотчас побивали камнями или кольями, стараясь при этом не задеть жизненно важных органов, с тем чтобы страдания жертв продлить подольше. Иные, упоенные полной безнаказанностью, выбирали только самые жестокие оружия — железо и огонь, и многих порубили мечами, немало и пожгли. Вообразите, целые семьи: мужья и жены, родители и дети были преданы огню посреди города — не щадили безжалостные ни стариков, ни молодых, ни младенцев невинных; а если не хватало дров, они, собравши хворост, душили невинных дымом, и те умирали в еще более чудовищных муках, и было страшно видеть груды полусожженных тел. А если и хвороста неоставало, тогда дровами служила утварь самих несчастных, похищенная из домов: конечно, что получше тащили себе, а что похуже сжигали вместе с владельцами. А многих, еще живых, тащили за ногу, привязав веревку к лодыжке, и одновременно топтали; над теми, кто умер такой дикой смертью, эти люди продолжали глумиться с не меньшей яростью: не было улочки*

в Александрии, по которой не протащили бы труп, покуда кожа, мясо и сухожилия не истирались о неровную и каменистую поверхность земли, покуда все части, когда-то составлявшие единство, не отрывались друг от друга и тело не превращалось в ничто. При этом убийцы разыгрывали из себя страдальцев, а родственников и друзей страдальцев подлинных только за одно сочувствие к близким хватали, бичевали, колесовали, а после всех мучений, которым только можно подвергнуть человека, их ждала последняя из казней — крест»⁴².

Можно вспомнить в этой связи о нравах греков классической эпохи — периода их свободы, предшествовавшего эпохе эллинизма. Мысль о надругательстве над телом врага казалась в том мире чудовищной. Когда некий уроженец острова Эгина предложил победителю персов при Платее спартанцу Павсанию отрубить голову и пригвоздить тело вражеского вождя к столбу, дабы отомстить за бесчинства его солдат, Павсаний ответил: «...Ты низвергаешь меня до ничтожества своим предложением ругаться над трупом и заявлением, что я прославлюсь больше, если поступлю таким образом. Действия эти более приличествуют варварам, нежели эллинам, но ведь они за то и ненавистны нам»⁴³.

Спустя несколько столетий греки, обитавшие в городах эллинистического мира, стали вести себя как «приличествует варварам». Это относится не только к евреям — в правление императора Деция по призыву какого-то местного пророка александрийская чернь будет также грабить, пытать и сжигать заживо христиан⁴⁴.

⁴² Филон. Против Флакка, 9.

⁴³ Геродот. История, 9.79.

⁴⁴ «...Какой-то пророк и виновник бедствий этого города, кто бы он ни был, стал возбуждать и натравливать на нас языческую толпу, разжигая их родное суеверие. (2) Подученные им язычники решили, что всякое злодеяние им дозволено и что благочестивое почитание демонов требует одного — убивать нас. (3) Первыми они схватили старца Метру и приказали ему богохульствовать; он отказался, его стали бить палками по телу и колоть острым тростником лицо и глаза, затем вывели за город и побили камнями. (4) Верующую женщину, именем Квинту, привели в капище и заставляли кланяться кумирам; она с отвращением отворачивалась; ей связали ноги и протащили через весь город по острым камням мостовой, бичевали, толкали на мельничные жернова и,

Одним из главных поводов к войне 66–73 годов было происшествие в основанной Иродом Великим приморской Кесарии. Приложив огромные усилия для того, чтобы соорудить большую, огороженную от бурного моря гавань, чьи размеры превышали знаменитый афинский Пирей, Ирод основал здесь образцовый город с огромными помещениями для складов, со зданиями, построенными из белого камня, с параллельными улицами, а также с системой канализации, соединенной с морем. Все было рассчитано так, чтобы морские приливы и отливы эту систему очищали. Наряду с цирком и театром, где развлекались граждане Кесарии, градостроители предусмотрели также круглую площадь перед гаванью, по которой могли погулять и размяться сошедшие с кораблей мореплаватели. Над городом возносился огромный храм, посвященный Августу, украшенный статуями императора и богини Рома (олицетворения Рима). Еще больших размеров статуи были воздвигнуты при входе в кесарийскую гавань.

В устройстве Кесарии воплотилось все градостроительное искусство своего времени, была допущена только одна, но принципиальная ошибка. Город был заселен двумя приблизительно равными по численности общинами — иудейской и языческой (Иосиф Флавий называет кесарийцев-язычников то греками, то сирийцами), что породило непримиримый внутренний конфликт. Стычки между молодежью переросли во вражду двух народов. После того как Кесария стала местом пребывания римского наместника, здесь был размещен римский гарнизон, состоявший преимущественно из сирийцев. Они неизменно вступались за кесарийцев-язычников. Наместники также были склонны поддержать их сторону.

Более чем полувековое соперничество завершилось самым трагическим образом. Когда войска Гессия Флора вторглись в Иерусалим и там начались волнения, кесарийцы-греки (сирийцы) воспользовались этой ситуацией, напали на кесарийцев-евреев и перебили их. Немногие спасшиеся

приведя туда же, куда Метру, убили. (5) Затем все единодушно устремились на христианские дома; каждый врывался к знакомым и соседям, тащил и грабил. Вещи подороже забирали себе, дешевые и деревянные выбрасывали и жгли на улицах; казалось, город взят неприятелем» (Евсевий. Церковная история, 6.41).

были по приказу Флора схвачены римскими солдатами и, как пленные, помещены в помещение корабельных верфей. Это вызвало общее возмущение и нападения на греков по всей Иудее, что, в свою очередь, привело к эскалации конфликта. Иудейское восстание дало греческим обитателям палестинских и сирийских полисов повод расправиться со своими еврейскими согражданами. Случившееся в Кесарии повторилось в Тире, Птоломаиде, Ашкелоне... Особо можно отметить ситуацию в Дамаске, где длительное сосуществование привело к столь тесным связям между общинами, что замыслившие избиение еврейских сограждан жители города должны были хранить свой план в тайне от собственных жен. Еще более драматичной была судьба еврейских граждан Скифополя, которые выступили на стороне греков против отрядов восставших, но через три дня были истреблены своими же союзниками (ИВ 2.466–468[18.3]).

Конфликт перекинулся и в Александрию. После того как в собрании греков были убиты несколько представителей еврейской общины, толпа евреев устремилась отомстить обидчикам. Наместником Египта, стоявшим во главе александрийской администрации, был в то время отпрыск известной еврейской фамилии Тиберий Юлий Александр. Он приходился племянником философу Филону, его отец Александр прославился тем, что пожертвовал для девяти ворот, ведущих через ограду Иерусалимского Храма, золотую и серебряную облицовку с украшениями. Однако честолюбивый юноша предпочел отречься от иудаизма. Это открыло для него возможности блистательной карьеры римского чиновника, увенчавшейся должностью наместника Египта. В этом качестве Тиберий Александр поддержал императорские претензии Веспасиана, за что впоследствии был даже удостоен статуи в Риме (злослычный Ювенал пошутил и на эту тему). Демонстрируя пренебрежение к судьбе соплеменников, Тиберий Александр принял самое деятельное участие в осаде Иерусалима, выступив здесь в качестве ближайшего помощника Тита. Однако первое его столкновение с восставшими евреями произошло еще в 66 году, когда волнения охватили Александрию. Наместник бросил против взбунтовавшихся два римских легиона, которые оттеснили невооруженную толпу в еврейский квартал, так называемую Дельту, и устроили там побоище. Уже после окончания Иудейской войны, в 73 году был закрыт главный центр

египетских евреев — старинный храм в Леонтополе, основанный некогда первосвященником Онием.

Безжалостно подавляя возмущения, римские власти тем не менее предпочитали их предотвращать. После победы над восставшими они вывели из внутренних районов Иудеи вспомогательные войска, состоявшие из греков и сирийцев, так как их поведение слишком часто приводило к скандалам и провоцировало возмущения. Однако в диаспоре избежать такого соседства было невозможно. После падения Иерусалима общая ситуация, казалось, поощряла агрессию против евреев. Торжествующие александрийцы стремились развить успех и добиться окончательной победы. Расследование, проведенное Траяном, показало, что восстанию 115–117 годов предшествовала провокация, связанная с заключением каких-то невинных людей в тюрьму и оскорбительными шествиями по улицам Александрии. Очевидно, однако, что, так же как и в восстании 66–73 годов, провокация явилась лишь последней каплей, спровоцировавшей уже назревший взрыв.

Можно отметить определенную динамику в развитии настроений евреев африканской диаспоры. Похоже, что погром 38 года был для них полной неожиданностью — об этом свидетельствует то, что предшествовавшие погрому массовые обыски, спровоцированные слухами об оружии, которое якобы хранят у себя члены еврейской общины Александрии, ничего не дали⁴⁵. Евреи были уверены, что римская власть должна их защитить. Иначе сложилась ситуация 68 года. После избиения греками нескольких евреев толпы их сородичей атаковали здание, где укрылись зачинщики ссоры, и только вмешательство римских легионов смогло их защитить. Несомненно, обитателей африканской диаспоры возбуждали сведения о восстании в Иудее. В Египет бежала группа сикариев. Один из них, которого звали Ионатан, объявился в Кирене и, действуя в полном соответствии с традициями иудейских лжепророков, *«смог привлечь на свою сторону немало людей из беднейшего населения и вывел их в пустыню, обещая показать знамения и чудеса»* (ИВ 7.438[11.1]).

Однако это выступление встревожило лидеров еврейской общины Кирены, призвавших римлян. Те перехватили последователей Ионатана в дороге и вырезали безоружную толпу.

⁴⁵ Филон. Против Флакка, 86–91 (11).

Точно так же евреи Александрии выдали римлянам бежавших из Иудеи сикариев. Вскоре египетским евреям предстояло столкнуться и с множеством других своих сородичей. Согласно свидетельству Иосифа, Фронтон — друг Тита, распорядившийся судьбой пленных, захваченных в Иерусалиме, *«всех, кто был старше семнадцати лет, в оковах отправил в Египет на каторжные работы»* (ИВ 6.418[9.2]).

Среди евреев этого возраста могли быть и уроженцы Египта, оказавшиеся в осажденном городе из-за желания присутствовать на празднике, который совпал с началом осады.

Мы не располагаем достаточно полными свидетельствами, чтобы определить, какие факторы оказали наибольшее влияние на общие умонастроения евреев африканской диаспоры. Можно, однако, констатировать, что через сорок лет эти умонастроения изменились самым решительным образом и веками практиковавшиеся нормы поведения, предполагавшие подчеркнутую лояльность по отношению к власти, были отвергнуты. В 115 году евреи взяли за оружие и боевые действия охватили огромные территории Киренаики, Нижнего Египта, Кипра. Восставшие осадили Александрию, где подверглась очередному избиению местная еврейская община. В то же самое время римские войска, находившиеся на территории Парфии, столкнулись с раздражением против них здешних евреев, что спровоцировало конфликт и в этом регионе. Показательно, что александрийский историк Аппиан называет события в Александрии войной⁴⁶, а Артемидор говорит о восстании в Кирене в своем «Соннике», как об Иудейской войне⁴⁷.

Аппиан, бывший непосредственным свидетелем и едва не ставший жертвой восстания, оставил любопытный рассказ, который относится к этому времени. Желая поделиться своими впечатлениями о гадании у арабов, Аппиан вспоминает, как он спасался бегством и арабский проводник вел его по пустынной местности недалеко от города Пелузий. Уже при первых Птолемах евреи были поселены в этой области, дабы защищать страну от вторжений из Азии. Описывая напряженное внимание проводника, который вслушивался в карканье вороны, чтобы услышать в нем свою судьбу, Аппиан передает атмосферу страха, которая их охватила.

⁴⁶ Штерн. Т. II. Часть 1. С. 177–178. №. 348.

⁴⁷ Штерн. Т. II. Часть 1. С. 310, № 396

В какой-то момент совершенно деморализованные своим положением путники потеряли дорогу к переправе, но эта ошибка оказалась спасительной. Лодку, в которой они рассчитывали переправиться, захватили евреи и перебили всех пассажиров.

О чудовищном ожесточении сторон свидетельствует и то, что среди египтян распространились слухи о людоедстве евреев. Археологи обнаружили папирус с письмом Евдемонис, матери стратега Аполлония, которая просит богов не допустить, чтобы иудеи зажарили ее мальчика⁴⁸. Возможно, эта фантазия восходит еще к домыслам Аппиона, уверявшего, что иерусалимские иудеи раз в году приносят в жертву грека и поедают его плоть, однако в ситуации вооруженной борьбы, сопровождавшейся массовыми убийствами, страшные сказки о злых евреях приобрели новую форму. Об этом свидетельствует сообщение Диона Кассия: «...Иудеи в Кирене и окрестностях ее... истребляли римлян и эллинов: мясо их ели, кишками их препоясывались, в кожу их одевались, а иных многих распиливали надвое от самой макушки, а иных отдавали диким зверям, а иных принуждали биться навроде цирковых поединщиков, и так погубили общим счетом двести двадцать тысяч. И в Египте творили они много сходного, а еще на Кипре предводительствуемые неким Артемионом, так что сгубили они на сем острове двести сорок тысяч людей»⁴⁹.

Сообщение Диона Кассия о каннибализме и сотнях тысяч людей, погибших от рук восставших, свидетельствует прежде всего о пылкой фантазии его информаторов и общей их склонности к преувеличениям. Тем не менее многие литературные и эпиграфические источники, подтверждаемые также археологическими данными, говорят о страшных разрушениях и опустошении африканских земель. Орозий сообщает, что эти территории были заселены вновь лишь после того, как император Адриан вывел туда новые колонии⁵⁰. Жители Оксиринфа спустя еще много лет

⁴⁸ М. Пучи. Еврейское восстание в Египте в период правления императора Траяна // Евреи Римской империи в эпоху Талмуда (период Мишны — с 70 по 220 гг. н. э.). Открытый университет. Израиль, 1999. С. 258.

⁴⁹ Римская история, 68.32.1–2 = Штерн. Т. II. Часть 2. С. 57, № 437.

⁵⁰ «По всей Ливии учинили они над поселянами страшную резню, и толико из-за убиения землепашцев оказалась сия страна забро-

отмечали годовщину победы над восставшими евреями как радостный праздник⁵¹.

Что же двигало евреями Кирены и Египта, точнее говоря, на что они рассчитывали? Судя по тому, что Евсевий в «Церковной истории» упоминает вождя восставших — царя Лукуаса, можно предположить, что киренские евреи надеялись на возрождение иудейского царства и восстановление Храма. Очевидно, с этим связывались мессианские ожидания. В сущности, если бы участники восстания исходили из сугубо рациональных расчетов, они никогда не начали бы войну против столь явно превосходившего их противника⁵². Как написал об этом Евсевий: *«Император выслал против них Марция Турбона с пешим войском, флотом, а также с конницей. (4) Турбон вел долгую и упорную войну, много раз вступал в сражения и перебил тысячи тысяч иудеев не только киринейских, но и живших в Египте, пришедших на помощь своему царю Лукуасу»*⁵³.

Ссылка на мессианские мечтания и бурные страсти не означает, однако, забвения реальности и потерю здравого смысла. Если бы евреи Кирены вели себя подобно последователям лжепророков и, ожидая чуда, двигались безоружными толпами по пустыне, не было бы многолетней войны, была бы только однодневная резня. Столь внушительная военная кампания требовала предварительной подготовки и серьезной активности. Надо было откуда-то достать оружие, решить различные организационные вопросы. Это для племени кочевников, живущих набегами и грабежом, легко и просто отправиться на войну. А ведь

шена, что, когда бы затем император Адриан, в других местах собравши людей, не вывел туда колонии, так бы и осталась вовсе запустелою земля, насильственно лишенная обитателей». Орозий. 7.12.6 (Штерн. Т. II. Часть 2. С. 58, прим. к № 437).

⁵¹ М. Пучи. Еврейское восстание в Египте в период правления императора Траяна. С. 258.

⁵² Моджеевский считал, что план восстания не был настолько самоубийственным, как это на первый взгляд представляется (см.: J. M. Modrzejewski. The Jews of Egypt from Ramses II to Emperor Hadrian. Edinburgh, 1995, 205). Египет был основной житницей Рима, и его потеря была бы страшным ударом для империи. При этом, захватив в Египте ключевые позиции на суше и море, его можно было удерживать ничтожно малыми силами против огромной армии (Тацит. Анналы, 2.59). (Прим. И. Левинской.)

⁵³ Евсевий. Церковная история, 4.2.3 (перевод М. Е. Сергеевко).

восставшие были, по большей части, горожанами, чьи предки веками жили в тех центрах, откуда начался их боевой поход. К сожалению, обстоятельства великой войны африканской диаспоры и Кипра остаются неизвестными. Имена вождей, сплотившихся вокруг Лукуаса, их роль и взаимоотношения, история первых успехов и финальные поражения, места сражений, эпизоды с героями, злодеями, предателями, участь пленных — в нашем распоряжении нет чего-либо подобного тем детальным описаниям, которые содержатся в сочинениях Иосифа Флавия. Как пожар, эта война опалила огромные территории, унесла жизни тысяч людей, но о ней известно лишь, что была осаждена Александрия и сам факт разгрома. В Талмуде есть лишь одно замечание, посвященное событиям того времени: «...И текла кровь по морю в сторону Кипра, и прибавлялась кровь к их крови»⁵⁴.

⁵⁴ Иерусалимский Талмуд. Сукка, V, 55 б. = Штерн. Т. II. Часть 2. С. 60. Прим. к № 437.

Глава пятая

ПОСЛЕДНИЙ АКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМЫ. БАР-КОХБА — ГЕРОЙ ИЛИ БЕЗУМЕЦ?

События 66–73 годов явились переломным моментом в ходе еврейской истории. Иосифу, любовавшемуся некогда сказочным великолепием столицы Иудеи, суждено было увидеть, как великий Храм превратился в груды развалин и, подобно миражу, исчезли колоссальные башни и пышные дворцы Иерусалима. На их обломках погибли тысячи людей, из исторической реальности навсегда ушли целые классы и религиозные движения, волновавшие некогда иудейское общество. Саддукеев, как представителей аристократии, истребили по большей части сами евреи — zeloty и сикарии. Зелотам и сикариям, вместе с большинством ессеев, было суждено погибнуть от рук римских солдат. Уцелевшие ессеи скрылись. Очевидно, они влились в иудео-христианские общины, секты сампсеев, элкасаитов, мелхиседекиан. Судя по тому, что одно из важнейших кумранских сочинений — так называемый Дамасский документ — было обнаружено в генизе (хранилище) каирской караимской синагоги, можно предположить, что кумранское учение повлияло как-то и на становление этого религиозного движения, обособившегося от иудаизма в VIII веке.

Итак, трагические события 66–73 годов решительным образом изменили характер иудейского общества. После гибели Храма единственными еврейскими святынями стали Тора и Закон. Началась многовековая работа по кодификации Устной Торы, которая завершилась созданием Талмуда. Последствия разрушения Храма оказались необратимыми, начался новый этап в истории иудаизма и судьбе еврейского народа. Впрочем, современники разрушения Храма

не могли этого предвидеть. Они основывались на историческом прецеденте — в конце концов, Первый Храм погиб при нападении войск Навуходоносора, но позднее был воздвигнут Второй Храм. Когда через двадцать с небольшим лет после падения Иерусалима Иосиф представил читателям свой труд «Иудейские древности» (это сочинение было издано между 93 и 94 гг.), он, следуя традиции Второзакония приписал пророку Моисею предсказание, что после того как евреям будет суждено прогневать Бога и они *«подвергнутся бедствиям, ...землю их займут враги с оружием в руках... будут разрушены города их, а храм сделается жертвою огня... сами они будут проданы в рабство...»*, но все-таки *«Господь Бог, сотворивший вас, возвратит города и храм вашим потомкам»*. С явным намеком на события своего времени Иосиф добавил от имени Моисея: *«Впрочем, такое несчастье постигнет их не один, но много раз»* (ИД 4.312–314[8.46]). Иосиф несомненно был убежден, что за Вторым Храмом, возможно даже в самое ближайшее время, появится Третий Храм.

Однако это не входило в планы римлян, о чем свидетельствует еврейский налог, введенный ими после Иудейской войны для еврейских подданных империи. Храмовый налог был заменен еврейским налогом (*fiscus Iudaicus*), который предназначался для римского храма Юпитера Капитолийского, сгоревшего во время сражений между сторонниками Вителлия и Веспасиана. В представлениях римлян это было совершенно особенное святилище. По преданию, его воздвигли еще в древнейшие времена царей, культ Юпитера Капитолийского являлся гарантом единства народа и мощи Рима. Почему же именно евреи должны были теперь оплачивать его возрождение и содержание? Инициатор нововведения, Веспасиан, отличался редкой изобретательностью в отыскивании поводов для взимания денег. Светоний считал, что скупость и сребролюбие были единственным его пороком¹.

Однако еврейский налог продолжал взиматься и после смерти этого императора. Очевидно, его учреждение не сводилось к какому-то сиюминутному капризу, но воплощало принципиальное отношение Рима к евреям. Об этом свидетельствует и тот факт, что размер налога сохранялся даже тогда, когда из-за инфляции реальная ценность суммы

¹ Светоний. Божественный Веспасиан, 16–19.

существенно уменьшилась². Речь шла о деянии символического характера. Римляне были не столько заинтересованы в деньгах, сколько обозначали свое намерение препятствовать возрождению Храма.

Это, конечно же, огорчало евреев, хотя в материальном отношении возложенное на них наказание не было слишком тяжелым. По-настоящему пострадали от него лишь те представители римской знати, которых преследовал Домициан, ложно обвиняя их в иудействе. Римляне не стремились как-то особенно наказывать побежденных. Даже римское простонародье решительно отличалось в этом отношении от александрийцев или антиохийцев. И, наслаждаясь видом мучений еврейских пленников, ставших жертвами зверей на арене цирка, римляне не следовали примеру разъяренной греческой толпы, изощрявшейся в изобретении чудовищных пыток, описанных Филоном Александрийским. Тут иной темперамент, иные ценности. Римляне получали удовольствие от кровавых зрелищ, но непосредственное участие в расправах над беззащитными пленными — совсем другое дело. В Риме торжествовала идея порядка, которая исключала подобную анархическую несдержанность.

И дело не только в темпераменте. Сколько бы не повторяли образованные римляне антиеврейские измышления своих греческих учителей, греко-еврейский и римско-еврейский конфликты имели принципиально разную социальную природу. В первом случае это была ожесточенная борьба между представителями одного полиса — Александрии, Кесарии, Антиохии и пр., во втором — борьба империи с жителями непокорной провинции. Если обитатели городов Восточного Средиземноморья хотели изгнать или ограничить в правах своих еврейских сограждан, то главной задачей Рима было удержание Иудеи и восстановление спокойствия в тех районах Африки, которые были охвачены еврейскими волнениями. Римляне выступали как гаранты имперского порядка. Разгромив восставших, победители не собирались мстить провинции, уже наказанной обрушившимися на нее бедствиями войны. Быть может, со временем они смогли бы пойти навстречу жителям

² Э. М. Смолвуд. Евреи под властью Рима // Евреи Римской империи в эпоху Талмуда (период Мишны — с 70 по 220 гг. н. э). Открытый университет. Израиль, 1999. С. 229.

Иудеи и позволить им восстановить святилище — это произошло позднее, во времена Юлиана Отступника, однако ближайшие события предельно ожесточили имперскую администрацию.

После победы войск Тита жители Иудеи были вынуждены смириться с тем, что в священном Иерусалиме размещен римский легион, а вместе с ним и языческие храмы, необходимые для расквартированных в городе солдат. Однако *«в том, что касается экономической ситуации, провинция очень быстро оправилась от войны. Не существует свидетельств продолжительных волнений в провинции в первые годы после войны. Нет также свидетельств вмешательства римских властей в исполнение заповедей еврейской религии. Административные реформы, проведенные Римом, соответствовали интересам еврейского населения, хотя такое соответствие и не являлось основной целью их проведения... послевоенная позиция римлян была умеренной и конструктивной»*³.

И во время войны в Иудее многие евреи не разделяли воззрений бунтарей. Хранителей ортодоксальных традиций все подталкивало к движению в сторону Рима. Их многому научили эксцессы восстания, в ходе которого были убиты множество священнослужителей. Они помнили, что кедры, заготовленные Агриппой Вторым для украшения Храма, использовались партией Йоханана из Гуш-Халава, чтобы построить осадные машины, предназначавшиеся для войны со сторонниками Эльазара. Помнили и о том, что восставшие растащили священную храмовую утварь и своими руками подожгли одну из храмовых галерей, дабы отрезать себя от наступающих воинов Тита. Не случайно рассказ Талмуда о сожжении хлеба в Иерусалиме характеризует непримиримых зелотов так же негативно, как и Иосиф Флавий.

Среди сторонников примиренческой позиции был и мудрец Йоханан бен Заккай. Согласно талмудическому преданию, он бежал из обреченного Иерусалима и предсказал Веспасиану императорскую власть (точный аналог истории Иосифа). Йоханан получил от римского полководца разрешение обосноваться в городе Явне, где стал лидером сообщества мудрецов, начавших разработку положений иудейского

³ Д. Годблат. Евреи Земли Израиля в 70–132 годах // Евреи Римской империи в эпоху Талмуда (период Мишны — с 70 по 220 гг. н. э.). С. 76.

Закона. Непосредственным его наследником стал патриарх (*нази*) Гамалиель Второй (около 96–115 гг.), за которым последовала череда других патриархов, в течение трех с половиной столетий после разрушения Храма являвшихся духовными лидерами еврейского народа. В результате их деятельности произошла интеграция традиции фарисеев времен Храма, идей книжников и синагогального богослужения. Таким образом возник талмудический иудаизм, литературными памятниками которого являются Мишна, Тосефта и связанные с ними тексты, — данная традиция определяла порядок жизни евреев вплоть до Нового времени.

Среди изменений еврейской духовной традиции, характерных для перехода к эпохе Талмуда, была самая решительная эволюция исторического мышления. Священное собрание еврейских книг, унаследованных христианским Ветхим Заветом, выделяется среди прочих религиозных канонов древности особой остротой восприятия истории. Эта традиция сохранялась и позднее в творчестве таких блистательных еврейских интеллектуалов, как Филон Александрийский и Иосиф Флавий. Но после гибели Храма все изменилось. История разочаровала евреев, и евреи отторгли историю. *«Общество сосредоточилось со всей страстью, на которую было способно, на единственном виде литературы — комментариях к религиозному Закону»*⁴.

В отличие от Моисеевой Торы или трудов Иосифа Флавия, устная Тора — Талмуд принципиально неисторичен⁵.

⁴ П. Джонсон. Популярная история евреев. Перевод И. Л. Зотова. М., 2000. С. 171.

⁵ Насколько разошлись пути еврейской мысли между Иосифом Флавием и Талмудом, можно судить по воспоминаниям выдающегося еврейского историка Шимона Дубнова. Даже во второй половине XIX столетия для еврейского вундеркинда, воспитанного в изучении галахических мудростей Талмуда, столкновение с «Иосиппоном», средневековой переработкой «Иудейской войны» Иосифа Флавия, — казалось чудесным откровением, на грани соблазнительной крамолы: *«Эта книга открыла передо мной новый мир: ведь она начинается там, где кончаются уже известные мне исторические книги Библии»* (С. М. Дубнов. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. СПб., 1988. С. 35). Сочинение первого века нашей эры просто ошеломило юного обитателя еврейского местечка масштабом своего исторического видения. В ешиве о чем-либо подобном не рассказывали. Увлечшись позднее действительно «крамольной» —

Даже те немногие талмудические рассказы (предания Агады), которые каким-то образом отражают историческую реальность, игнорируют при этом реальность истории, используя ее лишь как материал для составления нравоучительных повествований. В них торжествует народная фантазия, которая берет реванш за все исторические поражения. Враги еврейского народа — Тит и Траян — превращаются в маньяков и закоренелых злодеев, которые подвергаются заслуженному наказанию. Народное сознание не могло оставить их в благополучном положении, так появились рассказы о божественном возмездии и мучительной смерти Тита, о том, как сразу же после расправы над евреями Траян был убит посланцами из Рима.

В Агаду вторгались откровенно сказочные фольклорные мотивы, например, в рассказе о взятии Иерусалима Помпеем не только исчез Помпей (предание рассказывает о данном событии как о соперничестве братьев Аристобула и Гиркана), но и появилась особая история коварства «эллинистов». Будто бы некий старец, приверженный эллинской мудрости, рассказал осаждавшему Иерусалим Гиркану, что он сможет захватить святой Храм, лишь остановив жертвоприношения, которые продолжали совершаться, несмотря на войну, ибо осаждающие регулярно передавали священникам жертвенное животное и священники втаскивали его на веревках на вершину храмового холма. Чтобы достичь победы, Гиркан прибег к хитрости. По его приказу к спущенным веревкам привязали свинью, причем *«когда свинья была поднята до середины стены, она вцепилась копытцами в стену — и в эту минуту задрожала Святая Земля вдоль и поперек на протяжении четырехсот парса»*⁶.

Эта сказочная выдумка была необходима автору трактата Сотта для того, чтобы заклеить позором ненавистную эллинскую ученость, ибо — *«тогда же было постановлено: «проклят тот, кто разводит свиней, и проклят тот, кто обучает сына мудрости эллинской!»*⁷

Фантастична и легенда о договоре Йоханана бен Заккая с Веспасианом — достаточно сказать, что в это время Веспасианом

светской литературой Гаскалы (еврейского Просвещения), Дубнов воспринял это как прямое продолжение своего знакомства с книгой Иосифа Флавия.

⁶ Трактат Сотта, 49 (Агада. Библиотека Алия, 1989. С. 235).

⁷ Там же.

сиана не было в Иудее. Несомненно, однако, что какое-то соглашение с Римом все-таки состоялось, ибо иначе Йоханан не оказался бы в Явне. Современная исследовательница, упоминая это событие, смотрит на происходящее глазами защитников Иерусалима, очевидно, из партии zelотов: «...рассказ об обращении Йоханана бен Заккая к Веспасиану как будущему императору служит не для возвеличивания достоинства завоевателей и их командира, а для того, чтобы скрыть грязные подробности общения мудреца с противником»⁸.

Явне, куда отправился этот мудрец со своими единомышленниками, была во время войны местом, где находились люди, не желавшие столкновения с римлянами. Еще более усилились примиренческие настроения во времена преемника Йоханана — Гамалиеля Второго.

В талмудической литературе говорится о близких отношениях Гамалиеля с римскими властями, упоминаются особые исключения, которые были сделаны для него еврейскими религиозными законодателями для облегчения контактов с неевреями (разрешение взять для детей учителя греческого языка, разрешение носить не вполне традиционную одежду и пр.⁹). Гамалиель подвергался осуждению со стороны ревнителей строгой ортодоксии за то, что он, не стесняясь, читал книгу Иова в греческом переводе и сидел в субботу на скамье для неевреев. Впоследствии именно патриархи, переместившиеся из Явне в центры Галилеи, стали главными посредниками в отношениях Рима с религиозной организацией его еврейских подданных. Однако непосредственно после Гамалиеля Второго данная традиция прерывается. За отсутствием достоверных свидетельств этот эпизод истории Иудеи до сих пор остается малоизвестным. Бесспорно лишь то, что величайший религиозный авторитет следующего поколения рабби Акива поддержал антиримское выступление 132–135 годов, которое возглавил человек, вошедший в историю под именем Бар-Кохба.

Имя это производно от слова «Кохба» («Звезда») и связано с пророчеством Торы. Как говорится об этом в Иерусалимском

⁸ Т. Раджак. Иосиф Флавий. Историк и общество. 1993. С. 209.

⁹ А. Опенгеймер. Галилея в период Мишны // Евреи Римской империи в эпоху Талмуда (период Мишны — с 70 по 220 гг. н. э.). С. 131.

Талмуде (Таанит 4, 68 d): «Учил рабби Шимон бен Йохай: Акива, мой учитель толковал: “взойдет звезда (kochav) от Иакова” — появится Кохба от Иакова».

Вряд ли является случайным совпадением, что это пророчество Иакова (Числ 24:17) в таком же значении упоминалось уже в кумранском свитке «Война сынов Света против сынов Тьмы» (XI, 6/7), предсказывавшем святую войну сынов Израиля против нечестивых киттиев¹⁰. Очевидно, к моменту восстания Бар-Кохбы учение кумранитов еще не исчезло полностью из еврейской духовной жизни и по-прежнему вдохновляло людей, которые надеялись освободиться от власти Рима.

Согласно папирусам из Вади Мураббат и Нахаль Хевер, настоящее имя предводителя восставших евреев было Бар-Косиба. Это послания, составленные «Шимоном бар Косибой, патриархом» (нази), а также письма, адресованные ему или содержащие его имя¹¹. Однако христианские авторы — Евсевий Кесарийский, Иероним и Юстин Мученик — запомнили только мессианское имя этого человека. Судя по их свидетельствам, современники воспринимали лидера восстания как божественного посланца: «Вождем иудеев был тогда человек по имени Варкохеба, что значит звезда — убийца и разбойник; он, ссылаясь на это имя, внушил рабам, будто он светило, спустившееся с неба, дабы чудом даровать им, замученным, свет»¹².

Не удивительно, что Евсевий называет вождя иудеев, который приказывал убивать христиан, — убийцей и разбойником. Однако сходные настроения проявились и в иудейской традиции, превратившей пророка свободы в лжепророка. В талмудических источниках, выражающих реакцию на крушение мессианских претензий Бар-Косбы, его имя стало звучать как Бар Козива — «Сын Лжи» (буква «самех» была заменена на «заин»). Впрочем, агадическое предание смягчило это обвинение, в нем Бар-Кохба обвиняется лишь в излишней самонадеянности, в том, что его богатыри надеялись на себя, а не на Бога. При этом каждый из воинов Бар-Кохбы будто бы мог вырвать из земли ливанский кедр, оставаясь на лошади, а сам Бар-Кохба «обладал такой силой, что пущенные в него из пращи камни

¹⁰ Тексты Кумрана, XI, 6–7. С. 297.

¹¹ Э. М. Смолвуд. Евреи под властью Рима. С. 196.

¹² Евсевий. Церковная история, 6.6.2–3.

он одним коленом отбрасывал обратно, убивая этим каждый раз множество неприятелей»¹³.

При всей фантастичности этих рассказов они отталкивались от некоей исторической реальности. Свидетельства, которыми мы располагаем, позволяют говорить о незаурядной энергии и успехах, которые сопутствовали начальному этапу восстания. К Бар-Кохбе присоединились массы народа. Ничего подобного гражданским столкновениям, характерным для Иудейской войны 66–73 годов, теперь уже не было, жители Иудеи осознали необходимость сплочения. Судя по всему, евреи сумели хорошо подготовиться. Рассказ Диона Кассия об устройстве ими множества искусственных пещер находит археологическое подтверждение¹⁴. Отряды повстанцев захватили около 50 крепостей, а по некоторым сведениям — и Иерусалим.

Они провозгласили в стране летоисчисление по новой эре — эре «*Избавление Израиля...*», которая начиналась в месяце Нисан 132 года¹⁵. На освобожденных территориях возникло иудейское государство. Бар-Кохба занимался гражданским управлением и ведением военных дел, он взял под контроль земли, которые с 70 года являлись собственностью Рима, причем до нас дошли свидетельства заключения здесь коммерческих сделок.

Восстание иудеев принесло много тревог римлянам, которые еще долго вспоминали о своих потерях в этой войне. Адриану пришлось вызвать из Британии одного из лучших полководцев своего времени — Секста Юлия Севера, сам император вторично посетил мятежную провинцию, что произошло, очевидно, где-то между летом 134 года и ближайшей зимой. Опытный Юлий Север быстро сумел изменить ситуацию в пользу империи. Искусная военная стратегия, как и всегда, принесла римлянам победу. Избегая генерального сражения, в котором иудеи могли бы проявить свое отчаянное бесстрашие, Юлий Север взял под контроль основную территорию провинции, разрезал на части армию Бар-Кохбы и захватил большинство ее опорных пунктов. Восставшие были блокированы в последнем своем

¹³ Иерусалимский Талмуд (Агада, 255).

¹⁴ А. Клонер. Потайные пещеры в предгорьях Иудейских гор // Евреи Римской империи в эпоху Талмуда (период Мишны — с 70 по 220 гг. н. э.). С. 284–307.

¹⁵ Э. М. Смолвуд. Евреи под властью Рима. С. 197.

укрепленном пункте Бетаре. После длительной осады голод и жажда сломили их сопротивление, Бар-Кохба и большинство его соратников погибли.

Произошедшее оказалось катастрофой для еврейского народа. Тысячи евреев, включая женщин и детей, были убиты или проданы в рабство, страна обезлюдела. Целые районы потеряли свое прежнее население, новым центром еврейской жизни стала Галилея, считавшаяся прежде периферийной территорией. Победители упразднили даже имя Иудеи, провинция именовалась теперь Сирия Палестина. На территории Иерусалима был основан римский город Элия Капитолина, доступ в который евреям разрешался только в день траура — 9 Ава. Согласно талмудической традиции, было запрещено соблюдение субботы, посвящение мудрецов в религиозный сан и изучение Закона. Рассказывают о множестве мучеников, павших жертвами преследований, которые развернулись после императорского указа, в их числе был и рабби Акива. Среди других, не отмеченных Талмудом, но по своим историческим перспективам значительных событий, была гибель еврейской христианской общины, существовавшей до этих времен в Иерусалиме¹⁶. Таким образом завершилась традиция христиан-евреев, которые сочетали веру в Христа с соблюдением ритуальных обязательств иудаизма, что означало окончательный разрыв иудейской традиции с христианством. Похоже, что этих людей истребляли обе стороны — как римляне, считавшие их участниками восстания, так и евреи, считавшие их предателями.

Информация о восстании Бар-Кохбы обширнее, чем о восстании 115–117 годов. В распоряжении исследователей оказались даже письма, отправленные вождем восстания своим

¹⁶ Как пишет об этом *Евсевий* (Церковная история, 4. 5. 1–2): «Списка иерусалимских епископов, указывавшего бы время их служения, я нигде не нашел (говорят, правда, что они были недолговечны). (2) Из письменных источников я только узнал, что до осады Иерусалима Адрианом их было пятнадцать, преемственно сменявших друг друга, что все они были исконными евреями и Христово учение приняли искренне, так что люди, которые могли об этом судить, сочли их достойными епископского служения. Вся Церковь у них состояла из уверовавших евреев, начиная от апостолов и до тех, кто дожил до той осады, когда иудеи, опять отпавшие от римлян, были разбиты в нелегкой борьбе».

единомышленникам. О событиях этого времени вспоминали и создатели Талмуда, и позднейшие античные авторы. Однако сообщения крайне разноречивы и противоречат друг другу. Дион Кассий называет причиной еврейского возмущения желание императора Адриана построить на месте Иерусалимского Храма святилище Юпитера. Авторы «Истории Августов» — запрет на обрезание, а Евсевий относит и то и другое к последствиям восстания, к наказанию, постигшему евреев за неповиновение Риму. Не вполне понятно и значение археологических свидетельств. Так монеты повстанцев с надписями, говорящими о свободе Иерусалима, по мнению одних исследователей, говорят о том, что святой город оказался в руках сторонников Бар-Кохбы¹⁷, — это, как будто бы, подтверждается и рядом авторов, упоминающих о разрушениях Иерусалима при Адриане (Аппиан, Юстин-Мученик, Евсевий, Иероним). Однако, по мнению других специалистов, лозунг свободы для Иерусалима обозначал только цели восстания. Город же, на территории которого находился римский Десятый легион, неизменно оставался под римским контролем¹⁸.

Читая научные работы, посвященные данной теме, особенно остро ощущаешь, сколь приблизительны наши представления о событиях древности, ибо многоголосие источников умножается многообразием научных интерпретаций. Одни исследователи убеждены в справедливости рассказа о храме Юпитера в изложении Диона Кассия¹⁹, других убеждает Евсевий,²⁰ тогда как третьи указывают, что, судя по

¹⁷ Э. М. Смолвуд. Евреи под властью Рима. С. 200–201.

¹⁸ Л. Мильденберг. Бар-Кохба — монеты и документы // Евреи Римской империи в эпоху Талмуда (период Мишны — с 70 по 220 гг. н. э.). С. 317.

¹⁹ И. Бен-Шалом. Положение Бар-Кохбы в качестве главы нации и поддержка, оказанная восстанию мудрецами // Евреи Римской империи в эпоху Талмуда (период Мишны — с 70 по 220 гг. н. э.). С. 271.

²⁰ «Учитывая, что и в 70, и в 117 гг. не было наложено никаких ограничений на соблюдение еврейских религиозных законов, то весьма маловероятно, что уже в 130 году по иудаизму был нанесен столь жестокий удар — удар, который поразил бы и евреев Палестины и евреев диаспоры. Какие подозрения и питал Адриан относительно политических чаяний евреев, он никогда не конфликтовал с ними по вопросам религии (не считая запрета обрезания)». — Э. М. Смолвуд. Евреи под властью Рима. С. 191.

археологическим исследованиям, самого этого храма никогда не было²¹. Высказывалось мнение, что монета с изображением звезды над Храмом является бесспорным выражением «звездных», то есть мессианских претензий Бар-Кохбы²², однако другой исследователь уверен, что предполагаемая звезда на самом деле является случайной виньеткой декоративного узора²³.

Помогали ли мудрецы Бар-Кохбе или были враждебны ему; каковы были отношения римлян с еврейским патриархом в период, предшествовавший восстанию; способствовал ли рабби Акива возмущению в диаспоре или его поездки по далеким странам были связаны с упорядочением еврейского календаря; какова причина враждебности Бар-Кохбы к христианам; наконец, как следует понимать свидетельства о его мессианских претензиях — все эти и многие другие вопросы остаются предметом научных споров.

В работах некоторых израильских авторов обсуждение восстания Бар-Кохбы приобретает особую страстность. События второго века нашей эры явно связываются с текущими политическими настроениями. Яркий пример — статья Л. Мильденберга, в которой исследуется *«К чему стремился Бар-Косиба, когда он организовывал бунт против Римской империи в период правления одного из значительных императоров, во время расцвета ее могущества? Был ли он героем или безрассудным глупцом, который решил на безрассудное дело, не получив взамен ничего кроме крови и слез?»*²⁴ Для Мильденберга Бар-Кохба герой, а не безумец. Следовательно, он должен был иметь очень веские причины для выступления — отсюда уверенность в изначальном желании Адриана запретить иудейскую религию и в притеснениях римлян, которые отнимали землю у иудейских крестьян, хотя сведения об этом весьма сомнительны. По той же причине необходимо, чтобы план восстания был изначально очень хорошо продуман. Отсюда достойные авторов альтернативной истории рассуждения о том, что Иудея должна была выступить в качестве форпоста мощного антиримского блока, представленного Парфией и Набатеей — страной,

²¹ Л. Мильденберг считает, что на месте Храма находилась статуя Адриана. — Л. Мильденберг. Бар-Кохба — монеты и документы. С. 328.

²² Э. М. Смолвуд. Евреи под властью Рима. С. 200.

²³ Л. Мильденберг. Бар-Кохба — монеты и документы. С. 312.

²⁴ Там же. С. 329.

которая веками враждовала с Иудеей. Главной виновницей того, что эти планы не осуществились, Мильденберг объявляет Набатею, он убежден, что, прояви ее жители больше свободолюбия, «государство Бар-Косибы могло выжить»²⁵.

Даже если не вспоминать, что никаких доказательств подобного плана не существует, это крайне сомнительная версия. Подобный сценарий уже был некогда опробован Антигоном, пытавшимся в 40–37 годах до н. э. захватить иудейский престол с помощью парфянской конницы. Однако и в эпоху значительного ослабления римского государства, разделенного в тот момент между Антонием и Августом, парфянское наступление закончилось полным провалом, а Антигон поплатился за свои иллюзии головой. Во время иудейского восстания 66–73 годов парфяне, чье имя ассоциировалось в римской традиции с коварством, предлагали Титу свою помощь. Позднее они поздравляли римского полководца с его победой над защитниками Иерусалима. Тем менее вероятен успешный иудео-парфянский союз после похода Траяна, в ходе которого уже захваченная римскими войсками Парфия лишь чудом смогла сохранить свою независимость. Даже если предположить (на каком, впрочем, основании?), что набатеицы почему-то хотели примкнуть к гипотетическому союзу Парфии и Иудеи, кажется невероятным, чтобы вмешательство этого маленького государства могло изменить сложившийся в ту эпоху политический расклад сил, дававший несомненное преимущество Риму.

Следуя своей общей концепции, Мильденберг старается также разоблачить «мессианский флер» вокруг имени героя. Он предпочел бы видеть вождя еврейского восстания разумным прагматиком и поэтому подчеркивает, что Бар-Косиба никогда не именовался царем, что звезда, которую опознают другие исследователи на его монетах, вовсе не звезда и т. п. Общий вывод: сохранившийся в Иерусалимском Талмуде рассказ о провозглашении Бар-Косибы Мессией Бар-Кохбой — не более чем «*предание, возникшее в связи с неправильным пониманием событий*»²⁶.

Оставляю для специалистов вопрос об изображении на монетах. Однако кто мог приписать уважаемому рабби Акиве слова о Мессии в то время, когда восстание уже было подавлено? Данную ситуацию можно понять, только допустив,

²⁵ Там же. С. 326.

²⁶ Там же. С. 311.

что речь шла о хорошо известном, хотя и прискорбном событии, — рассказ Талмуда сообщает, что великий Акива все-таки ошибся. Существенно также, что история с Бар-Кохбой подтверждается независимым источником — христианской традицией. Откуда Евсевий, Иероним, Аппиан могли узнать о мессианском имени и мессианских претензиях вождя восстания? Трудно представить, чтобы они читали Иерусалимский Талмуд, однако сообщение Евсевия об обещании Бар-Кохбы даровать свет угнетенным иудеям хорошо согласуется с запечатленными Талмудом словами Акивы, которые посвящены пророчеству Торы. Косвенным подтверждением является и позднейшее прозвище — «Сын Лжи». Его появление можно понять как реакцию на невыполненные обещания человека, который претендовал на роль носителя высшей истины. О том же свидетельствует уже отмечавшееся совпадение с кумранской милленаристской традицией. Стремление к возрождению утраченной еврейской государственности во времена восстания Бар-Кохбы просто не могло восприниматься только в политическом плане. Вождь восстания, который обещал возродить Храм, являлся в представлении современников священным пророком, несущим на землю Израила божественную благодать.

Как показывают многочисленные примеры из истории кризисных культов, фанатизм и мессианские фантазии совсем не обязательно исключают практические расчеты. Бар-Кохба несомненно надеялся на божественную помощь, но не видел в этом повода для того, чтобы пренебречь земными реалиями. Однако его выступление в любом случае было обречено и в этом смысле безумно.

Что касается чудовищных притеснений евреев со стороны римлян, то, не прибегнув к ним после побед над восставшими в 70 или 117 годах, римляне вряд ли стали бы делать это из мстительности задним числом. Все, что известно об императоре Адриане, помимо, разумеется, негативным образом относящихся к нему талмудических источников, исключает такую возможность. Конечно, этот убежденный эллинист мог совершить и бестактность, и ненамеренную провокацию. Когда незадолго до восстания — в 130 году Адриан по дороге из Аравии в Египет посетил Иудею, это стимулировало строительство дорог и возведение храмов в честь императора, но если один такой храм был построен в населенной греками Кесарии, то другой — в иудейском

центре Галилеи Тиверии. Еврейский город Ципори был переименован в Диокесарию — название, объединившее имя Зевса и титул императора.

Кажется вероятным, что, самым искренним образом желая облагодетельствовать своих подданных, Адриан мог оскорбить их религиозные чувства, предприняв какой-то строительный проект в Иерусалиме. Впрочем, следы святилища Юпитера, которое будто бы возвели римляне на месте Храма, не обнаружены. Нельзя исключить и того, что жители Иудеи были возбуждены одними лишь слухами, возникшими после оскорбивших их преобразований. Со времени разрушения Храма выросло новое поколение, забывшее страшный урок войны с империей, и чувствительность иудеев к религиозным вопросам вновь обострилась.

Если справедливо сообщение «Истории Августов», и в самом деле, римляне запретили обрезание не после, но до восстания, они сами взорвали ситуацию. Конечно, как показала история, для того чтобы добиться права соблюдать это важнейшее для иудеев религиозное установление, совсем не обязательно было воевать, обрекая на смерть тысячи людей. Восстание только ожесточило римлян. Однако уже в 137 году — сразу же после смерти Адриана — новый император Антонин Пий сделал для евреев исключение из общего запрета. Учитывая, что в сатирах, относящихся еще к 128 году, Ювенал не подвергает сомнению законность обрезания, очевидно, что даже в том случае, если запрет на него и был введен до восстания Бар-Кохбы, он продержался не более девяти лет. Понятно также, что, когда инициаторам восстания советовали успокоиться и подождать, — судя по опыту Иудейской войны 66–73 годов, такие люди были, — лидеры движения не обращали внимания на подобные советы. Какой смысл было тратить время на болтовню с жалкими соглашателями, если взошла звезда от Иакова и вот-вот должны исполниться все великие обетования, данные Господом своему народу, если предстоит возрождение Храма и торжество священного еврейского государства?

При всех своих эллинистических идеалах император Адриан не был чужд интереса к восточной экзотике. На его знаменитой вилле в Тибуре (Тиволи) наряду с архитектурными комплексами, которые воспроизводили прославленные центры греческого мира, был сооружен также аналог египетского города Каноп, известного храмом и оракулом

Сераписа. Этот архитектурный комплекс занимал небольшую долину и состоял из нескольких зданий, по мраморным ступеням которых вода стекала в озеро и далее, в канал с александрийскими гондолами. Император явно не разделял воззрений Ювенала, который как раз во времена возведения тибурского Канопа осмеивал в сатирах «*глупый Египет*». Адриан украсил свое сооружение статуей Сераписа и изображениями египетских богов²⁷.

Судя по некоторым рассказам Талмуда, иудейская религия первоначально также вызывала интерес Адриана, который, по словам Тертулиана, был «*исследователь разных интересных вещей*» (*omnium curiositatum explorator*). Во время своего первого посещения Иудеи император вполне доброжелательно беседовал с Иегошуа бен Хананией, дружелюбно расспрашивал его о еврейских законах и обычаях²⁸. Однако кровавое восстание, нарушившее его мирное царствование, решительно изменило отношение Адриана к иудеям. Трудно судить, до какой степени талмудические предания о пытках и преследованиях соответствуют реальности. Они не подтверждаются независимыми свидетельствами, однако, не будь в нашем распоряжении текста «Иудейской войны» Иосифа, мы никогда не узнали бы о тех изуверских пытках, которым римские солдаты подвергали ессеев и сикариев. Конечно, легенды об «Адриановых виноградниках», будто бы огороженных заборами из трупов евреев, предания, рисующие императора маньяком, который думает только о том, чтобы погубить как можно больше жителей Иудеи, являются порождением фантазии последующих поколений. Однако легенды эти возникли не на пустом месте, но отталкивались от каких-то реальных событий, порожденных жестокостью.

Терпение империи истощилось. В течение неполных семи десятилетий маленькая непокорная провинция стягивала к себе легионы, так нужные на германской и парфянской границах. Ситуация была беспрецедентной, беспрецедентным оказался и способ ее разрешить. Слова Тацита, посвященные войне 66–73 годов, с тем большим основанием можно отнести к восстанию Бар-Кохбы: «*Иудеи были единственными, не желавшими покориться, и это усиливало ненависть к ним*»²⁹. Ко временам Адриана ненависть эта усилилась,

²⁷ П. Гиро. Быт и нравы древних римлян. С. 148.

²⁸ Э. М. Смолвуд. Евреи под властью Рима. С. 194.

²⁹ Тацит. История, 5.10.1.

она относилась не просто к евреям, но в первую очередь к тому, что представлялось причиной их непокорности — к странной иудейской религии, так не похожей на верования других народов римского мира. Еще задолго до восстания Бар-Кохбы Квинтилиан говорил о ненависти римлян к изобретателю еврейской религии³⁰, на которого возлагалась ответственность за бедствия первой Иудейской войны. После разгрома Бар-Кохбы римское отвращение к иудаизму воплотилось в карательных действиях. Археологические раскопки в пещере Мураббат свидетельствуют о том, что после взятия последних цитаделей еврейского сопротивления римские солдаты намеренно изорвали в клочья обнаруженные там библейские тексты³¹. У нас нет достоверных сведений об участии самаритян в восстаниях иудеев — как правило, этот народ относился к иудейским инициативам с ревнивым недоброжелательством. Тем не менее римляне на всякий случай разрушили и самаритянское святилище на горе Геризим, поставив на его месте очередной храм Юпитера. Все, что напоминало об иудействе, ассоциировалось теперь у повелителей Средиземноморья с бунтом и непокорностью, вызывало желание подавить и уничтожить.

³⁰ Штерн. Т. I. С. 512, № 230.

³¹ Э. М. Смолвуд. Евреи под властью Рима. С. 208.

Глава шестая

ЭПИЛОГ.

МИРНАЯ ИУДЕЯ В РИМСКОМ МИРЕ

Независимая от чьей бы то ни было личной воли предрасположенность к столкновению была заложена в характерах римской и иудейской культур, в их взаимонесочетаемости. Самое искреннее желание римской администрации сохранить в провинции мир, ее так удивлявшая александрийцев настойчивость в разбирательстве еврейско-греческих конфликтов, все попытки пойти навстречу своим иудейским подданным разбивались об их собственную неспособность неизменно следовать такой политике. Правая и левая руки словно не находили согласия, и, сознательно не желая никого раздражать, римские администраторы неизменно это делали. Впрочем, решающим обстоятельством являлась, на мой взгляд, обостренная еврейская чувствительность ко всем проявлениям римской непоследовательности. Иудейское общество, находившееся в период встречи с Римом на пике своего развития, было амбициозно и легко возбудимо, и то, что его духовные переживания не находили понимания в окружающем мире, его раздражало и побуждало к самым активным действиям.

Судьба иудейской общины империи в период после поражения Бар-Кохбы может послужить решающим доказательством того, что проблемы ее в римском мире определялись преимущественно позицией самой общины. Осторожные римляне еще долго не могли забыть о мятежном прошлом провинции Сирия Палестина и держали здесь серьезные военные силы — не менее двух легионов и вспомогательные отряды¹. Первым

¹ Э. М. Смолвуд. Евреи под властью Рима С. 228.

наместником этой провинции стал ее усмиритель Юлий Север, известный своим военным искусством. Однако уже в 145 году ситуация стала настолько спокойной, что подразделение расположенного там Шестого Железного легиона (Ferrata) было послано на борьбу с повстанцами Мавритании².

Направленные против еврейской религии законы Адриана, столь необычные для традиций Римской империи, вскоре были отменены. В полном объеме они продолжали действовать не более трех лет — большую их часть упразднил уже наследник Адриана Антонин Пий, пришедший к власти в 137 году. Очевидно, именно эта смена правлений отразилась в рассказе Талмуда о Шимоне бар Йохае. Согласно Талмуду, он несколько лет прятался в пещере, чтобы избежать наказания за пренебрежительные слова о римлянах, но вышел оттуда, узнав о смерти императора³. Запрет на обрезание, продолжавший действовать на территории империи, для иудеев был отменен.

Напряжение явно спало. Это можно, конечно, объяснить и демографическими последствиями восстания, в результате которого основательно сократилось еврейское население страны. Решающим, однако, представляется изменение общественных умонастроений. Поражение Бар-Кохбы полностью дискредитировало саму идею национального освобождения и связанные с ней кризисные — мессианские надежды. Если справедлива принятая теперь датировка ранней еврейской мистики — «литературы Чертогов и Колесниц» — периодом между концом II — началом IV века — следует предположить, что, как это часто повторялось в истории, крах надежд на воплощение мессианского идеала в этом мире сменился поисками откровений в мире ином. Это кажется тем более вероятным, что главными героями указанных мистических сочинений являются мученики, павшие после подавления восстания Бар-Кохбы, — рабби Акива и его товарищи⁴.

Однако, как и во все времена, эзотерические учения оставались достоянием ограниченного круга людей. В общей же иудейской традиции восторжествовала примиренческая линия Явне, намеченная Йохананом бен Заккаем

² Там же. С. 218.

³ Там же. С. 220.

⁴ *Й. Дан.* Раскрытие «Тайны мира»: Зарождение тайной еврейской мистики.

еще во времена разрушения Первого Храма. Конечно, никто не отрицал тяжелых последствий карательных акций, которые предприняли римляне. Однако вскоре найден был ответ, которым уже во времена Средневековья евреи, равно как и христиане, объясняли все происшедшие с ними несчастья, — Божье наказание. Собственно, это толкование событий предложил в свое время еще Иосиф Флавий: *«Поэтому, полагаю я, и Господь Бог в гневе на такое кощунство лишил нас нашего города и напустил на нас римлян, не видя более в своем храме прежней его чистоты и незапятнанности, предал город всеочищающему пламени и дал увести нас с женами и детьми в рабство, желая, чтоб мы образумились при таких бедствиях»* (ИД 20.166[8.5]).

Из богопротивных чудовищ римляне превращались в оружие Божьего гнева, и это открывало перспективу для компромисса. И хотя талмудическое положение, согласно которому с религиозной точки зрения для евреев обязательны законы страны, где они проживают, было принято только в третьем веке вавилонским мудрецом Шмуэлем, после поражения Бар-Кохбы евреи Палестины стали вести себя в соответствии с этим правилом.

Двести лет, прошедшие после смерти Адриана, были, возможно, самым мирным периодом еврейской истории. Иногда провинцию тревожило соперничество претендентов на римский престол, но к евреям данное обстоятельство отношения уже не имело. В «Истории Августов» упоминаются какие-то волнения, но эта ничем не подтверждаемая информация сомнительна. В любом случае за ней не стоит чего-либо серьезного. Остается только гадать, с какими событиями можно было бы связать упоминание об иудейском триумфе, который будто бы получил в правление Септимия Севера его сын Каракалла⁵. Безусловно, известно, что именно в первой трети III века (от имени Септимия Севера и Каракаллы) был принят закон, разрешающий евреям занимать магистратуры. По всей империи — от Иудеи до Рима и Панонии (совр. Венгрия) — строились синагоги в честь Септимия Севера⁶.

⁵ Штерн. Т. II. Часть 2. С. 229.

⁶ И.-Л. Левин. Период рабби Йехуды ха-Наси // Евреи Римской империи в эпоху Талмуда (период Мишны — с 70 по 220 гг. н. э.). С. 336–337.

В это же время некоторые иудейские мудрецы стали позволять себе участие в римской системе управления провинцией. Хотя формальный запрет не был отменен, евреи получили возможность селиться в Иерусалиме. Есть свидетельства, что преемники Септимия Севера — Элагабал (218–222) и Александр Север (222–235) — относились к иудаизму с уважением. В «Истории Августов» сообщается, что традиционно нерасположенные к евреям антиохийцы и александрийцы даже дразнили Александра Севера «сирийским архисинагогом» — так называли руководителей синагог в еврейских общинах⁷.

При патриархе Иегуде га Наси, жившем во времена Северов, возродилась деятельность еврейской религиозной организации и независимого управления в вопросах религии и Закона. Патриарх получил возможность составлять единый календарь, которому следовали еврейские общины всего мира⁸. Позже еврейские патриархи получили почетный римский титул *vir illustris* — «сиятельный муж», что окончательно закрепило их связь с римской администрацией⁹. К этому времени относятся некоторые высказывания упомянутых в Талмуде авторов, которые отвергают идею национального сопротивления. Например: «Благословен Господь, остерегший Израиль стать единой стеной» (то есть предотвративший общее сопротивление врагам, вторгшимся в Святую землю) или: «...евреям возбраняется восставать против народов мира»¹⁰. Некоторые еврейские мудрецы неожиданно обнаружили, что в римской цивилизации есть много полезного и достойного восхищения. Согласно одному рассказу Талмуда, рабби Иехуда (Бар Илай) заявил как-то в разговоре с друзьями: «Какие чудесные вещи сделали эти люди [римляне]! Они установили места для торговли, соорудили мосты, построили бани»¹¹.

⁷ Штерн. Т. II. Часть 2. С. 285, прим. к № 521.

⁸ И.-Л. Левин. Период рабби Иехуды га-Наси // Евреи Римской империи в эпоху Талмуда (период Мишны — с 70 по 220 гг. н. э.). С. 334–359.

⁹ Э. М. Смолвуд. Евреи под властью Рима. С. 225.

¹⁰ Ктуббот IIIа; Шир ха-Ширим Рабба II:18 — цитируется по: Г. Аллон (в английском издании транскрибируется как Alon, в русском переводе как Аллон). История евреев Эрец-Исраэль в талмудическую эпоху. Иерусалим, 1994. Т. I. С. 66.

¹¹ Шаббат, 33б. Г. Аллон. История евреев Эрец-Исраэль в талмудическую эпоху. Т. I. С. 321. Прим. 12.

Конечно, подобные убеждения не стали общим достоянием. Один из собеседников рабби Йехуды, рабби Йосеф, промолчал, другой же, рабби Шимон [Бар Йохай], заметил: *«Все, что они сделали, они сделали лишь для собственной пользы. Они построили рынки, чтобы открыть там дома для проституток, бани — чтобы самим там нежиться, мосты — чтобы удобнее было ходить за налогами»*¹².

Однако, по крайней мере, в эпоху Северов линия на примирение и согласие с римским миром стала преобладающей. Йегуда га Наси предпринял даже попытку отменить пост, установленный в память о разрушении Храма, — очевидно, таким образом он стремился окончательно примирить евреев и римлян. Талмудическое предание утверждает, что этот патриарх был дружен с римским императором Антонином, который рассматривал еврейского мудреца в качестве своего наставника. Впрочем, исследователи, пытающиеся установить личность властителя Рима, столь уважительно относившегося к патриарху, испытывают труднопреодолимые затруднения.¹³ Чисто физически с Йегудой га Наси мог бы встретиться только Каракалла, но представить себе этого своевольного молодого тирана внимательно слушающим рассуждения почтенного еврейского старца довольно сложно. Это очередная легенда, столь же фантастическая, как предания о виноградниках Адриана, огороженных телами убитых иудеев. Историческое значение обоих этих рассказов в том, что они являются памятниками умонастроений, присущих породившим их эпохам. Если предание о виноградниках Адриана свидетельствует о бескомпромиссной враждебности к Риму, то рассказ о дружбе Йегуды га Наси и императора Антонина сложился в обществе, которое считало сближение с Римом желательным и престижным.

Говоря о событиях той эпохи, приходится иметь в виду, что в большинстве случаев римские и греческие источники, сохранившие свидетельства о ней, не очень надежны. Даже когда они описывают имевшие место события, достоверность информации часто остается сомнительной. Бесспорно известно о посещении императором Адрианом Египта, однако большинство исследователей оспаривают подлинность

¹² Там же.

¹³ *И.-Л. Левин. Период рабби Йехуды га-Наси // Евреи Римской империи в эпоху Талмуда (период Мишны — с 70 по 220 гг. н. э.). С. 340.*

приводящегося в «Истории Августов» письма этого императора, которое он будто бы отправил из Египта консулу Сервиану¹⁴. В письме сообщается, что в Египте все религии бесконечно перепутались и смешались, так что даже христиане оказываются поклонниками бога Сераписа, а в действительности же все поклоняются одному лишь богу — деньгам. Будто бы все архисинагоги иудейские, самаритяне и лидеры христианских общин занимаются в практических целях астрологией, гаданием и целительством, и даже еврейский патриарх при посещении Египта принуждается по желанию местных жителей молиться Серапису или Христу. Большинство исследователей отвергают подлинность письма¹⁵. Информация вызывает недоверие хотя бы уже по тому, что относится к эпохе египетского отшельничества и восстания Бар-Кохбы. Представляется более вероятным, что за всем этим стоит лишь мнение автора «Истории Августов». Он хотел подчеркнуть, что даже в традиционно непримиримых еврейской и самаритянской общинах ощущается характерное для всей империи снижение религиозного фанатизма, что общее движение к примирению затронуло и диаспору. Действительно, хотя граждане Александрии и других греческих центров Ближнего Востока до конца полностью не изжили недоброжелательности к евреям, эпоха великих погромов после событий 115–117 годов закончилась.

Не менее специфична информация уроженца Антиохии Аммиана Марцеллина, являвшегося последним из великих языческих историков, которые писали на латыни (IV в.). Рассказывая о посещении знаменитым императором-философом Марком Аврелием Палестины, что произошло в 175 году, после бунта легата Сирия Авидия Кассия, Аммиан, ссылаясь на неких неназванных информаторов, сообщает, что *«от досады на зловонных и часто бунтующих иудеев»* император *«горестно воскликнул: “О маркоманны, о квады, о сарматы! Наконец я нашел тех, кто беспокоит вас”»*¹⁶. Стоит напомнить, что Аммиана отделяют от описываемых им событий приблизительно два столетия — столько же, сколько нас от времени юности Пушкина. По-видимому, речь идет об историческом анекдоте, упоминание которого свидетельствует лишь о нерасположенности к евреям

¹⁴ Штерн. Т. II. Часть 2. С. 291–298, № 527.

¹⁵ См.: Штерн. Т. II. Часть 2. С. 295 сл.

¹⁶ Штерн. Т. II. Часть 2, С. 262–264, № 506.

самого Аммиана. К слову сказать, он весьма нелестно отзывался также о персах и египтянах. Особого внимания заслуживает здесь упоминание еврейского зловония — темы, вошедшей буквально в плоть и кровь антисемитской идеологии христианского Средневековья¹⁷. Остается под вопросом лишь само прочтение дошедшей до нас версии «Истории» Аммиана Марцеллина. Некоторые исследователи вместо «*fetentium*» («зловонных»), читают «*petentium*» («просящих»), что придает этому тексту иной смысл¹⁸. В любом случае упомянутый пассаж не является свидетельством позиции Марка Аврелия, он порожден антиеврейскими предубеждениями позднейшей эпохи.

Недоумение В. С. Гилберта перед обвинением евреев в дурном запахе, несмотря на то, что в еврейском Законе придается очень большое значение чистоте и личной гигиене¹⁹, можно отнести к позитивистской наивности. Представление о зловонии — типический фантом, сопровождающий ксенофобские фантазии о «чужих». Так китайские аристократы были убеждены, что зловоние источают представители всей белой расы²⁰.

Что-то подобное можно повторить и в отношении слов, которые автор «Истории Августов» приписывает претенденту на верховную власть в Риме Песценнию Нигеру. Тот будто бы заявил в ответ на просьбу жителей Палестины о смягчении налога на землю: «я... хотел бы обложить налогом и ваш воздух»²¹. Или сообщение того же источника о том, что Гелиогабал, а позднее Александр Север хотели приобщить иудейскую религию к общим религиозным центрам империи²². Все это не исторические свидетельства, но характеристики: в случае Нигера — жестокости, в случае Гелиогабала — увлечения восточными культами (иудаизм назван в числе прочих), в случае Александра Севера — особой религиозной терпимости, что отмечают и другие рассказы об этом императоре.

¹⁷ Д. Трахтенберг. Дьявол и евреи. Средневековые представления о евреях и связь их с современным антисемитизмом. М., Иерусалим; Гешарим, 1998. С. 45–46.

¹⁸ Штерн. Т. П. Часть 2. С. 263.

¹⁹ Там же.

²⁰ Д. Трахтенберг. Дьявол и евреи. С. 214. Прим. 12.

²¹ Штерн. Т. П. Часть 2. С. 281, № 516.

²² Штерн. Т. П. Часть 2. С. 282–283, № 518; 284, № 520; С. 286, № 522.

Сомнительна также историческая ценность сообщения, что Каракалла был очень обижен на своего отца, когда его товарища по детским играм высекли за приверженность иудейской религии²³. Остается, однако, фактом, что провозглашенная Каракаллой в 212 году «Конституция Антонинана», даровавшая римское гражданство всем свободным жителям империи, в полной мере относилась и к еврейским подданным. Таким образом, уравнивание иудеев в правах с прочими гражданами империи было закреплено юридическим положением.

Помимо символического еврейского налога, единственная ограничительная мера, которая сохранилась от прежних времен, относилась к иудейскому прозелитизму. Антонин Пий отменил запрет на обрезание для евреев, но оставил его для всех других. Таким образом, обращение язычников оказывалось действием противозаконным — оно приравнивалось к кастрации. Септимий Север, согласно «Истории Августов», «под страхом серьезного наказания... запретил обращение в иудаизм»²⁴. Впрочем, последнее утверждение не подтверждено какими-либо надежными источниками или юридическими документами.

Бесспорно лишь, что, по крайней мере во многих случаях, обращения происходили и не имели для обращенных каких-либо неприятных последствий. Например, христианский автор Юстин Мученик упоминает мельком об обрезании евреями прозелитов как о явлении обычном и заурядном. Мудрецы третьего столетия явно поощряли прозелитизм, что свидетельствует о безопасности обращения к иудаизму. Позднее был составлен даже небольшой талмудический трактат «Герим» («Прозелиты») — сборник правил о принятии в иудаизм и статусе новообращенных. Очевидно, что вопрос этот имел самое непосредственное практическое значение²⁵. Закон Антонина Пия, запрещающий обрезание неевреев, был несомненно востребован в христианской Византии, но более ранних, собственно римских, свидетельств нет.

²³ Штерн. Т. II. Часть 2. С. 281, № 517. Смолвуд (С. 247) считает, что таким образом автор хотел подчеркнуть разительный контраст между добросердечием Каракаллы-ребенка и жестокостью его как императора.

²⁴ Штерн. Т. II. Часть 2. С. 280, № 515.

²⁵ Э. М. Смолвуд. Евреи под властью Рима // Евреи Римской империи в эпоху Талмуда (период Мишны — с 70 по 220 гг. н. э. С. 247–248.

Своеобразным парадоксом еврейской истории является то обстоятельство, что бедствия Иудеи пришлось на период расцвета империи, когда большинство ее подданных могли наслаждаться безопасностью в рамках римского мира. Напротив, губительная эпоха гражданских войн, охватившая просторы империи во времена солдатских императоров, Иудею практически не затронула. Показательно также, что гонители евреев — Тит, Траян, Адриан — пользовались у римлян самой замечательной репутацией, тогда как симпатизировавшие им Гелиогабал и Каракалла были личностями, мягко говоря, с сомнительными наклонностями. Впрочем, вполне респектабельные Септимий и Александр Северы относились к евреям столь же благосклонно. Ситуация определялась не личными качествами императоров, но логикой общего процесса.

Первоначальная репрессивность римской политики в Иудее и африканской диаспоре была вызвана не какими-то предубеждениями, но реальными обстоятельствами, порожденными противодействием иудеев римским порядкам, нежеланием с ними смириться. Позднее Иудея отказалась от своих честолюбивых претензий, осознав себя частью чужого мира, лишённого Божественной благодати, но выступающего как оружие Божественного промысла. Это выстраданное тяжелым опытом убеждение стало позднее общим достоянием еврейских общин, лишившихся своего исторического дома и рассеянных на огромных пространствах. В римском мире соблюдение такой конвенции гарантировало евреям полноправие. Позднее самое старательное соблюдение нарочито унижительных требований чужого закона не избавляло евреев от преследований, а полноправие оказалось по определению невозможным.

Глава седьмая

КОНЕЦ И НАЧАЛО. ОТ РИМА КО ВТОРОМУ РИМУ

Страстную авраамическую религиозность следует, очевидно, отнести к одному из открытий так называемого Осевого времени, о значимости которого в истории мировой цивилизации писал Карл Ясперс, упоминая иудейских пророков в одном ряду с Буддой, Конфуцием, Солоном и ранними греческими философами¹. Это ставит ряд вопросов о феномене иудаизма, обсуждение которых находится за рамками настоящей книги. Принципиально, однако, подчеркнуть уникальность явления. По своим историческим последствиям оно беспрецедентно и выделяется даже на фоне других порождений Осевого времени. Иудейская традиция, сложившаяся в глубокой древности, по своему духовному настрою представляется более близкой средневековому типу. Ее органическую чужеродность в древнем (языческом) мире ощущали иногда и соседи иудеев. Отсюда замечание героя романа Филострата, который заявлял, что иудеи «отстоят от нас дальше, чем Сусы и Бактры, и даже дальше, чем Индия»². В греко-римском мире евреи оказались чужаками. Это и заложило основы независимого от чьей-либо воли исторического противостояния, которое не исключало и некоторого тяготения, объяснимого той же причиной.

Буше-Леклерк восхищается тем, что *«история Рима, так же как и история Греции, не включает в себе ни малейшего намека на ту беспрестанную борьбу между церковью и государством, которые уже восемнадцать веков*

¹ К. Ясперс. Смысл и назначение истории. М., 1991.

² См.: Прим. 16 к первой главе.

оспаривают друг у друга право руководить обществом и вносят непреодолимый раздор в жизнь человека, вынужденного поручать одной свою душу, другому — свое тело. Этого раздора не знал ясный и спокойный дух древних»³. Стоит, однако, напомнить, что сами римляне часто тяготились своим «ясным и спокойным духом» и обращались к восточной экзотике. В Риме особой популярностью пользовался именно иудаизм.

В какой-то мере это может объяснить и историю христианства, которое унаследовало крайние тенденции, характерные для наиболее радикальных течений иудаизма. Бедствия, выпадавшие евреям во время войн с Римом, доставались христианам в самое мирное время. Судьба попавших в Египет сикариев, подвергнутых жестоким казням за отказ признать римского императора своим повелителем, похожа на ту, что выпала на долю христиан, отказывавшихся молиться за императора.

Описывая историю руководителя христианской общины Поликарпа, чье мученичество пришлось на правление Антонина Пия, церковный историк Евсевий Кесарийский сообщает, что рассудительные доброжелатели уговаривали его принять формальное отречение: *«Что плохого сказать: Владыка кесарь, принести жертву и сохранить себе жизнь?»⁴* Однако, подобно сикариям, христиане не могли пойти на подобный компромисс. Описание казней, которым подвергались сподвижники Поликарпа, напоминает рассказы Иосифа о еврейских мучениках, отличие лишь в том, что представитель христианской традиции описывает пытки с особым пафосом, каким-то сладостным умилением, усвоенным позднейшей христианской традицией⁵: *«Толпа, стоявшая кругом, была поражена, глядя, как тела то рассекают бичами до артерий и жил, так что видны в самых*

³ Цитируется по: П. Гиро. Быт и нравы древних римлян. С. 298–299.

⁴ Евсевий Кесарийский. Церковная история, 4.15.5.

⁵ Говоря о разных интонациях в описании мученичества участников иудейского восстания и христиан, следует иметь в виду, что прочувствованное описание подвигов своих единоверцев оставил христианский же автор. Иосиф же, при всем своем сочувствии к жертвам римских солдат, глядел на их бедствия глазами стороннего человека. Если бы на месте Иосифа оказались единомышленники ессеев и сикариев, в их изложении описания их казней несомненно прозвучали бы в другой тональности. Вполне вероятно, что такой рассказ был бы ближе к стилистике христианских авторов.

тайниках тела внутренности, то укладывают на колючие морские раковины и острые лезвия. После всяческих мучений и пыток их, наконец, бросили на съедение зверям. Особенно, говорят, отличился благородный Германик, поправший, по Божией милости, врожденный страх телесной смерти. Проконсул хотел переубедить его: указывал на его возраст, старался, ссылаясь на его расцветающую юность, возбудить в нем жалость к себе, но юноша не медля, с готовностью привлек на себя зверя, дразнил его и натравливал, лишь бы поскорее избавиться от этой жизни с ее неправдой и беззаконием»⁶.

Для римлян подобное самопожертвование казалось безумием, с тем большей яростью преследовали они предполагаемых безумцев.

Вспоминая о казнях, которые обрушил Рим на христиан, можно сказать, что языческая империя с поразительной точностью предчувствовала своих будущих могильщиков. Однако римляне первого–второго веков нашей эры не имели сколько-нибудь основательного повода опасаться христиан, и чувство ненависти к ним и правители, и лояльные граждане римского государства испытывали не из-за страха. Христианские общины представлялись собранием жалких беспомощных маргиналов, своим нелепым упрямством оскорблявших достоинство могущественной и несокрушимой империи. Они раздражали самим своим существом, своим нежеланием вписываться в общепринятые социальные структуры, своей пафосной — патологической, с точки зрения римских интеллектуалов, подобных Тациту или Плинию Младшему, — религиозностью. За их загадочной обособленностью виделось что-то зловещее. По Риму ползли слухи о немислимых изуверских ритуалах, практиковавшихся на тайных христианских собраниях, о царящем там противоестественном разврате — в самом деле, а зачем еще люди будут прятаться от посторонних глаз?

Впрочем, римские власти бросали христиан на растерзание хищникам, даже не разбирая их предполагаемые злодеяния. В основе римской безжалостности к христианам было то же неприятие кризисных фантазий, которое побуждало римских легионеров истязать ессеев и убивать безоружных последователей лжепророков. *«Ясный и спокойный дух»* римского мира проявлялся в том, что римляне искренне не

⁶ *Евсевий Кесарийский. Церковная история, 4.15.4–5.*

принимали тех, кто, с их точки зрения, вели себя иррационально и, как представлялось, бессмысленно упрямо.

Иудейских лжепророков империя уничтожила, можно сказать, машинально, даже не успев отметить факта их существования. Ни один из римских или греческих авторов, которые писали об Иудейской войне, о них не упоминает, и без сочинений Иосифа Флавия и христианского Нового Завета мы ничего не узнали бы об этих религиозных деятелях Иудеи. Безусловно, Рим предпочел бы забыть также и о христианах, однако христиане не дали забыть о себе. Уже спустя пару поколений после Нерона гордые повелители мира с удивлением обнаружили, что это странное движение приобретает все большую популярность.

Находившаяся в периоде своего высшего расцвета во времена еврейских восстаний Римская империя оказалась позднее в полосе мучительного кризиса. Ее благополучие подрывало множество причин. В их числе и междоусобные войны претендентов на престол, и натиск северных варваров, и упадок экономики, связанный с отрицательным балансом в торговле с Востоком, куда утекало добытое в войнах римское золото. В том же ряду — демографический кризис римской знати, в среде которой рожать стало немодно...

Кризису материальному сопутствовал и кризис духовный, проявившийся и в богохульственных шутках интеллектуалов, и во всевозрастающей популярности экзотических восточных верований. Государство отчаянно защищалось — при Диоклетиане дошло до того, что императорским декретом были осуждены на сожжение как вредные и опасные для общественного спокойствия некоторые сочинения, в том числе трактаты Цицерона «О природе богов» и «О дивинации» (302 г.)⁷. Философские рассуждения о происхождении и сущности религии, которыми во времена поздней Республики увлекались римские интеллектуалы, в эпоху смертельного кризиса римской духовной традиции стали представляться ересью, разлагающей ее основы.

Однако защититься не удалось. Среди особенностей римской религиозной традиции оказалась ее полная неспособность к каким-либо кризисным перерождениям. Юпитер Капитолийский мог вдохновлять римлян во времена их побед, однако в годы поражений и унижения он от них от-

⁷ Цицерон. Философские трактаты. Отв. редактор, составитель и автор вступит. статьи Г. Г. Майоров. С. М., 1985. С. 33.

вернулся. То же можно повторить и о других представителях римского пантеона. Не помогла и инициатива одного из самых успешных солдатских императоров, сумевшего восстановить надолго утраченное единство империи, Аврелиана, который ввел в Риме культ ближневосточного бога Непобедимое Солнце (*лат. Sol Invictus*), объявив этого бога верховным.

Рим оказался прямой противоположностью иудаизму, чья эмоциональная напряженность с поразительной энергией порождала кризисные порывы. Усмирив огнем и мечом иудейскую традицию, Рим, в конце концов, отдал себя в руки ее эмансипированного порождения.

Кризис сильнее ощущался на западе, и, не меняя еще своих внешних границ, империя внутри себя сместилась на восток. При Константине Великом столица империи была перенесена в город Византий, получивший имя Константинополь, — город, который в течение более чем тысячелетия претендовал на роль нового центра Римской империи. Вплоть до падения Константинополя в 1453 году его жители называли себя римлянами (по-гречески — ромеями), и Константинополь необычайно дорожил своей репутацией Нового Рима (в русской традиции — Второго, о перспективах Третьего Рима в ту эпоху еще никто не задумывался). Находясь в центре грекоязычной зоны Средиземноморья, императоры не торопились отказываться от латыни как официального языка государства. Греческий язык приобрел эту позицию лишь в конце VI века при императоре Маврикии.

Но и сохраняя язык Рима, империя принадлежала теперь к другой цивилизации. После падения Западной Римской империи (476 г.) историки предпочитают называть Восточную Римскую империю Византией. Многие исследователи — особенно представители марксистской школы — рассматривают в качестве решающего и принципиально значимого проявления такого перехода изменение социально-экономических формаций, воплотившееся в движении от рабовладельческого строя к феодализму. Однако и независимо от социальных сдвигов смена религиозных традиций от язычества к христианству оказала важнейшее влияние на судьбы европейской цивилизации. Представим себе, что господствующей религией Византии стала бы популярная в поздней Римской империи религия митраизма. Каковыми были бы последствия в сфере архитектуры, литературы, живописи?

Однако вернемся к истории. В каком-то смысле и христианство, и иудаизм в результате своего столкновения с репрессивной мощью Рима претерпели типологически сходные изменения. Обе эти религии отказались от предельной кризисной непримиримости и отложили на неопределенное будущее ожидание великого мессианского разрешения земных проблем. Таким образом, произошло вживание обеих конфессий в реальность римского мира. Однако иудаизм стал при этом одной из лояльных религий империи, а христианство стало активно служить имперским интересам. Как убедился Константин Великий, христианские лидеры могли обещать своим последователям не только посмертное блаженство, но и прижизненные успехи, в первую очередь победу в борьбе за власть. В конечном итоге интересы империи и интересы христианства слились в единое целое.

Миланский эдикт Константина (313 г.) даровал прежде запрещенной религии гражданское полноправие, а уже в 325 году Константин, не пройдя даже крещения, председательствовал на Никейском соборе, где прозвучал Символ христианской веры. В то же время Константин восстановил все когда-либо принимавшиеся в Риме антиеврейские законы, включая запрет для евреев появляться в Иерусалиме.

Вскоре новый эдикт о веротерпимости разрешил исповедовать уже «заблуждения язычества» — акценты сменились с точностью до наоборот. Это было началом активного христианского наступления, в ходе которого языческие храмы и общественные здания превращались в христианские церкви. Римский Пантеон по разрешению императора Фоки был перестроен папой Бонифацием в собор Богоматери Мучеников. Место захоронения Адриана, увенчанное теперь фигурой ангела, будто бы остановившего эпидемию чумы, превратилось в христианское сооружение, а расположенный на Форуме храм Антонина и Фаустины стал церковью Святого Лоренцо ин Миранда...

Ревнителю старинных верований были потрясены. Теперь к числу осуждаемых ими еврейских грехов добавился новый — иудаизм породил религию, которая уничтожала столь дорогую их сердцу духовную традицию. Интеллектуалы начали старательно изучать корпус еврейских священных текстов, принятых христианами в качестве Ветхого Завета, чтобы найти в нем основания для своих обличительных антихристианских аргументов. И хотя с их стороны по-прежнему

звучали старые антисемитские идеи времен Аполлония Молона и Апиона, акценты существенно изменились.

Теперь приверженцы римско-эллинистической традиции стали рассматривать иудейскую религию как союзника в борьбе с общим христианским врагом. Так один из самых знаменитых авторов поздней античности — Порфирий (232/233 гг. — начало IV в.) в своем труде «Против христиан» пытается подорвать представления об особой святости Ветхого Завета, чтобы ослабить основание христианской религии, но в споре между христианством и иудаизмом его симпатии, безусловно, на еврейской стороне. В трудах «О философии, черпаемой из оракулов», «О воздержании от мясного», «Жизнь Пифагора», «Пещера нимф» Порфирий говорит о евреях с подчеркнутой симпатией и сочувствует бедствиям, которые они претерпели при Антиохе Эпифане и римлянах. В «Жизни Пифагора» Порфирий утверждает, что евреи, наряду с египтянами, арабами и халдеями, были учителями этого греческого мудреца, в «Пещере нимф» он приводит цитату из книги «Бытия» и называет Моисея пророком.

Самый знаменитый ритор IV столетия Либаний состоял в дружеских отношениях с еврейским патриархом, письма к которому свидетельствуют о самом глубоком уважении к духовному лидеру евреев и представляемой им религии. Поздние идеологи язычества рассматривали христианство как своего рода деструктивную секту, против которой они пытались образовать союз традиционных религий, — сюжет, так напоминающий некоторые современные реалии российской жизни, конечно, с принципиально иным отношением к христианству.

Особо любопытный пример — убеждения и деятельность покровителя Либания знаменитого Юлиана Отступника или, как звучало это обличительное прозвище по-гречески «Апостата», который в ходе своего недолгого правления (361–363 гг.) попытался вернуть власть старым богам Олимпа. Впрочем, Юлиан не шел далее введения равноправия — он не закрыл ни одной церкви, надеясь, видимо, на то, что лишенное государственного покровительства христианство обречено на внутренние расколы и непреодолимый кризис. В трактате «Против галилеян» Юлиан обрушивает критику на космогонию Книги Бытия, разоблачает сказочный характер ее сюжетов, а также завистливость библейского Бога, который отказал людям в способности различать добро и

зло и был столь непримиримо ревнив по отношению к другим божествам. Вслед за более ранними критиками иудаизма Юлиан высмеивает идею еврейского богоизбранничества, указывая на ничтожность исторических достижений еврейского народа. Однако тут же оказывается, что Юлиан глубоко чтит Бога Авраама, Исаака и Иакова, который не имеет ничего общего с Богом христиан. В письме к Феодору император указывает, что евреи почитают *«бога... воистину всех превосходящего силой благостью, и правит сим ощутимым мирозданьем — и нам, я уверен, он ведом, и мы ему служим, хоть и под иными именами, — так что они, по-моему, когда не нарушают законов, ведут себя честно и достойно, погрешая лишь тем, что в пылкой своей преданности единому богу иным богам вовсе не служат и мнят, будто только нам, язычникам, эти боги достались в удел, — вот до какого безрассудства довела их варварская заносчивость! Но уж у нечестивцев из Галилеи, сам образ их жизни словно заболевание»*⁸.

Юлиан осуждает заносчивость евреев, которые не желают признать своего родства с греческими верованиями, но восхищается тем, что *«избравшие для себя науку иудейского благочестия, столь пламенно ей привержены, что хоть на смерть за нее готовы, а тем паче стерпеть всякое стеснение... а мы-то тем временам до того стали равнодушными к богам, что и отчие-то обычаи позабыли»*⁹.

Не ограничиваясь декларациями, Юлиан облегчил для евреев налоговое бремя и решил даже восстановить Иерусалимский Храм. Работы были начаты, однако, по сообщению торжествующих христиан, им помешало чудо — возможно, землетрясение или взрыв подземных газов. В конечном итоге, строительство было отложено из-за похода в Персию, из которого Юлиану не суждено было вернуться. После его гибели христианство немедленно восстановило утраченные позиции. Уже в 381 году при Феодосии Великом эпоха веротерпимости закончилась. Христианство окончательно стало главенствующей государственной религией империи.

Надо сказать, что победному наступлению христианской веры мало кто всерьез сопротивлялся. Отчаянный порыв Юлиана с самого начала был обречен. Это были лишь предсмертные конвульсии уходящей в небытие древней

⁸ Штерн. Т. II. Часть 2. С. 211–212, № 483.

⁹ Там же.

культуры. Прежняя государственная религия, лишившаяся государственного покровительства, дисциплинированно скончалась под стоны риторов и философов. Правда, когда император монофизит Анастасий (430–518, император с 491 г.) решил запретить цирковые развлечения, в ходе которых хищники терзали беззащитных людей, это вызвало большое неудовольствие его христианских подданных¹⁰, однако они смирились и с этим. В глухих деревнях еще долгое время сохранялись старые языческие культы, связанные с природопочитанием, однако города, в которых проживала большая часть граждан империи, очень быстро стали оплотом христианства.

Что же касается положения столь радовавших Юлиана своим религиозным рвением евреев, то оно напоминает ситуацию, возникшую после завоеваний Александра Македонского. Народы Ближнего и Среднего Востока усваивали тогда язык, искусство, ценностные ориентации греческой культуры, ставшей основой универсальной эллинистической цивилизации, и только последователи иудаизма (в большинстве своем) остались в стороне от общего движения, сохранив представление о своей уникальной этноконфессиональной идентичности. Спустя семь веков после Александра на обломках языческой Римской империи утвердилась новая, универсальная христианская цивилизация, предложившая разным народам общие символы и духовные ценности, и снова единственными диссидентами, противопоставившими себя общему движению, оказались евреи.

В этой ситуации антиеврейские убеждения получили новые импульсы развития. В отличие от верований греко-римского мира христианство было принципиально нетерпимо к иноверию. В рамках иудаизма еще могли сосуществовать, пусть даже враждовавшие между собой, представители разных религиозных течений, в христианской цивилизации с ее органической нетерпимостью к ересям это стало невозможно. Отношение к иудаизму было особо враждебным, так как поклонники Христа претендовали на авраамическое наследие, отказывая в нем кровным потомкам Авраама. «Новый Израиль» утверждал, что является историческим преемником «старого» — собственно Израиля и, тем самым, берет на себя исполнение обетований, данных некогда Богом праотцам еврейского народа. То обстоятельство, что сами

¹⁰ С. Дашков. Императоры Византии. М., 1996. С. 54.

евреи решительно не желали от этого наследия отказаться, делало их врагами. С христианской точки зрения предполагалось (во многих случаях предполагается и поныне), что евреи просто не заметили, как Бог от них отказался.

Важнейшим доказательством еврейской богооставленности являлась для христиан сама еврейская история — та ее часть, которая изложена в настоящей работе. Евсевий Кесарийский старательно изучает Иосифа Флавия и все доступные ему позднейшие сочинения, чтобы описать в своей «Церковной истории», как непризнание евреями божественной миссии Христа стало причиной отречения от них Бога. Не удовлетворяясь ссылкой на разрушение Храма и прочие бедствия, Евсевий пускает в ход фантазию и приписывает Веспасиану и Траяну массовые преследования евреев на всех пространствах империи. Еще ранее некий благочестивый христианин, чье имя нам не суждено узнать, вписал в «Иудейские древности» Иосифа Флавия (18.63–64[3.3]) историю распятия и воскрешения Христа, о чудесах которого, по общему убеждению приверженцев «нового Израиля», уже в давние времена возвещали боговдохновенные еврейские пророки. Ученые обсуждают вопрос: создан ли данный рассказ только изобретательностью христианского энтузиаста, или же этот человек переписал, приукрасив, то краткое сообщение, которое уже изначально приводилось у Иосифа¹¹. Как бы там ни было, данная вставка превратила Иосифа в свидетеля деяний Христа — это обстоятельство было столь значимым для христиан, что они воздвигли еврейскому писателю стацию в Риме¹².

В ранний период некоторые христианские авторы в своей трактовке исторических событий еще отмечали родственность судеб христианства и иудаизма. Сульпиций Север в своей «Хронике» — всемирной истории, написанной на

¹¹ В дебатах о подлинности свидетельства Иосифа Флавия об Иисусе (*Testimonium Flavianum*) можно выделить несколько точек зрения: текст является аутентичным, текст представляет собой христианскую интерполяцию, текст восходит к Иосифу, но был отредактирован христианином. Большинство исследователей в настоящее время считают текст Иосифа частично интерполированным. Важную роль в спорах сыграло введение в научный оборот варианта текста, который сохранился в арабской рукописи «Всемирной истории» сирийского епископа Агапия. (Прим. *И. Левинской*.)

¹² *Евсевий*. Церковная история, 3.9.

латыни в конце IV века, уверял, что Тит намеренно уничтожил Храм, дабы искоренить иудаизм и христианство¹³. Позднее все изменилось. Спустя тысячелетие в немецкой драме XIV столетия Тит превратился в христианского рыцаря, страстно желающего отомстить евреям за страдания Богоматери¹⁴. Если римляне с присущей им методичностью «выкорчевали» иудейскую непримиримость, уничтожая раздражавшие их фрагменты еврейского общества, то христиане были принципиально непримиримы к самой идее иудаизма.

Впрочем, многие люди с трудом могли разобраться в различиях между старой и новой ветвями авраамической традиции, в результате чего иногда стихийно возникали удивительные иудео-христианские практики. 49-е правило состоявшегося в начале IV в. в Испании Эльвирского собора запрещало просить у евреев благословения над урожаем. Надо полагать, такой обычай был распространен у христиан данного региона.

Впрочем, различия между «старым» и «новым Израилем» не всегда были значимы и для христиан Востока. Младший современник Либания, один из наиболее известных христианских богословов четвертого столетия, Иоанн Хризостом (Златоуст) (347 или 349–407 гг.), уже в первой из своих проповедей, посвященных обличению евреев¹⁵, сообщает, что многие из посетителей его церкви участвуют в праздновании еврейской Пасхи, соблюдают не только христианские, но и иудейские посты, посещают расположенную рядом синагогу, полагая, что этот храм, в котором хранятся

¹³ Штерн. Т. II. Часть 1. С. 62–65, № 282. Некоторые исследователи полагают, что источником Сульпиция был Тацит. См. обсуждение в: Штерн. Т. II. Часть 1. С. 64.

¹⁴ Л. Поляков. История антисемитизма: Эпоха веры. М., Иерусалим, 1997. С. 263.

¹⁵ Традиционно эти проповеди собираются в единый цикл «*Adversus Iudaeos*» (в русском переводе «Восемь слов против иудеев»). Название, однако, не является авторским. В современных изданиях предпочитают несколько иное заглавие: «Восемь слов против иудействующих» (см., например: *John Chrysostom. Discourses Against Judaizing Christians* (vol. 68 of *Fathers of the Church*), trans. *Paul W. Harkins* (Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 1979), которое подчеркивает проповеднический характер текстов и гомилетические задачи Иоанна Златоуста и точнее передает основную направленность его инвектив.

книга Закона (Тора) и проповеди пророков, священен, убеждены, что клятвы, произнесенные в синагоге, особо действенны и т.п. Возмущенный всем этим Иоанн внушал своим духовным детям: *«И если евреи не смогли узнать Отца, если они распяли Сына, если они отвергли помощь (Святого) Духа, кто же не будет достаточно смел, чтобы заявить прямо, что синагога — жилище демонов?»* (1.3).

Евреи *«...живут, чтобы набить свои животы, они разевают рты на этот мир. Они живут не лучше свиней или коз из-за своей распутности и обжорства. Они знают только одно: нажраться и напиться»* (1.4). *«Место, где расположилась шлюха, называют борделем. Но синагога — не только бордель и театр. Это также притон грабителей и логовище диких зверей... не просто диких зверей, а грязных диких зверей»* (1.3). *«...Синагога заслуживает меньше уважения, чем любой постоянный двор. Это не только обиталище грабителей и мошенников, но также и демонов. И это верно не только в отношении синагоги, но и в отношении душ евреев»* (1.4). *«И, следовательно, мы должны ненавидеть их синагоги и их самих»* (1.5).

И, наконец: *«Когда животные непригодны для работы, их отправляют на живодёрню, и именно это случилось с евреями. Сделав себя непригодными для работы, они приготовили себя для убоя. Именно поэтому сказал Христос: “Врагов же моих, тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избежите передо мною”»* (1.2)¹⁶.

Иоанн Златоуст был не первым христианским писателем, обличавшим иудеев, однако на фоне предшественников его проповедь выделяется непримиримой резкостью. Яростная пафосность его антииудейской проповеди несомненно повлияла на христианскую средневековую литературу, посвященную еврейской теме. Вот что пишет по этому поводу Джозуа Трахтенберг, изучавший феномен христианского антисемитизма: *«Наиболее сильное впечатление от чтения средневековых документов, касающихся евреев, производит ненависть — столь непримиримая безграничная и чудовищная, что она способна привести в настоящее замешательство»*¹⁷. Рядом с безумными христианскими

¹⁶ Комментарии к словам из Лк 19:27. Подборка цитат и перевод взяты из Интернета: <http://levit1144.ru/forum/32-9165-1>.

¹⁷ Д. Трахтенберг. Дьявол и евреи. С. 14.

фантазиями антиеврейская идеология древности кажется чем-то пресным и неизобретательным. Если римский мир оставил человечеству образец рациональной беспощадности, то христианское средневековье дало примеры непревзойденной страстности.

Впрочем, чтобы ненависть к евреям достигла на христианском Западе такой непримиримой формы, потребовалось не менее шести-семи столетий. И в Византии, еще очень многими нитями связанной с традициями Римской империи, христианизация законов и обычаев наступала постепенно. Какое-то время императоры пытались следовать старой римской традиции поддержания порядка. Чувство социальной ответственности представлялось более важным, нежели обязательства веры. Символическое значение приобрел в этом отношении прецедент 388 года, когда толпа христиан сожгла синагогу в городе Калликум на Евфрате. Следуя примеру своих предшественников, Феодосий Великий приказал наказать виновников происшествия и заставить их восстановить синагогу, но вмешательство причисленного позднее к лику святых Амвросия Медиоланского заставило императора отступить и оставить евреев в положении потерпевшей стороны. Между 390 и 423 годами еще издавались законы, предписывавшие защищать евреев от незаконных преследований, однако вскоре ситуация изменилась. Изменилось даже принятое обозначение еврейских верований. Когда император Аркадий подтвердил в 397 году права еврейских священнослужителей, в законе говорилось об их религии (*religio*), когда же император Гонорий отменил этот закон, в новом тексте говорилось о тех, кто *«принадлежит еврейскому суеверию»* (*superstitio*). В 409 году Гонорий объявил *«еврейскую испорченность»* чуждой нравам Римской империи. Закон того же императора 418 года запретил евреям, за немногими исключениями, занимать государственные должности, в 438 году Феодосий II объявил евреев *«врагами императора и римского закона»* и т. п.¹⁸ Таким образом, давняя мечта александрийцев и антиохийцев о лишении евреев гражданских прав воплотилась в реальность. Было упразднено и еврейское самоуправление — тот же

¹⁸ The Jews in Roman Imperial Legislation. Edited with Introduction, Translation and Commentary by *Annon Linder*. Detroit, Jerusalem, 1987. P. 64–66.

Феодосий II поставил вне закона институт патриархов. Структура, которая во времена языческого Рима находилась под особым покровительством власти, так как гарантировала лояльность иудейской общины к языческой империи, христианской империи только мешала.

В Византии инициатива гонений и преследований перешла из рук толпы к властным структурам, и впервые в истории появился государственный антисемитизм, отражающий не какие-либо текущие настроения администрации, но ее принципиальную и неизменную позицию. После двух столетий мира и согласия с римским порядком иудейские подданные империи столкнулись с новой реальностью. Еврейская община испытала глубокое потрясение. Гонения на евреев императора Констанция (351 г.) вызвали в Иудее восстание под предводительством некоего Патриция, которого, по сообщению Аврелия Виктора, «возвели... как бы на царский престол»¹⁹. И в других регионах евреи противостояли Византии. Когда войска Велизария осадили находившийся в руках остготов Неаполь, наиболее упорное сопротивление оказали им еврейские отряды — после взятия города византийские солдаты преследовали евреев с особым усердием²⁰. Такое же противостояние возникло в ходе гражданской войны в сасанидской Персии, когда войска императора Маврикия и местная иудейская община поддержали разных претендентов на престол, что повлекло за собой очередное избиение евреев²¹. Позднее евреи выступили в союзе с персами, отвоевавшими на какое-то время Палестину у византийцев, далее приветствовали появление в Палестине войск мусульманского халифа Омара... Ответом империи были массовые убийства и периодически провозглашавшиеся указы о поголовном крещении под страхом казни.

Если во времена Рима главной проблемой жителей Иудеи была необходимость смириться с реальностью «безбожного» чужеземного владычества, то под властью Второго Рима им пришлось научиться жить в мире, который априори отказывал им в равноправии и уважении, временами же пытался полностью уничтожить.

¹⁹ Штерн. Т. II. Часть 2. С. 166, № 480.

²⁰ Прокопий Кесарийский. Война с готами. 5.8; 5.10.

²¹ Феофилакт Симокатта. История. 5.7.5–10.

В качестве послесловия

ИЗ ИЕРУСАЛИМА В ИЕРУСАЛИМ. ПУТЬ В ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ

Иудейская война, завершившаяся гибелью Храма, удивила римлян, не ожидавших столь яростного сопротивления. Великие завоеватели верили в свое историческое призвание и право на обладание вселенной. Гораций, заявлявший в своем «Памятнике», что его слава не забудется до тех пор, пока на холм Капитолия всходят молчаливые жрицы-весталки, был убежден, что обозначает таким образом вечность. Римляне не могли представить, что время уравнивает между собой Рим и Иерусалим, что судьбы храмов, в которых приносили жертвы римским богам, повторят судьбу Иерусалимского Храма.

Оставленный христианскими императорами ради новой столицы на востоке древний Рим пережил возрождение как столица западного христианского мира. В этом качестве Рим не только отверг свое языческое прошлое, но вступил в историческое соперничество с Константинополем и добился политического преобладания. Однако уже в седьмом столетии претендовавшему на вселенскую власть христианскому миру пришлось столкнуться с исламским вызовом. Разных хранителей авраамического наследия противопоставляла друг другу ревность о Господе, отсюда подозрительность и непримиримая враждебность по отношению к другим претендентам на Завет с Богом Авраама. Множество людей, повторявших слова, произнесенные некогда еврейскими мудрецами, к евреям испытывали самые недобрые чувства. Другая судьба у тех еврейских общин, которые обосновались рядом с народами, чуждыми авраамическим верованиям. Идиллическое благополучие, отличавшее жизнь евреев

Индии и Китая, решительно контрастирует с судьбой их собратьев, оказавшихся под властью христиан, претендовавших на роль нового Израиля.

Рассуждая строго, иудаизм мог быть единственной нехристианской религией, существование которой христианский мир мог допустить. Своим униженным положением евреи свидетельствовали бы о страстях Христовых. Однако выдержать такую специфическую избирательность христиане оказались не в состоянии. Этому мешал сам характер средневекового христианского общества — нетерпимого, фанатичного, не знавшего полумер.

Впрочем, как во времени, так и в пространстве ситуация существенно варьировалась. Если в Византии государственный антисемитизм восторжествовал уже с конца IV столетия, то в Западной Европе до X века еврейские общины находились под королевским покровительством. Исключение — павшее перед арабским вторжением испанское государство остготов, чьи правители были непримиримо враждебны к евреям. Но в то самое время, когда правители остготов вводили предельно суровые по отношению к своим еврейским подданным установления, с другой стороны Пиренеев процветала великая империя Меровингов, а потом Каролингов, в которой евреи были близки по своему положению к знати. Такая же ситуация сложилась и в сопротивлявшихся арабскому завоеванию христианских государствах Испании. Евреи относились к числу обладателей ценных знаний и культурных навыков. Они исполняли ответственные функции торговцев, дипломатов, врачей, ремесленников. Такую ситуацию не могли изменить даже выступления служителей церкви, негодовавших по поводу излишне благополучного и противоестественно почетного, с их точки зрения, положения врагов Христовых. Однако со временем евреи Запада утратили почетный социальный статус, на их долю остались только самые невыгодные, даже презираемые виды деятельности, такие как запретное для христиан ростовщичество. Это дополнительно усиливало ненависть к евреям, которой учила благочестивых христиан церковь. Впрочем, средневековый антисемитизм не объясним только социальной эволюцией. Как и всякая страсть, истовая ненависть к евреям в значительной мере основывается на иррациональных побуждениях, не сводимых к каким-либо прагматическим основаниям.

Нельзя сказать, что, расставшись с землей предков, евреи полностью утратили прежний религиозный пыл. И находясь в странах рассеяния, в течение почти двух тысяч лет каждую Пасху они желали друг другу встретить следующую Пасху в Иерусалиме. Однако эта заветная мечта не предполагала каких-либо практических действий, и религиозная страстность евреев обращалась теперь главным образом на противостояние внешней агрессии. Обращение евреев в христианство было сознательно поставленной целью римского католического престола. Многие богословы считали, что оно является необходимым условием для второго пришествия Христа и, коснея в своем упрямстве, евреи отдаляют тем самым миг общего Спасения. И хотя в папских посланиях многократно декларировалось, что даже во имя святой цели нельзя прибегать к принуждению, христиане были просто не в состоянии отказаться от этого ресурса. Чтобы преодолеть упорное сопротивление евреев, прибегали к различным ухищрениям, соблазнам, жестокостям. Крещение принуждали принять под страхом смерти, временами происходили кампании массовых убийств. Когда Иоанн Златоуст, стремившийся отучить свою паству от дружбы с соседями евреями, сравнивал евреев с животными, обреченными живодерне, он не мог предвидеть, что на христианском Западе эта метафора воплотится в жизнь самым буквальным образом. Еще драматичней была эпоха первых Крестовых походов, оказавшихся для Запада временем становления непримиримого антисемитизма. Движение крестоносцев к Иерусалиму сопровождалось массовыми убийствами евреев. Истреблялись целые общины. Как и во времена Иудейской войны, многие предпочитали погибнуть от рук соплеменников, нежели от ярости врагов, и совершали коллективные самоубийства. Прежде чем уйти из жизни, еврейские матери убивали собственных детей, чтобы спасти их от насильственного крещения.

И чем больше христиане преследовали и убивали евреев, тем больше верили, что евреи живут в глубочайшей ненависти к христианам. Вот слова одного из средневековых поэтов, обращенные к евреям: *«Мы — чада Божьи, вы же вредоносные твари; если бы вы имели такую же власть над нами, как мы над вами, ни один христианин не прожил бы и года»*¹.

¹ Д. Трахтенберг. Дьявол и евреи. С. 39.

Это общее убеждение конкретизировалось во множестве отдельных обвинений. Евреям приписывали сатанинские ритуалы, включавшие убийства христианских младенцев, чья кровь использовалась будто бы для изготовления мацы. По другой версии, главным еврейским преступлением являлось издевательство над мистическим телом Христовым — гостями, которые, как было точно известно благочестивым христианам, оживают и мучаются, когда евреи подвергают их истязаниям. Впрочем, в этом преступлении обвинялись не только евреи. В 1233 г. папа Григорий IX предъявил его немецким схизматикам². В 1323 году были арестованы аббат цистерцианского монастыря и его близкие, которые будто бы собирались скормить освященные гостию коту, чтобы использовать его шкуру в магических целях³. Еврейство ассоциировалось с ересями и черной магией.

Христиане были также убеждены, что евреи распространяют эпидемии через отравление водных источников или другими более изощренными способами — например, через заражение дверных молотков. В том же ряду магическое наведение бурь, дабы помешать христианскому флоту в борьбе с исламскими государствами, или предательские связи с татарами и турками, в боевых успехах которых обвиняли тех же евреев.

Даже готовность креститься не гарантировала безопасность. Отмечу историю Бенито Гарсия, обращенного еврея из расположенного рядом с Толедо местечка Ла-Гуардия. В конце 1490 года вместе с четырьмя другими евреями, принявшими христианство, и шестью их сородичами, сохранившими верность религии предков, он был обвинен инквизицией в том, что прибегал к черной магии, используя гостию и сердце распятого ребенка, чтобы погубить все христианство. Через год после начала процесса, сопровождавшегося пытками, обвиняемые признались в преступлении, однако протокол сохранил слова Гарсия, с негодованием заявившего своим мучителям, что *«он полностью отрекся от христианства после того, как ему стали заливать воду в ноздри»*⁴. Неукротимый Гарсия ничем уже не рисковал. Судьбы смиренных и гордецов в этом случае оказались одинаковыми. Сожгли всех.

² Д. Трахтенберг. Дьявол и евреи. С. 198.

³ Там же. С. 199.

⁴ Л. Поляков. История антисемитизма. С. 142.

Иначе складывалась ситуация на востоке Средиземноморья, где евреям было суждено пережить историческое бытие Второго Рима. При известии о взятии турками Константинополя (1453 г.) евреи испытали удовлетворение, считая это справедливым возмездием за многовековые преследования и притеснения. На полях обнаруженной в феодосийской синагоге копии книги еврейского писателя Авраама Крымского ее владельцем была сделана запись: *«Во вторник 21-го числа месяца Симвон 5213 г. завоевал могущественный властелин крупный город Константинополь и тогда настал конец нечестивой и беззаконной Греции»*⁵.

Для торжества евреев были все основания — презираемые парии византийского общества, в Турецкой империи они оказались в числе уважаемых граждан, находившихся под защитой закона. Конечно, это не означало равноправия с мусульманами, но ни на веру, ни на имущество, тем более на жизнь евреев в Турции никто не покушался. И когда в 1492 году католические повелители Испании Фердинанд и Изабелла велели евреям покинуть страну, многие из них поспешили укрыться в турецких владениях.

Однако и мусульманский мир знал свои эпохи фанатизма. Особой неприязненностью к евреям отличались Альмохады — представители берберской династии из горных районов Марокко, пришедшие к власти в мусульманской Испании в 1147 году. Они принуждали евреев принять ислам, и многие бежали в христианские королевства Кастилию и Арагон, где ситуация была более благоприятной. Спустя два столетия евреи, желавшие сохранить верность религии отцов, спасались уже от притеснений испанских христиан и бежали в обратном направлении. Они нашли убежище в Гранаде, которая оставалась последним мусульманским анклавом на территории Испанского полуострова и сохраняла традицию веротерпимости. Однако в 1492 году Гранада была захвачена войсками христиан и здешним евреям пришлось продолжить свои странствия. Не помогло и то, что по договору капитуляции за ними сохранялось право исповедовать свою религию. Некоторые беглецы обосновались в североафриканских городах, более раннее еврейское население которых было уничтожено в результате вспышек мусульманского фанатизма.

⁵ Цит. по: *И. Ачкинази*. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. Симферополь, 2000. С. 57.

В течение веков евреи метались между странами и континентами, пытаясь найти безопасное прибежище. Их единственным утешением оставалась вера в грядущее пришествие Мессии — спасителя Машиаха и сказка о чудесной стране за рекой Самбатсион, где обитают переселившиеся туда в древности представители десяти колен Израилевых, исчезнувшие после ассирийского завоевания. Лишь решительное перерождение западной цивилизации, отдалившейся в своем развитии от религиозных истоков, открыло перед евреями перспективу гражданского полноправия. На это, хотя и не без значительных колебаний, пошло Законодательное собрание Французской республики, которое вслед за всеми своими революционными преобразованиями, уничтожившими старый порядок, пересмотрело и вопрос о положении евреев (27 сентября 1791 г.). Наполеон даже попытался восстановить древний Синедрион, чтобы сделать евреев всего мира своими союзниками. На этом основании его немедленно объявили Антихристом, однако император Франции вскоре разочаровался в своем проекте и инициировал законы, вновь установившие ограничения для евреев. Лишь после низвержения Наполеона реставрированная монархия Бурбонов вернула евреям установленное Республикой полноправие. Это может показаться парадоксом, однако проблема статуса евреев вставала на повестку дня еще до революции, когда Людовик XVI поручил своему министру Малербу урегулировать данный вопрос. Еврейское равноправие явилось порождением не республиканского строя, но нового цивилизационного порядка, утверждавшегося в Европе на развалинах средневековья, и вопрос о форме правления был в данном отношении второстепенен. Английская монархия решала еврейский вопрос так же, как и Французская республика. Неравноправное положение евреев, оказавшихся в числе подданных Российской империи, было обусловлено не самодержавным правлением, но тем обстоятельством, что империя Романовых сочетала стремление к модернизации общего европейского стиля с консервативной приверженностью установлениям вполне средневекового характера.

Изменения, принесенные Новым временем, затронули не только гражданское положение, но и самосознание евреев. Девятнадцатое столетие проходило под знаком активной ассимиляции. В западных странах доминировала идея еврейского Просвещения, носители которой делали все возможное,

чтобы вписаться в религиозный ландшафт окружавшего их христианского мира. В XIX столетии раввины Франции даже одевались сходно с католическими священниками и всерьез рассматривали вопрос о перенесении субботы на воскресенье. Большая часть новой иудейской религиозной практики была просто скопирована с католического образца. Нечто подобное происходило в Германии и Австрии. Совершенный над будущим основателем сионизма Теодором Герцлем обряд религиозного посвящения, был назван *бармица* по аналогии с католическим обрядом конфирмации.

Судьба Герцля, мечтавшего в юности об искоренении антисемитизма посредством заключения конкордата с папой римским, которому он был готов обещать полное обращение евреев в христианство, показывает сколь противоречивым оказался этот путь. Мечта о возрождении Израиля родилась 5 января 1895 во дворе Парижской военной академии, где был подвергнут гражданской казни осужденный за чужое преступление капитан Адольф Дрейфус, успевший крикнуть: «*Клянусь и заявляю, что вы лишаете чести невинного человека. Да здравствует Франция!*». Толпа отвечала ему воплями: «*Долой евреев!*», и присутствовавший при этой сцене в качестве корреспондента венской газеты Герцль испытал шок и откровение. Он отказался от прежних надежд и с присущей ему страстью начал работать над идеей еврейского государства. Расходясь в этом отношении с большинством своих современников, первые сионисты ощутили на себе тень грядущего Холокоста, от которого они безуспешно пытались спасти свой народ. Большинство евреев не видело смысла в их усилиях и воспринимало энтузиастов еврейской государственности как одержимых фантазеров.

В рамках настоящей работы нет места для сколько-нибудь подробного рассказа об историческом воплощении сионистского проекта, вернувшего Иерусалим под еврейский контроль. Государство Израиль было создано в результате компромисса между проникнутыми идеалами модернизации, светски образованными отцами-основателями сионистского движения и традиционалистами — религиозными евреями, которых примирил с сионистской идеологией только Холокост. И сейчас еще существуют маргинальные группы, отвергающие правомочность существования еврейского государства, так как государство это воссоздал не Мессия, а банальные политики.

Реальность, по определению, не может выдержать сравнения с религиозной мечтой, но проблема не только в этом. Становление Израиля оказалось связанным с общим цивилизационным конфликтом, по-своему повторившим ситуацию, которая привела некогда к гибели древней Иудеи. Никогда не читавшие Иосифа Флавия арабские террористы даже в деталях повторяют деяния прежних сикариев, пытавшихся остановить римское вторжение с помощью террора и прибегавших к похищению заложников. Новым словом оказались лишь террористы-самоубийцы с поясом шахида. Религиозно-политической одержимости мира ислама противостоит Новый Рим — понятие уже не политическое, но цивилизационное. Новый Израиль оказался форпостом Нового Рима, с существенно отличающимся, однако, раскладом сил — человеческих и экономических ресурсов. История загадочно повторилась, переместив еврейскую позицию и сделав новое еврейское государство заложником новой вселенской драмы.

*По всем вопросам, связанным с приобретением этой книги
обращаться в*

Торговый Дом «Гуманитарная Академия»

Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 8

**(ст. метро «Черная Речка», полуподвал,
вход с ул. Академика Шиманского).**

Тел./факс: (812) 430-99-21

E-mail: gumak@mail.ru

Сайт: www.humak.ru

Т о р г о в ы й Д о м

«Гуманитарная Академия»

предлагает магазинам, библиотекам и книготорговым организациям все лучшее и наиболее качественное из мира научно-гуманитарной (история, философия, социология, психология, культурология, литературоведение и т. п.) и некоммерческой художественной литературы. В числе наших партнеров более 120 издательств России, книгами которых мы торгуем *по издательским ценам*. Если вы хотите работать с ассортиментом немассового спроса или приобретать книги, которые не представлены в сетевых магазинах, обращайтесь к нам!

- ◆ *Торговля оптом и в розницу*
- ◆ *за наличный и безналичный расчет*
- ◆ *Комплектование библиотек*
 - ◆ *Работа по заказам*
- ◆ *Индивидуальный подход в системе скидок*

М80

Мороз Е.

Евреи и Рим. История за Стеной Плача.

— СПб.: «Пушкинский фонд», 2012. — 200 с.

ISBN 978-5-89803-220-3

ББК 63.3(0)3

Мороз Евгений Львович

Евреи и Рим. История за Стеной Плача.

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2012

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

ПУШКИНСКИЙ ФОНД